

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 7

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2012

ББК 63.211
И 91

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1, 2), *В.В.Митрофанов* (разд. 1, гл. 3),
А.Б.Храмцов (разд. 1, гл. 4), *О.В.Ищенко* (разд. 1, гл. 5),
М.Н.Глумная (разд. 1, гл. 6), *Л.В.Алексеева* (разд. 1, гл. 7),
В.В.Фарносова (разд. 1, гл. 8), *Н.В.Сапожникова* (разд. 1, гл. 9),
Е.Н.Солодкина, *Р.Я.Солодкин* (разд. 2, гл. 1), *И.А.Силаева* (разд. 2, гл.2),
Ю.В.Феоктистова (разд. 2, гл. 3)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижевартовске) *В.В.Митрофанов*;
кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Западно-Сибирского
Института Финансов и Права *Л.В.Мокина*

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории:** Коллективная монография Ч. 7 / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2012. — 290 с.

ISBN 978–5–89988–950–9

В новой части серийного издания по вопросам источниковедения и историографии прошлого Сибири рассматривается широкий круг дискуссионных, малоизученных, а то и вовсе обойденных вниманием исследователей проблем, решение которых существенно важно для понимания многих сторон развития Азиатской России в XVII—XX вв.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей Сибири того времени.

ББК 63.211

ISBN 978–5–89988–950–9

© Издательство НГГУ, 2012

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.**

Глава 1

ДВЕ ПЕРВЫЕ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА: СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ

1. Об одном раннем варианте Головинской редакции Сибирского летописного свода

Среди нескольких списков Головинской редакции (далее — Г) Сибирского летописного свода (далее — СЛС) по обилию различий с остальными, что не привлекло внимания издателей памятника, выделяется Миллеровский (далее — М), который в сборнике середины XVIII в. предваряется «Повестью» Саввы Есипова¹. Этот список в отличие от других, как нетрудно убедиться, сохранил текст, близкий к Книге записной (далее — КЗ) — старшей из дошедших до нас разновидностей «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», составляющей в большинстве редакций СЛС его вторую часть. На взгляд Н.А.Дворецкой, в М соединены сведения КЗ и Г, в данной рукописи представлен особый вид Г, «сокращенный, очевидно, поздний, вариант существовавшего ранее переходного вида», поздняя переработка не дошедшего до нас промежуточного звена между названными редакциями СЛС². Приведенные суждения, думается, не вполне согласуются друг с другом.

В открывающем М очерке зауральского похода Ермака несколько раз упоминается «Сибирь Старая Кучюмовская» (189. Примеч. 6—15, 31—33, 40; 190. Примеч. 45). Единственное указание на нее нам встретилось в КЗ, где, как и в Погодинском летописце, да и в некоторых документальных источниках (129, 133, 136—139)³, идет речь о Старой Сибири. В М подобно КЗ (об этом сказано и в «Кратком описании о Сибирстей земли...», Новом летописце) говорится о «присылке» в «Закаменскую страну» на помощь ермаковцам С.Болховского и И.Глухова с государевым жалованьем (73, 74, 138, 189. Примеч. 6—15). И в М, и в КЗ (как, кстати, в Румянцевском летописце вида Б) читаем о перекопи на острове, где заночевал «ратоборный» атаман перед боем, в котором погиб (40, 138, 189. Примеч. 29)⁴. В М, в отличие от 5 других

списков Г и опять-таки вслед за КЗ, мы не прочтем о спасении Ивана Кольца (якобы павшего от рук кучумлян уже на Вагае) с двумя казаками (остальные тридцать восемь были убиты) во время вероломного нападения Карачи (138, 189. Примеч. 6—15). Создатель текста, дошедшего до нас благодаря М, повторил известия КЗ о бегстве Ивана Мансурова через «Камень» «к Русе» и реке Тоболу, давшей имя Тобольску, по которой «благодать Божия прииде на место то и дьяволя крепость попрося» (139, 189. Примеч. 31—33; 190. Примеч. 56).

Весьма многочисленные «общерусские» свидетельства КЗ за 1584—1613 г., опущенные в Г по большинству списков, в М приведены, хотя зачастую в сокращенном виде. Кроме того, в М в отличие от КЗ сказано об освобождении Москвы от интервентов 22 октября 1612 г. и возведении Филарета на патриаршество Феофаном, патриархом Иерусалимским (в рукописи ошибочно Ярославским) и всей Палестины в 124 г., а не годом прежде, когда произошел размен митрополита, являвшегося отцом Михаила Федоровича, и читаем, что Михаила Федоровича не стало в 1645 г. «июля против 13 числа, в ночи», а не 14 июля, о чем сообщается в остальных рукописях Г (138, 140, 142—145, 155, 189. Примеч. 31—33; 190. Примеч. 89; 192. Примеч. 51, 60; 193. Примеч. 73—74; 200. Примеч. 98—99; 201. Примеч. 19—19)⁵.

Десятки же «сибирских» известий КЗ, которых мы не найдем в других списках Г, в М воспроизведены целиком или почти полностью. Таковы, в частности, сообщения об основании Тюмени в 7093, а не в следующем году (138, 189. Примеч. 34), о заселении недавно «поставленного» Пелыма ссыльными угличанами (139, 190. Примеч. 81), об отправке в 106 г., при «святоцаре» Федоре, в Мангазею «для проведывания и ясак збирать» Ф.Дьякова, целовальников из Тобольска З.Яковлева и Д.Иванова, которые два года спустя привезли ясак в Москву, и тогда же в Мангазейскую землю выступил князь М.Шаховской (140, 191. Примеч. 20—23)⁶, о «сидении» в Мангазее вместе с воеводой Ф.Ю.Булгаковым письменного головы Н.Г.Елчанинова, а не М.Радилова (142, 192. Примеч. 49; ср. 260, 316), служившего, оказывается, в Пелыме, о походе, закончившемся окончательным поражением Кучума, не в 106, а в 109 г.⁷, о награждении его участников золотыми и смерти в Москве попавших в плен сибирских цариц и царевичей, оставшихся

некрещеными (142, 190. Примеч. 90—93; 191. Примеч. 20—23; ср. 98, 259, 316), о состоявшем в «перемене» тобольского воеводы князя И.П.Буйносова-Ростовского письменном голове В.Н.Плещееве, которого предписывалось посылать «на воеводства на упалые места» (144, 193. Примеч. 83—83), о смерти в первую же зиму управления Тобольском «товарища» князя И.С.Куракина (до которого в Сибири бояр не бывало) князя Г.И.Гагарина, отчего его сын Данила не поехал воеводой в Нарым (145, 193. Примеч. 94, 100—100), о переводе березовского воеводы П.В.Волынского в Мангазею в 126 г. (145, 194. Примеч. 27), об участии в сыске 131 г. про сибирских воевод кроме И.В.Спасителява подьячего А.Башмакова (147, 195. Примеч. 70), о смене сургутского воеводы князя М.С.Гагарина в 137 г. не А.О.Акинфиевым (он ведал Красноярском), а Б.И.Кокоревым, о начале тобольского воеводства князя А.А.Голицына 16 (а не 17) мая 1633 г. (150, 198. Примеч. 23), об отправке «ставить» Томск (вернее, о чем говорится и в КЗ), Якутск воевод и 246 служилых людей из Тобольска, 50 — из Березова на 50 дощаниках (152, 199. Примеч. 65), о енисейском воеводстве с 142 г. Н.Л.Веревкина (или Веревкина Игнатьева) (151, 199. Примеч. 73—73), о приезде в январе 1643 г. стольника И.П.Пронского к отцу — первому тобольскому воеводе, который отпустил с сыном в Москву свою жену и дочь (153, 199. Примеч. 80), о софийском протопопе Андрее (по М. Захарьеве), который наряду со стольником князем И.Г.Ромодановским и подьячим С.Корелкиным приводил тоболяков к присяге Алексею Михайловичу (155, 202. Примеч. 59—59), о смерти тобольского дьяка И.Переносова 5 июня 1646 г. (а не в 1645/46 г.) (154, 200. Примеч. 98—99), о верхотурском подьячем (с 156 г.) М.Лихачеве (156, 201. Примеч. 34), о воеводстве в Сургуте в годы тобольского «сидения» стольника В.Б.Шереметева (1649—1652) А.В.Кропоткина, а не С.Г.Демского, о смене в 160 г. дьяком Г.Углевым Т.Васильева, «взятого» в Москву, о прибытии архиепископа Симеона в Тобольск 20 (а не 1) декабря 1651 г. (157, 202. Примеч. 60, 61—66, 72), о «посылках» в Китай П.Ярыжкина и С.Аблина, а затем Ф.И.Байкова и С.Кубасова (160—166 гг.) (157, 159, 203. Примеч. 78—82)⁸, о «присылке» второго воеводы Д.С.Яковлева в Тобольск в 168 г., а не в следующем, об отъезде в Москву 28 августа 1660 г. архиепископа Симеона, который «до зимнего пути» «осеновал»

в своей вотчине — Усть-Ницинской слободе, о пожаловании этого владыки государем (160, 205. Примеч. 37—42, 54—55), о замене умершего в 168 г. тюменского воеводы А.В.Кафтырева вначале тобольским сыном боярским И.В.Струной, затем прибывшим из Москвы воеводой М.Д.Павловым (преемником последнего, как вдобавок сказано в М, стал И.И.Лодыгин) (161, 206. Примеч. 59—59; 207. Примеч. 84—84), о поездке в столицу в 1661 г. и оставлении сибирской кафедры архиепископом Симеоном, о приезде в 167 г. в Тобольск немецких офицеров в рейтары и солдаты «прибирать ... и строитву учить»⁹, о ссылке в том же году из Тобольска в Якутск головы пеших казаков Я.Г.Шульгина со всей семьей (161, 205. Примеч. 43—53, 54—55)¹⁰, о хиротонисании архиепископа Корнилия ростовским митрополитом Ионой и приезде нового владыки в сибирскую столицу 23 февраля 1665 г. (а не на следующий день, как читаем в большинстве списков Г) (162, 205. Примеч. 54—55), о начале тобольского воеводства боярина князя А.А.Голицына 15 мая 1664 г., о его сослуживце прежнем письменном голове К.Дохтурове, о том, что кетский воевода Д.И.Хрущов управлял и Томском со времени смерти там И.В.Бутурлина до приезда (как уточняется в М, в том же 174 г.) И.Л.Салтыкова (162, 206. Примеч. 61, 69, 73—74), а ротмистр Д.Д.Аршинский был направлен из Тобольска в «Даурь» вместо Л.Толбозина в 176 г. (согласно КЗ, с 1 марта) (164, 204. Примеч. 4—4), верхотурскому воеводе Ф.Г.Большому Хрущову, временно заменившему в Тобольске в 1672 г. уехавшего в Москву И.Б.Репнина, было велено писать в другие сибирские города «боярским именем» прежнего воеводы (166, 208. Примеч. 99—100), тобольского воеводу боярина П.М.Салтыкова в 1674 и 1675 гг. приезжали навестить сыновья (166, 211. Примеч. 67—68)¹¹, П.В.Шереметев Молодой управлял Тобольском со 2 мая 1678 г. (170, 214. Примеч. 36—40)¹², о С.Ю.Тютчеве как подьячем с приписью в Верхотурье с 181 г. (165, 209. Примеч. 16—18), о боярине П.М.Салтыкове — тобольском воеводе с 13 марта (а не мая) 1673 г. (166, 209. Примеч. 19—19; ср. 168, 274, 329, 350), о проезде в 1675 г. через Тобольск в Китай Н.Г.Спафария¹³, о смерти тобольского дьяка Ф.Протопопова 13 марта 1677 г. (166, 168, 211. Примеч. 67—68)¹⁴, о «посылке» в Мангазею подьячего с приписью Б.Л.Софонова (168, 213. Примеч. 34)¹⁵, о тобольском пожаре,

начавшемся под горой «у Трошки Ржаникова» (172, 215. Примеч. 58—61)¹⁶. Кстати, только в М сообщается, что во время пожара 14 июня 1678 г., когда «у вдовы Онфимии загорелось», на горе выгорело 74 посадских двора (214. Примеч. 36—40). В остальных списках Г читаем, что в 187 г. (вплоть до 14 июня) были «пожары многие от зажигалщиков»; согласно другим редакциям СЛС, в предыдущем году (в мае и июле или мае и июне) в Тобольске на горе «от воров зажигальщиков ... выгорело дворов жилецких с 300 и болши» (101, 214, 275, 331, 351). В М, как и в КЗ, упоминается о «присылке» князя С.В.Клубкова-Мосальского в Томск вместо умершего по пути туда князя И.И.Лобанова-Ростовского в 148 г., а не спустя десятилетие (152, 200. Примеч. 90; ср. 266. Примеч. щ, 323, 344). Не имеют аналогий в КЗ и других списках Г известия о том, что в начале царствования Михаила Федоровича томскому воеводе И.Секерину было приказано не управлять Тюменью, а ехать в Москву. Оригинально¹⁷ и имеющееся в М свидетельство о том, что 19 февраля 1676 г. боярин П.М.Салтыков получил государев указ «о церковных расколщиках», которых предписывалось сжигать, и уже через 9 дней в срубе сожгли попа Степана, дьякона Феодота и старца Никона (145, 194. Примеч. 18—19; 211. Примеч. 67—68). Отметим также, что сравнительно с остальными списками Г в М, как и в КЗ, нередко указываются «отчества» сибирских администраторов (191. Примеч. 14; 194. Примеч. 38; 195. Примеч. 64—64; 197. Примеч. 99—99; IV, 1; 200. Примеч. 8; 202. Примеч. 51, 58; 207. Примеч. 87—88; 208. Примеч. 95—98; 213. Примеч. 9, 17—17, 22, 23, 26), названо прозвище небезызвестного князя С.И.Шаховского (197. Примеч. 4), а кузнецкий воевода Ф.Поленов (Поленев) представлен, кстати, в согласии с документами, Хоненевым (151, 198. Примеч. 40; ср. 265, 321).

В М (в сборнике с которым есть любопытный перечень атаманов и казаков, павших в боях с «погаными» при взятии «Сибирского царства», см. 78), как и в КЗ, отсутствует немало известий, имеющих в других списках Г. Такovy сообщения о том, что в течение 7095—7097 гг. Тарой управлял князь Ф.Елецкой, в 110 г. в Тобольске «явился святитель Христов Николае чудотворец», «и по его явлению» воздвигли церковь (140, 141, 190. Примеч. 61—62; 191. Примеч. 28—31), князь Р.Ф.Трокуров «с товарищи» были

«присланы» в Тобольск «от Ростриги» (142, 192. Примеч. 52—52), при воеводе Д.Полтеве «горел» Кетский острог (149, 195. Примеч. 85—85), в 1628 г. архиепископ Макарий получил патриаршую грамоту (149, 197. Примеч. 93—96)¹⁸, Кузнецкий острог выстроен «усть Брасы» томским татарским головой О.Кокоревым, казачьим головой М.Лавровым, сыном боярским О.Михалевским (145, 194. Примеч. 22—22, 23—23), о явлении 25 июля 1636 г. Богородицы в селе Абалацком «некоей жене» и сооружении «по тому явлению» в следующем году церкви и установлении праздника Богородицы, от «образа» которой произошли многие чудеса (151, 199. Примеч. 53—59), о закладке 24 мая 1646 г. тобольского Софийского собора и его освящении (155—156, 201. Примеч. 30—32), о пожаловании 17 апреля 1652 г. архимандрита Знаменского монастыря Иосифа белой шапкой архиепископом Симеоном, который по государеву указу «учинил» протопопов в пяти сибирских городах (157, 202. Примеч. 66—68), о возникновении в 187 г. раскольничьей пустыни на речке Березовке в Тобольском уезде, о закладке в 1679 г. церковью в Тобольске (в большинстве списков Г об этом идет речь в пяти записях кряду), о «поставлении» 13 мая того же года митрополитом Павлом архимандрита Матфея в енисейский Спасский монастырь (с правом носить белую шапку), о доставке из Москвы (откуда их послали в январе 1679 г.) в Тобольск 18 августа 1680 г. к соборной церкви трех больших колоколов (171, 214—215. Примеч. 41—49).

Вместе с тем налицо многочисленные расхождения между сходными показаниями Г по М¹⁹ и КЗ. Основание Тары в М датируется 100 г., тогда как в КЗ — 102, а в большинстве списков Г — следующим (140, 190. Примеч. 81). Сослуживцем тобольского воеводы князя Ф.М.Лобанова-Ростовского (100—103 гг.) князь М.В.Ноздроватый представлен лишь в старшей редакции СЛС, где возникновение Пельма относится к 101 г., а не 102, как в М (в остальных рукописях Г Пелым назван в числе городов, сооруженных на протяжении 99—102 гг.) (139, 190). Среди «начальных людей» Пельма за 111—113 гг. в КЗ помимо воеводы А.И.Зюзина фигурирует и письменный голова М. Радилов (142, 192. Примеч. 48). В годы тобольского воеводы боярина И.С.Куракина (1616—1620) Пелымом, если следовать КЗ, управляли И.Я.Вельяминов и Г.Н.Орлов; в М о последнем из них умалчивается, а в других

списках Г не сказано и про И.Я.Вельяминова (145, 194). Верхотурскими администраторами 1616—1620 гг. вместо указанных в КЗ Ф.С.Плещеева, Ф.Д.Дурова и В.Тимофеева в М названы И.В.Головин, Федор Иванович²⁰ и подьячий В.Спицын, «товарищем» определенного в 123 г. на сургутское воеводство Г.Г.Вельяминова в М вместо И.Ф.Зубатова представлен Е.Корсаков (145, 193. Примеч. 85—86, 88). Как читаем в КЗ, боярин Д.Т.Трубецкой стал воеводой Тобольска 29 мая 1625 г., а умер 24 числа следующего месяца; согласно Г, знатный князь, даже претендовавший на престол, начал управлять «Сибирским царством» 29 июня того же года, но уже 24 июля скончался. Д.Т.Трубецкого на тобольском воеводстве сменил князь А.А.Хованский — или 24 февраля 1626 г., или месяцем прежде (148, 196; ср. 319). Мангазей с 137 г., согласно КЗ, ведали Г.И.Кокорев и А.Ф.Палицын. В Г перечислены и их предшественники — Т.С.Боборыкин и П.Боборыкин, но в М названы не они, а указан П.С.Полтев (149, 197)²¹. По свидетельству «писателя» КЗ, с 141 г. в Томске «сидел» князь Н.И.Егупов-Черкасский. Эта дата отсутствует в Г, кроме М, где добавлено, что в той же «перемене» состоял письменный голова Ф.Зиновьев (150, 198. Примеч. 32, 33)²². Воевода Кетска в 141—143 гг. Яков Иванов сын Уваров лишь в М именуется Федоровым сыном (151, 199. Примеч. 70; 266, 322). Как утверждается в КЗ, присяга Алексею Михайловичу в Тобольске состоялась 17 ноября; в большинстве списков Г, а также в Н, она приурочена к 7 ноября, а согласно М, началась 4 ноября и продолжалась «в иные же дни» (155, 201, 202. Примеч. 59—59; 267, 313; ср. 99). В КЗ читаем, что Я.О.Тухачевский, вступивший в должность воеводы Мангазеи в 155 г., умер через 6 недель, и туда в начале следующего года из Тобольска направили письменного голову А.Т.Секерина (скончавшегося три недели спустя после прибытия на новое место службы), и «досеживали до перемены по тоболскому указу» отправленные вместе с этим письменным головой его сын Андрей и подьячий с приписью из Тюмени Я.И.Чермный. В Г по большинству списков сказано, что в 155 г. в Мангазею послали «для сыску про воеводу» князя П.М.Ухтомского (в М он представлен Островским, см. 199. Примеч. 83, 85—85) А.Секерина и Я.Иванова; Ухтомский и Секерин здесь умерли, и «до указу» Мангазей ведал Я.Иванов. Наконец, в М сообщается,

что Я.О.Тухачевский в 155 г. ехал в Мангазею, а А.Секерин умер по дороге туда в Туруханском остроге (201. Примеч. 29; 202. Примеч. 59—59)²³. По словам «слогателя» КЗ, посланный в Якутск из Москвы дьяк И.И.Бородин был из Енисейска «поворочен в Кайгородок по челобитью кайгородцев в убойственном деле», по версии же создателя Г, изложенной в большинстве списков, — «в подводех и в изгонях», согласно же М — «в убойственном деле и изгонях» (161, 206. Примеч. 67, 68). В той же рукописи сообщается, что стольник П.И.Годунов управлял Тобольском до 7 сентября 1669 г., а не предыдущего дня, как в КЗ (в остальных списках Г соответствующей даты нет) (163, 207. Примеч. 87—88). Из КЗ узнаем, что когда в 176 г. случился «раздор» между П.И.Годуновым и подчиненными ему воеводой князем Ф.Ф.Бельским и дьяком Г.Г.Ждановым, последнему 7 июля того же года велели ехать в Москву; 20 июля первый воевода выслал из Тобольска Ф.Ф.Бельского, а Г.Г.Жданова не отпустил, тот был «взят» в столицу в 177 г. после приезда оттуда гонца «зимним путем». В Г же читаем, что названных «товарищей» П.И.Годунова по государевой грамоте забрали в Москву. (В М этой даты нет, как и упоминания о государевой грамоте) (163, 207. Примеч. 87—88). Следом в КЗ рассказывается, что 3 сентября 1669 г. из Москвы в Тобольск «мимо Березова» приехали воевода А.П.Акинфов и дьяк И.С.Давыдов «сыскивать» про распрю между П.И.Годуновым и его помощниками, а 6 сентября поступил «указ», предусматривавший немедленную высылку Годунова в Москву и наделявший сыщиков воеводскими полномочиями в Тобольске; на третий день П.И.Годунов покинул этот «златоразрядный град», а дьяк М.Посников был оставлен там «для щету»; в том же году многих служилых людей разослали по сибирским городам «за угождение и заушничество Петру Годунову». В Г о ссылке лиц, пользовавшихся милостями бывшего воеводы, не говорится; в большинстве списков данной редакции СЛС упоминается о том, что будучи в Тобольске с 7 сентября 1669 г. до прибытия в столицу «далечайшей государевой вотчины» боярина князя И.Б.Репнина «с товарищи» 21 мая 1670 г., А.П.Акинфов и И.С.Давыдов вели сыск о прежнем воеводе и управляли городом. В М же констатируется, что «присланные» 7 сентября 1669 г. «мимо Березова» «сыскивать про его (П.И.Годунова. — Я.С.) прибыли ... и про ссорку» с

Ф.Ф.Бельским и «непослушание» дьяка Г.Г.Жданова, А.П.Акинфов и И.С.Давыдов выполняли не это поручение, а вершили государевы дела до 17 мая 1660 г., прежний же воевода «поехал на Тюмень дощениками» и там «осеновал» (164, 207. Примеч. 87—88; 208). В М, в отличие от иных списков Г, а также КЗ сообщается, что принявшему дела в Тобольске у собиравшегося в Москву князя И.Б.Репнина Ф.Г.Большому Хрущову было приказано «писать» в другие сибирские города «боярским именем» (166, 208. Примеч. 99—100). В КЗ упоминается о смене в 185 г. И.Д.Зубовым С.Оничкова в Илимском остроге; согласно М, это случилось в предыдущем году. (В остальных списках Г про С.О.Оничкова в данной связи не сообщается) (169, 213—214. Примеч. 34)²⁴. В КЗ упоминается о воеводстве стряпчего А.Д.Губина с сыном Иваном в Нарыме и Кетске (на протяжении 1673—1676 гг., когда в Тобольске «сидел» боярин П.М.Салтыков). В Г о И.Губине умалчивается, причем в М мы не прочтем о воеводстве отца этого дворянина в Кетском остроге (166, 211. Примеч. 62—62; ср. 169, 213. Примеч. 16—16). Создатель КЗ поведал об отъезде в Москву из Тобольска боярина П.В.Большого Шереметева 4 марта 1678 г., а второго воеводы И.И.Стрешнева (умершего в следующем году в столице) — 1 марта, когда в Тобольск приехал из Тюмени на время принявший дела воевода М.М.Квашнин (обязанности которого 4 месяца, до возвращения прежнего воеводы, исполнял тобольский стрелецкий голова И.Д.Аршинский). В Г (помимо М) есть лишь заметка о времени пребывания в Тобольске М.М.Квашнина и дьяка Г.Михайлова. В интересующем же нас списке Г говорится о вызове главного сибирского воеводы в Москву в феврале 1678 г., приезде М.М.Квашнина из Тюмени в Тобольск 28 февраля, отъезде оттуда П.В.Шереметева 3 марта, и подчеркнуто (как и относительно Ф.Г.Хрущова), что «Михайлу велено писать в города к воеводам в отписках боярским именем» (170, 211—212. Примеч. 67—68; 214). Отъезд из Тобольска П.В.Шереметева Молодого в КЗ приурочен к 18 декабря 1679 г., в М (в других списках Г приведенной даты нет) — к 27 ноября. При этом воеводе, как узнаем из КЗ, за 4,5 месяца был «срублен» в Тобольске 9-тибашенный город с Вознесенской церковью в стене. В М же сообщается, что строительство новой крепости заняло 10 недель, начиная со 2 июля, в других же списках Г

указано, что «рубленный» город, который «перед прежним прибавлен», сооружался в течение 2 июня — 26 октября 1678 г. (171, 214. Примеч. 36—40). Начало «сиденья» в Тобольске стольника А.С.Шейна «с товарищи» в КЗ отнесено к 6 апреля 1680 г. — вторнику Страстной недели²⁵. В Г последнего уточнения нет, причем в М говорится про 14 апреля (171, 215. Примеч. 50—52)²⁶.

М заканчивается известием (отсутствующим в других списках Г) о свадьбе Ивана Алексеевича 19 января 1684 г.; если следовать КЗ, где соответствующее свидетельство подробнее, брак одного из царей-соправителей состоялся десятью днями ранее (173, 217. Примеч. 90).

Отметим также, что кузнецкий воевода Усов (накануне 137 г.) назван в М Саввой, а не Силой, пельмский воевода 139—141 гг. Урусов — не Иваном Степановичем, а Степаном Ивановичем, березовский воевода того же времени Давыдов именуется Борисом, а не Иваном (149, 150, 197. Примеч. 5—5; 198. Примеч. 17—17, 18).

Наконец, весьма рельефны различия между не встречающимися в КЗ сообщениями М и других списков Г. Кружечные двory, появившиеся в Тобольске в 125 г., оказываются, просуществовали до 131 г., когда туда приехал боярин Ю.Я.Сулешов. Грамота мангазейскому воеводе Н.М.Барятинскому с предписанием «ехать» в Москву датируется в М 10, а не 8 марта 1641 г.; С.Оничков представлен в М якутским, а не енисейским воеводой (193. Примеч. 2—4; 199, 200. Примеч. 94—96; 201. Примеч. 12—12).

Таким образом, М сохранил особый вариант Г, во многом близкий к КЗ, — вариант, переходный от нее к более поздней разновидности «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири...», которая нашла отражение в других списках Г. Помимо выявленного Н.А.Дворецкой Томского вида Н, стало быть, есть должные основания говорить и о Миллеровском виде Г. Тем самым уточняются сложившиеся в историографии свыше четверти века тому назад представления о соотношении старших редакций СЛС.

2. Об основных направлениях редактирования старшей разновидности «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири...»

Опустив «общерусские» известия свода за конец XVI — начало XVII вв. и 162—163, 190, 192, 194 гг. (142, 143, 158, 159, 173—175, 177, 204, 218, 220, 222), редактор КЗ счел излишними и все многочисленные свидетельства о ссыльных, которым было суждено или умереть в Сибири, или вернуться оттуда на «Русь» (146, 149, 155, 156, 159—161, 168, 170, 171, 196, 197, 200, 201, 204—206, 211, 214)²⁷. Неуместными этому «списателю» показались и сообщения о походах на Ямышевское озеро (141, 147, 169, 175—177, 191, 195, 213, 220, 222), во время первого из которых — под началом литовского ротмистра Б.Станиславова (1620/21 г.) «соли не взяли» из-за «измены» «литовских и немецких людей»²⁸, а также об «изменах» «от иноземцов» при березовских воеводах князе П.А.Черкасском и А.П.Давыдове, о походе «присланного» из Москвы в головы тобольских служилых татар Ф.С.Елагина против тарских «изменников» Кочашки «с товарищи» (143, 149, 162, 192, 196, 207). Редактор «сибирской книги», который в конце ее названия решил не повторять фразу «и кто которой город ставил, и в котором году, и от котораго государя царя кто был» (138, 189), таким же образом поступил и с известиями о предыстории экспедиции Ермака и зауральском походе И.Мансурова, о строительстве «Тюменского города» в 101 г. и сооружении в 150 г. (при воеводе князе Г.Барятинском) нового взамен простоявшего в течение 48 лет, возведении в 108 г. Туринского острога И.Лихаревым, перенесении в том же году тобольского рубленого города с Троицкого мыса на другую сторону «Торговаго звозу», возникновении Верхтагильского и Лозьвинского городков, предшествовавших Верхотурью (138—141, 189—191), о «поставлении» при князе Р.Ф.Троекурове «с товарищи» (114—115 гг.) в Тобольске рубленого города, простоявшего до 14 августа 1643 г., и сооружении в 174 г. по приговору второго воеводы Г.Ф.Бутурлина тобольского острога «по бугру на яру от Красной башни до Быкасо[вской]» (142—143, 162, 192, 206). Десятки записей, посвященных сибирским администраторам, в глазах создателя Г также не представляли интереса. Таковы сообщения КЗ о подьячем

С.В.Головине как сослуживце тобольского воеводы окольного С.Ф.Сабурова, о князе С.И.Гагарине, управлявшем Тарой в период тобольского воеводства Р.Ф.Троекурова, приезде в сибирскую столицу в 117 г. (с князем И.М.Катыревым-Ростовским) подьячего И.А.Хапугина, вскоре «взятого» в Москву, князе И.С.Куракине как первом боярине на сибирском воеводстве, кончине состоявшего в этой «перемене» князя Г.И.Гагарина, отчего его сын Данила не поехал управлять Нарымом, И.Я.Вельяминове и Г.Н.Орлове, ведавших тогда Пелымом, о том, что в «перемене» боярина М.М.Годунова (1620—1623 гг.) не было письменных голов, только приехал в Тобольск в дети боярские зять дьяка И.А.Шевырева М.О.Байгашин (умерший 27 июня 1645 г.), о московских подьячих, «присланных» в Тобольск вместе с боярином Д.Т.Трубецким, о «перемене» воевод во всех сибирских городах в 135 г., смерти тогда нарымского воеводы С.М.Ушакова и «посылке» на его место в следующем году тобольского письменного головы П.И.Салманова, «взятии» к Москве «за приставы» второго тобольского воеводы М.А.Вельяминова вместе со «сказавшим» на него «государево слово» дворецким М.Бутаковым, о том, что назначенный в Томск в 137 г. (при учреждении Томского разряда) дьяк С.В.Головин умер по дороге в этот город²⁹, а дьяка Г.Теряева по пути в Мангазею «на море разбило», и впоследствии дьяков в этом городе уже «не бывало», о «посылке» «на приказ» томских письменных голов и детей боярских в Мелесский и Ачинский остроги, Сосновский и Верхотомский острожки, государево село Спасское, о службе в Томске с 139 г. московского подьячего И.Селетцына, через два года вернувшегося в столицу, о И.И.Внукове, в 1631 г. приехавшем из Москвы в Тобольск возглавить местных юртовских татар, о пребывании там в 1646—1649 гг. с боярином И.И.Салтыковым его сына Льва, службе в то время в Якутске В.Н.Пушкина «с товарыщи», об отправке в 155 г. в новый Илимский острог, куда ранее «посылались из Якутскова приказные люди дети боярские» первого воеводы Т.В.Шушерина, отъезде из Тобольска по государеву указу И.И.Салтыкова в 157 г. до «перемены», как в феврале 1652 г. поступил и стольник В.Б.Шереметев, о томском подьячем с приписью Г.Жданове (времени тобольского воеводства стольника В.И.Хилкова), о «челобитье от всего ... города» на недолго управлявшего Тюменью Н.Елдезина,

которому было «отказано», об отправке в 1676 г. на смену А. и Е. Пашковым в нерчинские остроги, причем с семьей, тобольского сына боярского Л. Б. Толбозина, смерти его самого, брата Фадея и (в Албазине в 1686 г.) сына Алексея, о преемнике Л. Б. Толбозина посланного в «Дауры» 1 марта 1668 г. из Тобольска ротмистре Д. Д. Аршинском, которого в свою очередь в 182 г. «переменил» направленный туда годом прежде П. Я. Шульгин, умерший там в 186 г. (Д. Д. Аршинский же, вернувшийся 3 октября 1674 г. в Тобольск, в том же году выехал в Москву, где был пожалован; по возвращении Д. Д. Аршинский умер в Тобольске в ночь на 21 октября 1676 г.) (140, 143, 145, 146, 148—150, 154, 156—158, 164—166, 169, 190, 192, 194—197, 200—203, 208—210, 213; ср. 160, 162, 205, 207). В Г мы не найдем и свидетельств КЗ об администраторах (при тобольском воеводе князе А. И. Буйносове-Ростовском) Енисейска, Красноярска, Кузнецка, о пребывании в Туруханске Д. Т. Наумова и И. Ф. Полтева (в годы воеводств в Тобольске бояр П. М. Салтыкова и П. С. Прозоровского), об отъезде в Москву из Тобольска воеводы А. С. Шеина, следом (25 марта 1682 г.) пожалованного в бояре, о «держалнике» А. И. Лонском, приехавшем в «началнейший град» Сибири из Москвы с князем П. С. Прозоровским, который, оказывается, отпустил письменных голов на Собскую заставу, о службе в Якутске с генералом М. О. Кровковым его сына, о тюменском подьячем с приписью М. Борисове (с 196 г.) (160, 172, 174, 176, 205, 216, 220—222; ср. 158). Кроме того, в Г пропущен перечень «начальных людей» сибирских городов и острогов за 1678—1679 гг. (170—171, 214). Редактор исключил также известия о приезде в 1643 г. стольника князя И. П. Пронского к отцу в Тобольск, посещении («с поклоном») в 184 г. нового тобольского воеводы П. В. Шереметева сыновьями верхотурского, тюменского, березовского, сургутского воевод, встрече этого боярина перед въездом в Тобольск, прибытии в 189 г. писцов во главе с Л. М. Поскочиным для размежевания земель, ночевке П. С. Прозоровского в деревне Шишкине накануне вступления в Тобольск (153, 168, 169, 171—172, 174, 200, 213, 217, 220). В Г мы не найдем и нескольких известий о сысках, привлечших внимание «слогателя» КЗ (150, 152—154, 165, 197—200, 209). В Г в отличие от КЗ умалчивается о том, что стольник князь Р. Ф. Троекуров «с товарищи» были «присланы» в Тобольск

«от Ростриги», в 137 г. произошла «перемена» воевод Тобольского разряда, а боярин Ф.П.Салтыков по случаю свадьбы дочери Прасковьи с царем Иваном Алексеевичем из Енисейска (где звался Александром) был «взят» в Москву, «тогчас наспех четверо гонцы по него были» (142, 149, 173—174, 192, 197, 218; ср. 171, 217).

В КЗ рассказывается о том, что при Я.И.Хрипунове — первом московском воеводе, направленном в Енисейский острог, — «нача проведываться Якутская земля и великая река Лена», и Байкал; этот же воевода «серебра искать ходил»; «многие тамошние земли проведаль Ерофей Хабаров, промышленной человек». В Г сохранилось только указание на время, когда Я.И.Хрипунов прибыл из Москвы в Тобольск (февраль 1622 г.) (146—147, 195). Не прочтем мы в Г и о «письме» якутского воеводы Д.А.Францбекова в столицу «про Даурскую землю, против писма Ярафеева Хабарова» о том, что тогда «нача проведываться Даурская земля и Китайское царство прозыватися», а в 160 г. московский дворянин Д.И.Зиновьев со 150 служилыми людьми из 5 городов был послан в «Дауры» и провел там 2,5 года (157, 202, 203)³⁰. По утверждению создателя Г, в 142 г. в Енисейске П.Ф.Соковнина сменил Н.Л.Веревкин. В КЗ же сообщается, что П.Ф.Соковнин, посланный из Тобольска по государевой грамоте «от власти приказных», управлял Енисейском со следующего года, а в начале 147 г. (т.е. в 1638) главным администратором этого города стал Н.Л.Веревкин, приехавший из Москвы с архиепископом Нектарием и «полтретья года» являвшийся приказным владыки (151, 199).

К 6 ноября 1634 г. в КЗ (о чем в Г не говорится) отнесено нападение калмыков на Тюмень; следом повествуется о неудаче, постигшей служилых людей, посланных вдогонку воеводой И.Милюковым, и присылке из Москвы пушек и боеприпасов. Создатель Г не повторил ни одной из трех записей о походе 1640—1642 гг. служилых людей нескольких сибирских городов против киргизов, а также сообщения о безуспешном походе 149 г. «на царевичей». В той же редакции СЛС в отличие от предыдущей нет сведений о приезде в Тобольск в 1640 г. бухарского посла, поездке в 160—163 гг. в Китай из сибирской столицы сына боярского П.А.Ярыжкина и «бухаретина» С.Аблина, следующем таком посольстве, возглавленном Ф.И.Байковым, «посылке» в Китай

в 166 г. тарского сына боярского И.Перфирьева, отправке тобольского стрелецкого головы И.Аршинского и подьячего Г.Михайлова к тайше Яндуну, проезде русского посланника Н.Г.Спафария через Тобольск в Китай (1675 г.), прибытии китайцев в «Дауры» и ответной миссии, направленной Д.Д.Аршинским, поездке в Москву тунгусских князцов Гантимуровых в 193 г. (151—153, 157, 159, 161, 165, 166, 175, 198—200, 203—205, 209, 211, 220). Наконец, текст Г сократился за счет известий по истории сибирской церкви: о судьбе тобольского Успенского монастыря, трехдневном посте в Тобольске в 120 г., «поставлении» Киприана в сибирские архиепископы, его приезде в Тобольск, продолжительности «святительства» в Сибири, хиротонисании затем в сан митрополита Крутицкого, наконец, Новгородского, крещении в Тобольске, на Иртыше, в 1633 г. князя Н.Ю.Алачева Лобана с матерью, женой и сыновьями после того, как стольник Д.М.Алачев привез тело отца из Москвы, направляясь в Коду, возвращении из столицы в 1662 г. архиепископа Симеона, пожалованного государем, вождении осла под митрополитами тобольскими воеводами в вербное воскресенье, отлучении от церкви митрополитом Павлом в 1681 г. второго тобольского воеводы М.В.Приклонского и его смерти уже по возвращении в Москву «во отлучении от архиерея», отправке к последнему головой посаженного в тобольскую тюрьму якутского воеводы И.В.Приклонского, прощении владыкой бывшего недавнего воеводы Т.Г.Ртищева, освящении в Тобольске 27 октября 1685 г. Успенского собора, перенесении туда следом мощей архиепископов Макария и Герасима, митрополита Корнилия, поездке в 194 г. в Москву с отписками софийского протопопа Константина Кубасова, отъезде туда и возвращении в Тобольск митрополита Павла (1686—1687 гг.), пожаре в Тюмени в апреле 1686 г., как говорили, «от раскольнаго ... вымыслу», собрании в том же году хотевших «созжечись» староверов на Юрмыче (143, 146, 147, 150, 160, 163—164, 172, 175—177, 193, 195, 196, 198, 205, 208, 216, 220, 225).

Сопоставление КЗ и Г вместе с тем обнаруживает в составе более поздней редакции «сибирской книги, сколько в Таболском и во всех городех сибирских и острогах с начала взятъя атаманом Ермаком Тимофеевым в котором году и при которых боярах и столниках и воеводы какие грады и остроги построены...» (189.

Примеч. 1—3) немало новых свидетельств: о воеводстве «на Таре» (при тобольском «седоке» князе М.А.Щербатом) С.Козьмина, пребывании там же (когда сибирским «наместником» был окольничий С.Ф.Сабуров) воеводы Я.И.Старкова, письменных голов П.В.Пивова и Ф.П.Рябинина, а в Пелыме — И.Неелова, кетском воеводе времени царствования Василия Шуйского Г.Ф.Елизарова, «начальных людях» Верхотурья в период тобольского воеводства князя И.П.Буйносова-Ростовского (И.В.Головине, Ф.И.Плещеев³¹ и В.Спицыне), «явлении» в Тобольске в 110 г. Николая чудотворца, после чего была воздвигнута церковь «на Премском звозе», «поставлении» в Сибирь архиепископа Макария, возникновении в 125 г. кружечных дворов в Тобольске, появлении в 135 г. новых воевод в Нарыме, Кетске и Енисейском остроге, причем при Д.Полтеве «Кетцкой горел», присылке патриаршей грамоты к архиепископу Макарию в 1628 г. с предписанием «молебны пети по вся дни и поститися неделю»³², «явлении» Богородицы 25 июля 1636 г. в селе Абалацком «некоей жене» и постройке в следующем году церкви «по тому явлению», чудотворениях от «образа» Богородицы и установлении праздника в его честь, пожаловании архиепископом Симеоном 17 апреля 1652 г. архимандрита тобольского Знаменского монастыря Иосифа белой шапкой и появлении тогда протопопов в нескольких сибирских городах, доставке из Москвы в Тобольск к соборной церкви 110-пудового колокола, смене в Тюмени ранее служившего в Тобольске М.А.Полуехтова И.Т.Шадриным, приехавшим из Москвы, тобольском пожаре 3 ноября 1657 г., разрешении в следующем году архиепископу Симеону, бывшему в «запрещении» целый год, служить литургию, постройке в Тобольске в 169 г. на горе нового острога «кругом всего посаду», хлебной дороговизне в Тобольске в следующем году, пожаре там «под горою» 17 мая 1662 г., сооружении лестницы в Тобольске «на Софейский звоз» в 179 г., проводах новопоставленным сибирским митрополитом Корнилием до Казани антиохийского патриарха Макария, которого далее, до Терека, сопровождал казанский владыка Лаврентий, строительных работах в тобольской Софии в 177 и 182 гг., гибели 25 марта 1672 г. Вознесенской церкви, затем восстановленной, пожаре в Знаменском монастыре 18 апреля 1674 г., сооружении и освящении митрополитом Корнилием на своем дворе в том же

году Троицкой брусяной церкви, перестроенной и освященной в 1675/76 г., «поставлении» в Тобольске за 5 дней, начиная с 2 июня 1677 г., острога по городской стене, закладке и освящении тогда же Казанской церкви Знаменского монастыря и Вознесенской церкви в Тобольске, возвращении туда из Китая Н.Г.Спафария с тобольскими служилыми людьми, возникновении в 187 г. на речке Березовке в Тобольском уезде раскольничьей пустыни, закладке (чему посвящено 5 записей) в 1679 г. церковей в «старейшем граде» Сибири, поставлении в то время митрополитом Павлом в енисейский Спасский монастырь архимандрита Матфея и наделении его белой шапкой (которой ранее настоятели этой обители не имели), посылке из Москвы в январе 1679 г. трех больших колоколов для тобольского соборного храма, привезенных 18 марта следующего года, закладке и начале строительства в Тобольске каменного Софийского собора в октябре 1685 г., затем соборной колокольни, «совершенной» в 1684/85 г., возникновении старообрядческой пустыни в Утяцкой слободе, «гари», расправе над раскольниками (190—192 гг.), отправке в 192 г. из Тобольска пятисот новоприборных служилых людей в «Дауры», доставке из столицы (откуда его повезли в 1681/82 г.) 300-пудового колокола для тобольской соборной церкви 17 мая 1684 г., приезде в Тобольск в следующем месяце из Даурии двух служилых, бывших в плену и посланных в Москву «от китайского царя с листом», закладке в 193 г. на Софийском дворе каменных Святых ворот с церковью Сергия Радонежского и перевозе прежней, деревянной, в софийское село Преображенское, получении по дороге в Тобольск боярином А.П.Головиным царской грамоты о наборе на «даурскую» службу с Ф.А.Головиным служилых людей, которых надлежало отправить в Енисейск, страшном пожаре в Тобольске в ночь на 26 апреля 1686 г., начале сооружения в июле того же года и скором «совершении» тобольской деревянной церкви во имя Владимирской Богородицы «на прежнем месте» (139—141, 143—145, 147—149, 151, 157—159, 162—164, 166, 170—172, 174, 176, 190, 191, 193, 195—197, 199, 202—204, 206—209, 212, 214—216, 218—222).

Многие из этих добавлений, как нетрудно видеть, отражают судьбы русского православия в Сибири, особенно Тобольского архиерейского дома, что, в частности, противоречит заключению

Е.К.Ромодановской, будто к исходу XVII в., точнее, начиная со времени возникновения Г, «летописная работа» в Тобольске переместилась из владычной резиденции в воеводскую избу³³. Вместе с тем по кругу интересов большинство дополнительных известий Г не выходит за рамки опущенных (либо сокращенных) редактором. Их появление (разумеется, надо считаться и с возможностью использования «писателем» протографа Г, где, не исключено, сохранились сведения о воеводах Нарыма, Кетска и Енисейского острогов за 135 г.) можно объяснить обращением тобольского книжника к новым источникам, например, о тарских администраторах конца XVI в., частых пожарах в сибирской столице, наборах на «даурскую» службу.

Заметные расхождения выявляются и при сравнении сюжетно близких сообщений КЗ и Г. Так, автор старшего из этих «реестров», «кто были в Сибири ... бояре, окольные, стольники, стряпчие, воеводы и с приписью подьячие»³⁴ упомянул о возведении Тюмени «над Турою и над Тюменкою реками, иже прежде бысть Чингий городок» (ср. 65, 75), а не на Туре, как утверждает в Г (138, 189). По версии того же автора, первая тобольская церковь, Троицкая, располагалась на месте нынешнего софийского двора. В Г сказано иначе: Д.Чулков «поставил» «на горе город, где бывала первая Троицкая церковь»³⁵. Основание Тары приурочено в интересующих нас редакциях СЛС то к 102, то к следующему году, причем в Г утверждается, будто еще в 7095—7097 гг. в этом городе воеводствовал князь Ф.Елецкой. В той же разновидности свода не повторены сообщения о князе М.Ноздроватом — «товарище» тобольского воеводы князя Ф.М.Лобанова-Ростовского — и «поставлении» в 102 г. «людейного города» и острога на Троицком мысу. Сведениям КЗ о постройке в 101 г. Березова и Пельма, в 103 г. — Сургута, в следующем — Нарыма и Кетска (с указателей основателей) соответствуют упоминания Г о том, что в течение 7099—7102 гг. были «срублены» Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Томск, Кетский острог, причем названы только заложившие Томск и Пелым тобольский сын боярский В.Тырков и воевода П.Горчаков. Сравнительно с КЗ в Г (исключая, напомним, М) рассказ о предыстории Мангазеи сведен к указанию на посылку туда Ф.Дьякова в царствование Федора Ивановича. Зато в Г сообщается, что служилых людей, отправленных с письменным

головой князем М.М.Шаховским и Д.Хрипуновым, а также целовальником «торговым человеком» С.Новоселовым, была сотня: «литва», казаки, стрельцы во главе с сыном боярским и атаманом, им велели «в Енисейску самуюд привесть» под «государеву руку». Следом под 109 г. в Г тоже говорится о сотне служилых людей, которых приказывалось послать в Мангазею и Енисейск тобольскому воеводе Ф.И.Шереметеву. В КЗ же к этому году отнесено «поставление» города его первыми воеводами В.М.Кольцовым-Мосальским и В.Пушкиным. Если в Г только перечислены верхотурские администраторы В.П.Головин, И.В.Воейков и Г.Салманов, то в КЗ поясняется, что их — самых первых — «прислали» в Лозьву перевести «город и воеводу и людей со всем присудом на верх Туры», где в 108 г. и построили Верхотурье (139—141, 190, 191). Поход из Тары против Кучума датируется в сопоставляемых редакциях СЛС то 109, то 106 гг., и в Г не сказано, при каком воеводе русские нанесли окончательное поражение непокорному хану, а также о смерти попавших в неволю его родственников в Москве (142, 190; ср. 140, 316). Из КЗ узнаем о «поставлении» в 125 г. Кузнецкого острога, которым поначалу управляли томские приказные. В Г сообщается о закладке этого острога гораздо подробнее: оказывается, его «срубили» «вверх по Томи на усть Брасы ... по томским воеводским отпискам по посылке из Тоболска» томские и верхотурские служилые люди, включая татар, под началом томского татарского головы О.Кокорева, казачьего головы М.Лаврова, сына боярского О.Михалевского (145, 194)³⁶. В КЗ же более обстоятельно рассказывается о сооружении Красноярского острога воеводой А.В.Дубенским, причем в 134 г., а не в следующем, как читаем в Г. Кроме того, в КЗ в числе служилых людей, строивших Пелым в 131 г., при воеводе И.Я.Вельяминове, названы туринцы (140, 147, 148, 196).

Как читаем в КЗ, в 109 г. В.Ф.Тырков «поставил» на Томи, «на горе над Ушайкою рекою», острог, а в следующем году первые воеводы В.В.Волынский и М.И.Новосильцев выстроили «город Томской ... рубленной». В Г, где, напомним, тоже говорится об основании Томска В.Тырковым, «сиденье» там В.В.Волынского и М.И.Новосильцева приурочено к 109—110 гг. Расхождения между старшими редакциями свода в определении хронологии деятельности и состава администраторов сибирских городов и острогов

исчисляются десятками. Так, согласно КЗ, князь Ф.Козловский и А.Ширин управляли Березовым в 108—109 гг.³⁷, а князь Я.Барятинский и В.Пивов — Сургутом в 109—110 гг., а не с соответственно 109 и 110 г., как утверждается в Г. И.Г.Волынский и И.И.Биркин, оказывается, «сидели» в Березове то в 107—108 гг., то в 110 г. (141, 191). В Г идет речь о сибирских воеводах 116—119 гг., а не «присланных» в 116 г. царем Василием. Там же сравнительно с КЗ указано, в каком году С.Д.Опухтин сменил Д.И.Милославского в Туринском остроге. В первой редакции СЛС воеводой Тюмени наряду с Ф.Ф.Пушкиным и М.Г.Елизаровым представлен Н.М.Мезецкой. Последний в соответствующей записи Г не упомянут, не повторено там и ошибочное известие КЗ, будто Н.М.Мезецкой с И.В.Щелкаловым ведали Сургутом. Говоря про «перемену» князя А.Н.Трубецкого, редактор опустил известия о подьячих и приезде письменных голов в 137 г. вместе с новым воеводой Г.А.Загряжским³⁸. Перечисляя администраторов, которые с того времени находились в Сибири, создатель КЗ называет управлявших Верхотурьем Н.Ю.Плещеева и подьячего П.Максимова. В Г последний не упомянут, зато сообщается о предшественнике Н.Ю.Плещеева князе С.Н.Гагарине. В Г в отличие от КЗ названы и воеводы, которых сменили в Мангазее Г.И.Кокорев и А.Ф.Палицын, в Туринске — А.И.Зубов, в Сургуте — А.О.Акинфиев (тот в действительности очутился в Красноярске). Однако налицо и более существенные различия: если следовать КЗ, в Пелыме с 135 г. «сидел» Г.Алябов, с 137 г. — Г.И.Горихвостов, а по версии «слогателя» Г.Г.Алябов в 136 г. сменил В.Л.Корсакова (воеводствовавшего, о чем говорится и в этой редакции свода, в Туринске), а в 138 г. Пелымом стал ведасть Г.И.Горихвостов. По сообщению КЗ, Туринском в период тобольского воеводства князя Ф.А.Телятевского (1631—1633 гг.) управлял Г.И.Волынцев. В Г сказано, что его сослуживцем с 139 г. сделался М.Тюхин. Там же читаем, что в Верхотурье подьячий с приписью В.Шестаков в 142 г. уступил место И.Селетцыну. В КЗ умалчивается и о том, что в 144 г. воеводская «коллегия» Томска пополнилась письменным головой Н.Жабрининым, в Сургуте А.С.Вельяминов сдал дела А.С.Воейкову в 150 г., в Енисейке С.Оничков служил вместе с головой П.Бекетовым и подьячим с приписью В.Шпилкиным (согласно КЗ, с 150 г., по Г, годом прежде)³⁹, в 155 г.

А.С.Нарбеков (Карбенов, Карбенов) стал нарымским воеводой вместо И.И.Чаадаева, в 160 г. тарского воеводу В.А.Горчакова сменил И.А.Чаадаев, а в Пельиме П.И.Львова — П.Измайлов (в 163 г., когда березовскую администрацию возглавил С.А.Малово). Но в Г опущены прозвища второго тобольского воеводы в 1643—1646 гг. князя М.М.Гагарина (Турок) и томского воеводы С.В.Мосальского (Клубок), указание на татарского голову Тобольска П.И.Челищева⁴⁰, не говорится о А.Булгакове, управлявшем Пельимом до приезда туда А.М.Несвитского. В КЗ идет речь о смене умершего на сургутском воеводстве А.А.Измайлова С.Г.Демским в 155 г., в Г — тобольским сыном Г.Костылецким, а предшественником С.Г.Демского назван П.В.Кропоткин. Енисейскими администраторами времени князя Г.С.Куракина названы в КЗ воевода Ф.Ф.Уваров, подьячий с приписью В.Г.Шпилкин, в Г — Ф.П.Полибин. Следом же выясняется, что Ф.П.Полибин сменил Ф.Ф.Уварова в 155 или 156 г., уже при тобольском воеводе боярине И.И.Салтыкове. По сведениям создателя КЗ, «на Верхотурье» с 154 г. подьячим с приписью являлся Ф.Посников, с 156 г. — И.Недовесков, а в следующем году воеводой стал ранее опальный Р.Всеволодский, затем вернувшийся в Тюмень, где с дочерью и умер. В Г же верхотурским подьячим этого времени считается Ф.Посников и не говорится про опалу Р.Всеволодского, его возвращение в Тюмень и смерть. Согласно Г, в 155 г. «на Таре» В.Горчакова и Ф.Головачева сменил Г.И.Бутурлин — «выезжий из Литвы», как поясняется в КЗ, где вдобавок упомянуто, что с того времени в Тару стал назначаться один воевода. Но там не перечислены преемники (с 155 г.) администраторов Кетска, Красноярска и Кузнецка. Заметно отличаются, повторим, и свидетельства двух летописцев о составе мангазейских администраторов за 155 г. В Г не указано, в каком году был назначен в Томск и умер воевода Д.И.Щербатый, что «на Верхотурье» служил в подьячих «с приписью» Г.Похабов, а в 163 г. из Тобольска в Тюмень направил подьячего с приписью Я.И.Черного. В этой редакции свода, однако, приведена дата смерти сургутского воеводы Н.Ф.Мещерского, на место которого прибыл из Тобольска сын боярский Г.Д.Костылецкий (последнего, о чем сообщается уже в КЗ, сменил приехавший из Москвы П.Т.Кондырев). В Г также сказано, когда умер нарымский воевода О.П.Баскаков, и о «присланном»

взамен С.В.Нашокине (благодаря КЗ известно, что племянник томского воеводы Н.Нашокина этому назначению обязан дяде). В Г, кроме того, отмечено, что в 164 г. Илимском вместо Б.Д.Оладына стал управлять П.А.Бунаков. В статьях, посвященных тобольскому воеводству стольника В.Б.Шереметева (1649—1652 гг.), его подчиненными в Нарыме и Красноярске названы в КЗ соответственно Ф.Ф.Головачев и М.Ф.Дурной (там умерший), в Г — А.С.Нарбеков (Карбеков) и М.Ф.Скрябин. Как констатируется в Г, 26 марта 1654 г. второго тобольского воеводу Б.Ф.Болтина, отозванного в Москву, сменил князь И.И.Посново Гагарин. КЗ дает возможность установить, что Болтин был вызван в столицу, куда отправился два дня спустя, «по князь Васильеву челобитью Хилкова» (143, 146—149, 151, 152, 154, 156—158, 192, 195, 197—204; ср. 194).

Из нескольких сообщений КЗ мы узнаем, что в 159 г. в Енисейске находился А.Ф.Пашков; через 4 года на смену ему приехал И.П.Акинфов (ранее являвшийся воеводой и сыщиком в Якутске), а А.Пашков с сыном, получив в свое распоряжение служилых людей из Тобольска и других сибирских городов, в 164 г. «суды готовил и наряжался на службу в Даурскую землю», и тогда же выступил в поход, проведя в заложенных на реке Нерчи острожках 5 лет, до 169 г., а в следующем выехал в Тобольск; в дальнейшем администраторами Енисейска стали М.Г.Ртищев и В.Панов. В Г же о подьячем с приписью В.Панове не сказано, а «перемена» А.Ф.Пашкова И.П.Акинфовым отнесена к 164 г. (158—160, 204, 205).

В разделе за 1656—1659 гг., когда в Тобольске воеводствовал князь А.И.Буйносов-Ростовский, между КЗ и Г тоже наблюдаются расхождения. В Г опущено упоминание о верхотурском подьячем с приписью М.Посникове, но сказано о смерти сургутского воеводы П.А.Кондырева, которого заменил тобольский сын боярский Н.Елдезин, и другом сыне боярском из Тобольска И.Струне, ставшем преемником умершего тюменского воеводы А.В.Кафтырева. В КЗ А.Новгородцев, по воле А.И.Буйносова-Ростовского в начале 167 г. посланный в Тюмень на место Ф.Веригина (тюменцы отказались ему повиноваться), назван казанским ссыльным, а А.Малово (точнее, С.А.Малово) — предшественником И.М.Милокова на березовском воеводстве; «начальным человеком» Туринска объявляется и И.И.Мещерский, и Л.А.Акинфиев; дьяком

в Томске считается то П.Михайлов (умерший в этом городе), то А.Марков (160, 204, 205).

Не во всем совпадают КЗ и Г в статьях, отведенных тобольскому воеводству боярина И.А.Хилкова (1659—1664 гг.), в «перемене» которого упоминается воевода Д.С.Яковлев (с 168 или следующего года). Сравнительно с Г тюменский воевода М.Д.Павлов называется «присланным» из Москвы в 169 г., И.И.Ржевский — сменившим тогда же в Енисейске М.Ртищева, А.В.Веригин — не воеводствовал в Красноярске, а умершим в 170 г. по пути туда, дабы сменить М.О.Оничкова, в Тобольске «в Борисове дворе ключарь». В КЗ констатируется, что все томские администраторы умерли «в разные годы»; в Г добавлено, что «по челобитью» их заменил приехавший из Кетского острога Д.И.Хрущов. Следом читаем, что Хрущов сменил скончавшегося И.В.Бутурлина, «товарищи (которого. — Я.С.) примерли». Из КЗ, наконец, узнаем, что 4 января 1666 г. — в день смерти И.В.Бутурлина — по его отписке в Томск приехал из Кетска Д.И.Хрущов «для ясашнова збору». Кроме того, в КЗ пельымским воеводой считается И.Н.Оничков, в следующей редакции СЛС — М.И.Майров (Маеров). Примечательно, что в этих статьях письменный голова К.С.Дохтуров назван только в Г; в КЗ он упомянут следом, в сообщении о «перемене» боярина А.А.Голицына (1664—1667 гг.). Это, между прочим, свидетельствует о том, что в распоряжении создателя Г имелся список ранней редакции свода, отличающийся от сохранившихся. К тому же фамилия верхотурского воеводы (с апреля 1664 г.⁴¹) передается только в КЗ (Колтовский), а его имя (Иван) — в Г (160—162, 205, 206). Из записей, относящихся к тобольскому «сиденью» А.А.Голицына, любопытно свидетельство об убийстве илимского воеводы Л.О.Обухова «за озорничество от жен своих, на дороге — ездил на Кирилгу», после чего на время в Илимский острог был направлен из Тобольска А.Л.Росторгуев-Сандалов; с 174 до 185 г. Илимском ведал С.О.Оничков, «назад ехал в 186-м году». В Г же лишь говорится, что Л.О.Обухов «в Ылимском убит», и поясняется, что управлявший этим острогом до 174 г. А.Росторгуев являлся тобольским сыном боярским. Новыми томскими администраторами в КЗ названы И.Л.Салтыков, Ф.Ф.Мещерский, дьяк В.Г.Шпилкин, письменный голова Г.У.Погожево. В Г последний из них не упомянут,

но сказано, что И.Л.Салтыков «с товарищи» появились в Томске в 174 г. Якутском, согласно КЗ, управляли окольный И.П.Бярятинский и письменный голова Е.И.Козинский, а с 175 г. также дьяк (направленный из Тобольска) М.С.Елауков, здесь умерший. Среди этих якутских «начальных людей» в Г фигурируют только И.П.Бярятинский, оказывается, в 174 г. сменивший М.С.Лодыженского. Кузнецким воеводой в Г назван И.Ф.Кокошкин, в КЗ — Н.Б.Доможиров (его «прямое имя Матфей»), умерший в 180 г.; «досидевший» же до «перемены» его сын Логин скончался в Нарыме, «едуци из Кузнецов». Кроме того, воеводой Тюмени в КЗ представлен И.И.Лодыгин⁴², а в Г — М.Павлов, Пельма — соответственно М.И.Маюров (Майров) и сменивший его И.И.Панин (Паньин); в Г сообщается, с какого года в Сургуте Ф.А.Зыкова сменил стольник Г.С.Козловский (в КЗ названо и его прозвище — Зима), а в Енисейске В.Е.Голохвастов — К.А.Яковлева; согласно КЗ, А.М.Беклемишев прибыл управлять Туринском в 174 г. (162, 207; ср. 163, 204, 206. Примеч. 59—59).

Создатель Г уверяет, что в 177 г. состоявшие в «перемене» тобольского воеводы стольника П.И.Годунова князь Ф.Ф.Бельский и дьяк Г.Г.Жданов по государевой грамоте были «взяты» «к Москве». Из КЗ, однако, выясняется, что этим воеводским «товарищам» приказали ехать в столицу еще 7 июля 1668 г., и через 13 дней туда был «выслан» Ф.Ф.Бельский, дьяк же покинул Тобольск лишь после прибытия гонца из Москвы «зимним путем» в следующем году. Тогда же, по свидетельству КЗ, П.И.Годунов заменил тюменского воеводу И.И.Лодыгина местным головой С.М.Блюдовым (Блудовым⁴³, Блудово). Из Г же узнаем, что С.Блудов был стрелецким головой, сменившим И.И.Лодыгина (на которого тюменцы подали челобитную) в 176 г., а два года спустя в Тюмени начал воеводствовать переведенный из Туринска А.Беклемишев. И.Л.Салтыков, как читаем в КЗ, «в Годунове перемене сидеть не почал» и был отозван в Москву, и с 4 августа 1667 г. Томском стали управлять стольник Н.А.Вельяминов и дьяк В.Шпилкин. В Г об отказе И.Л.Салтыкова от воеводства не сообщается, а появление в Томске новой администрации отнесено к 176 г. В том же году «на Таре», согласно Г, С.Измайлова сменил прибывший из Томска Ф.Мещерский. Благодаря КЗ известно, что это случилось 1 сентября, а в Таре, где он провел почти 6 лет, до

июня 1673 г., Ф.Н.Мещерский «лежал все в разслаблении» и умер на обратном пути, а обязанности воеводы исполнял его сын Борис. По данным Г, Березовым с 176 г. управлял князь П.А.Гагарин, с 178 г. — Ф.Толбозин (Толбузин), которому на смену через два года прибыл другой тобольский сын боярский, Я.Шульгин. КЗ сохранила на этот счет дополнительные подробности: П.А.Гагарин, накануне воеводствававший в Нарыме, сменил с 25 августа 1667 г. в Березове А.Давыдова; с 1 июня 1670 г. вместо умершего Гагарина этим городом поручили ведать тобольскому сыну боярскому Ф.Л.Толбозину с местными сыном боярскими и атаманом. Далее, как известно по Г, А.П.Акинфов и дьяк И.С.Давыдов с 7 сентября 1669 г. до 21 мая 1670 г. вели в Тобольске сыск про П.И.Годунова и управляли городом до приезда боярина И.Б.Репнина «с товарищи». В КЗ же прибытие А.П.Акинфова и И.С.Давыдова «мимо Березова» в «первоименитый град» Сибири отнесен к 3 сентября 1669 г., а через три дня, оказывается, пришел указ, предписавший этим сыщикам управлять Тобольском, а бывшего воеводу тотчас выслать в Москву (куда на третий день П.И.Годунов и поехал); дьяка М.Посникова оставили в Тобольске «для щету», а «за угождение и заушничество Петру Годунову» в том же году разослали по сибирским городам И.Грабленого, С.М.Блудова, Л.Горчакова, Г.Угрюмова и У.Ремезова (163, 164, 207—209).

Нетрудно обнаружить расхождения между двумя первыми редакциями СЛС и в сообщениях о тобольском «сидении» князя И.Б.Репнина и его подчиненных. Оно уже датируется по-разному: 17 мая 1670 г. — 27 ноября 1672 г. в КЗ, 21 мая 1670 г. — 13 марта 1672 г. в Г. Смерть второго воеводы князя И.Ф.Щербатого в КЗ отнесена к 28 апреля 1672 г., в Г — к 180 г. В старшей редакции «сибирской книги» говорится об управлении Якутском с 178 г. стольника Я.П.Волконского. В Г этой даты нет, однако указывается на сослуживца князя дьяка С.Елчукова, умершего в 179 г. Как рассказывается в КЗ, скончавшегося в Тюмени вскоре после приезда из Туринска, в том же 178 г., А.М.Беклемишева заменил тобольский сын боярский Е.И.Козинский, который в следующем, 179 г., стал управлять Сургутом вместо князя Г.Козловского, и тогда же в Тюмени «начальным человеком» сделался другой сын боярский из Тобольска Л.Б.Толбозин. В Г кончина А.М.Беклемишева датируется

179 г., а появление в Тюмени следом переведенного в Сургут Козинского (здесь Козильского), потом Толбозина — следующим годом; Туринском же в 178 г. вместо отца стал управлять М.А.Беклемишев, о котором в Г лишь упоминается как о «приказном» в этом остроге. «Слогатель» Г отметил, что в 179 г. вследствие челобитной Томичей Н.А.Вельяминова отрешили от должности, и городом на Томи было поручено ведать нарымскому воеводе И.Монастыреву и прежнему дьяку В.Шпилкину. В КЗ читаем, что воеводе Нарыма и Кетска И.Ф.Монастыреву, «переменившему» в Томске Н.А.Вельяминова, 22 августа 1671 г. приказали управлять сразу тремя этими городами. В Г в отличие от предыдущей редакции свода также не поясняется, с какого времени администрацию Верхотурья возглавляли воевода Ф.Г.Большой Хрущов и подьячий с приписью Б.Л.Софонов, а затем другой приказный — С.Ю.Тютчев. КЗ сохранила и такую подробность, как отправка тобольского сына боярского Я.Г.Шульгина в Березов «по зимнему пути». В Г лаконично говорится о замене боярина И.Б.Репнина в Тобольске Ф.Г.Хрущовым, сын которого Леонтий остался в Верхотурье «до указу». В КЗ сообщается и о том, что Ф.Г.Хрущов принял дела у И.Б.Репнина, уехавшего из Тобольска три дня спустя (утром), 24 ноября 1672 г., и оставался в этом городе до 13 марта следующего года (164—166, 208, 209).

С разницей на один — два месяца определяется в КЗ и Г время тобольского воеводства боярина П.М.Салтыкова: 13 марта или 13 апреля 1673 г. — 9 марта или 9 апреля 1676 г. В Г по сравнению с КЗ названы помощники томского воеводы Д.А.Барятинского и верхотурского Ф.Хрущова дьяк В.Шпилкин (умерший в 183 г.) и подьячий с приписью С.Тютчев. Но в Г не упоминается о времени, когда сургутяне оказались подведомственны стольнику М.Л.Кологривову, смерти И.Г.Ушакова «на Таре», сыне стряпчего А.Д.Губина Иване, помогавшем отцу управлять Нарымом и Кетском. О том, что якутский (с 182 г.) воевода А.А.Барнашлев (крестник А.Ф.Пашкова) ранее находился в ссылке, будучи енисейским сыном боярским, а умер в 187 г. на Кети, в дороге, сказано лишь в КЗ, как и об отъезде боярина П.М.Салтыкова из Тобольска 9 марта 1676 г. в 11-м часу дня (166, 168, 209—211).

Боярин П.В.Большой Шереметев и стольник И.И.Стрешнев, «сидевшие» там с весны 1676 г., согласно КЗ, покинули «стольнейший град» «Сибирского царства» 4 и 1 марта 1678 г. соответственно, по свидетельству же «слогателя» Г, — 2 марта. Сопоставление этих редакций свода обнаруживает, что только в старшей из них говорится о времени «посылки» письменного головы Ф.П.Коха в Тару, смерти здесь воеводы Н.Л.Наумова и замене его отправленным из Тобольска письменным головой И.Талызиным⁴⁴, об отъезде в Илимск 25 мая 1676 г. стольника И.Д.Зубова, который в 185 г. сменил прежнего воеводу С.Оничкова; одновременно «на Верхотурье» появились воевода И.Ф.Пушкин и дьяк Д.И.Афанасьев (а не в 184 г.), в Томске — стольник П.Л.Львов, а со следующего года — еще и дьяк Н.Ф.Леонтьев. В Г также не найдем сведений о том, что в 185 г. был учрежден Енисейский разряд, среди первых администраторов которого был письменный голова К.Лазарев, в Туруханске стольник И.П.Савелов подъячому с приписью Б.Софонову «от государева сиденья отказал и из города выслал», в Пельме В.И.Мотовилов на 4 месяца уступил свои полномочия голове тобольских пеших казаков И.М.Ушакову⁴⁵, а в 188 г. умер якутский воевода Ф.И.Бибиков, но говорится о времени появления новых воевод (185 или 186 г.) и их предшественниках в Пельме, Туринске, Тюмени, Березове, Сургуте, Красноярске, Кузнецке, о том, что в 187 г. на место Ф.И.Бибикова, сменившего в 185 г. А.Барнашлева, в 187 г. был назначен князь И.П.Гагарин, которому временно предписали управлять Илимском. В КЗ нарымским воеводой назван В.Б.Бухвостов, а кетским — А.Губин. Последний, ранее управлявший и Кетском, и Нарымом, если верить Г, с 185 г. остался в Нарыме, а Кетск оказался в ведении В.Б.Бухвостова (168—170, 211, 213—215).

В Г (кроме М) в отличие от КЗ не указано, с какого дня П.В.Шереметев Молодой стал управлять Тобольском, в какой день воевода уехал оттуда, названы новые администраторы Верхотурья, Пелыма, Албазина, время тобольского «сиденья» стольника А.С.Шейна (1680—1681 гг.), однако не говорится о письменном голове Енисейска Л.К.Кислянском и М.В.Шишкине, помогавшем тогда отцу управлять Нарымом и Кетском (171, 214, 217).

Боярин А.А.Голицын, вторично воеводствовал в Тобольске, как читаем в Г, покинул его «наскоро» в 192 г. Из КЗ же узнаем, что знатный князь отправился в Москву 1 декабря 1683 г., получив царскую грамоту, которую доставил в сибирский «старейший град» за три недели стольник В.П.Бахметев. Там же сказано, что в новой «перемене» А.А.Голицына (1681—1683 гг.) «большим» дьяком был «старый» А.И.Чистово, а «меньшим» — Ф.А.Злобин. По Г же известно, что в 191 г. Ф.А.Злобин сделался в Тобольске «большим» дьяком, а «меньшим» назначили А.Парфенова⁴⁶. В то время, по данным редактора, в Березове С.Языкова сменил «немчин» М.И.Фантор (вернее, Фанторн⁴⁷), а в Сургуте А.Барятинского — Л.А.Вельяминов⁴⁸, который в КЗ ошибочно представлен Березовским воеводой. (Сургут в данном фрагменте «сибирской книги» не упоминается). Это еще одно основание считать, что создатель Г пользовался не КЗ, а ее протографом. Лишь в Г отмечено, что в 191 г. И.А.Палицын стал дьяком в Верхотурье, И.И.Дурново сменил в Пелыме И.М.Ушакова, И.Власов (Власьев, Власиев) из Селенгинска переведен в Нерчинск на место Ф.Д.Воейкова. Кроме того, в Г упоминается о смерти в Енисейске письменного головы В.П.Акулова и значительно подробнее говорится об описании Тобольского разряда Л.М.Поскочинным на протяжении 188—194 гг., хотя про другого писца — А.Г.Дурново — сказано только в КЗ, где в отличие от Г сообщается также про А.М.Кровкова — сына генерала, вместе с отцом управлявшего Якутском, и А. Толбозине, как и прежде, находившемся в даурских острогах (171, 172, 174, 216, 219—221).

Бросается в глаза, что в Г не указано, в какие дни боярин П.С.Прозоровский стал вестать Тобольском и выехал оттуда в Москву (по КЗ, это 11 апреля 1684 и 19 января 1686 гг.). Только в КЗ определяется продолжительность «сиденья» этого князя в главном городе Сибири, отмечено, что два месяца после отъезда П.С.Прозоровского «досиживали» второй воевода Б.А.Солнцев-Засекин и дьяк А.Парфенов, констатируется, когда умер дьяк Ф.С.Калинин, Г.Ф.Нарышкин сменил «на Верхотурье» М.А.Толстого, А.М.Кольцов-Мосальский сделался томским воеводой. В Г перечисляются администраторы Енисейска с 193 г. Верхотурским дьяком в КЗ назван П.Г.Бурцов, в Г — служивший там ранее И.Палицын, томским воеводой — то Н.И.Колобов, то Т.Г.Ртищев.

В КЗ «начальными людьми» в «Даурах» числятся прежние — Ф.Воейков, И.Власиев, А.Толбозин; в Г же сообщается, что нерчинский воевода Власов с Толбозиным (накануне освобожденным китайцами из плена) в 193 г. отправился на место Албазина и в следующем году восстановил эту крепость⁴⁹ (174, 176, 220, 221).

При сопоставлении заключительного раздела КЗ, отведенного началу воеводства в Тобольске А.П.Головина, и части Г за это же время (1686—1687 гг.) видно, что редактор не повторил известий об отправке письменного головы И.Д.Спешнева на Собскую заставу, о дьяке И.Я.Юдине, сопровождавшем приехавшего в столицу Сибири окольного Ф.А.Головина, и дьяке О.Иванове, ставшем «на Верхотурье» преемником П.Бурцова, о прежних (до 194 или 195 гг.) воеводах Туринска, Пельума, Красноярска, Илимска, о приезде 6 июня 1687 г. «на Тару» стольника Г.С.Волконского, убийстве китайцами в Албазине А. Толбузина из пушки, указаний на годы, когда новые воеводы появились в Пельуме, Таре, Березове, Сургуте, Томске, Енисейске, Туруханске, Красноярске, Илимске, Якутске (относительно четырех последних городов, однако, сообщаются месяцы). В Г же уточнено, в каком месяце умер Туринский воевода И.И.Дурново, что Г.В.Новосильцев ведает не Енисейском, а Красноярским острогом, даурские и забайкальские же городки, остроги и слободы переданы в ведение Ф.А.Головина, «товарищами» которого назначены воевода нерчинских городков И.О.Власьев (об этом сказано дважды) и дьяк С.Скорницкий, Мангазеей до приезда А.П.Протасьева управлял сын прежнего воеводы И.Полтева Роман. Помимо того, в Г утверждается, что Ф.А.Головин, приехавший в Тобольск вместе со стольником А.С.Сенявиным, выступил оттуда в даурские остроги 29 мая 1686 г. на 23 дощаниках «с великим урядством»; по КЗ, сын главного сибирского воеводы, назначенный великим и полномочным послом в Китай, покинул Тобольск с 1100 служилыми людьми (еще 100 было велено «прибрать») на 25 дощаниках день спустя, но «стоял за погодую за рекою и в Сузгуне два дни» (176, 177, 221, 222)⁵⁰.

Кроме того, в Г в отличие от КЗ мы не встретим даты сургутского воеводства Ф.В.Волынского и И.В.Благово (кстати, ошибочной), куда менее подробно говорится о тобольском пожаре 1643 г., закладке и строительстве нового рубленого города,

«крестоцеловании» Федору Алексеевичу, не сказано о томском восстании середины XVII в. и судьбе Г.О.Плещеева Подреза, умалчивается о том, что верхотурских администраторов Н.О.Плещеева и М.М.Хлопова «письмянные головы писали», с 170 г. Мангазея была оставлена, а резиденция воевод, начиная с Д.Т.Наумова, переместилась в Туруханск, с 184 г. туда прекратили посылать и запасы «из енисейских пахот», взамен было «указано» выдавать деньги, воеводу В.П.Атяева, возвращавшегося из Кетского острога, в Тобольске на месяц посадили в тюрьму, сыск 140 г. коснулся не только бывшего воеводы князя Ф.А.Телятевского, но и письменно головы Ф.Шарапова, тобольских детей боярских Н.Мотовилова, М.Ремезова, П.Хмелевского и П.Тараканова⁵¹. При этом в Г добавлено, что недавний сургутский воевода И.Ф.Зубатово управлял Пельымом «до государева указу», а вместе с князем Ф.А.Елецким сыск про сибирских воевод вел дьяк Я.Бутримов. Порой в рассматриваемых редакциях СЛС не совпадает и последовательность перечисления городов и острогов восточных уездов России (141, 142, 147, 148, 150, 153, 156, 164, 167, 191, 192, 195, 196, 198, 201—202, 209, 210; ср. 143).

Кроме отличий (о которых уже шла речь) между КЗ и Г в известиях по церковной истории Сибири отметим, что в более поздней разновидности свода гораздо менее обстоятельно повествуется о смерти и погребении архиепископа Макария, приезде в Тобольск следующего сибирского владыки Нектария и его происхождении, возвращении этого «святителя» в Москву и его удалении в монастырь, прибытии в «златоразрядный град» архиепископа Герасима, его кончине, похоронах и продолжительности «папства», деятельности следующего архиепископа Тобольского Симеона, отсутствуют имена вселенских патриархов, по благословению которых Корнилий был возведен в сан митрополита Сибирского, и умалчивается о «поставлении» следом митрополитов в Смоленск, Псков и Суздаль. В Г подробно сказано лишь о том, каким образом Симеон оставил владычную кафедру (151—153, 156—157, 161, 163, 198, 199, 201, 202, 206, 207). Примечательно также, что, как читаем в КЗ и Г, Пельымом после смерти воеводы князя Н.Волконского управляли два сына боярских из Тобольска и Тюмени то «немногое время», то (видимо, это ошибка переписчика) «многое время» (146, 195; ср. 158, 160, 204. Примеч. 24—26).

Наконец, данные редакции свода нередко различаются в написании фамилий сибирских администраторов: Суржов (Сурлов)⁵², Сунбулов (Сунгулов)⁵³, Димов (Дивов)⁵⁴, Обьедалов (Обьедов, Обедов)⁵⁵, Отаснов (Бастаков), Иванов (Калистратов) сын (ср. 75, 264, 321, 347, 371), Бахтемиров (Айтемиров), Диасьев (Власов), Густов (Айгустов), Иванкин (Ивашкин), Башков (Башковский, что верно). В КЗ упоминается мангазейский дьяк Павел, «а по реклу Пятой Спиридонов»; в Г, да и Н, он именуется Пятым. Верхотурский подьячий с приписью Василий Тимофеев (согласно КЗ) в Г назван Ильиным (144, 145, 147, 149, 151, 162, 171, 174, 176, 177, 193, 197, 199, 206, 217, 220, 222; ср. 266, 322). Примечательно, что в рукописях Г оставлены места для фамилий туринского и кузнецкого воевод 1684—1686 гг. М.И.Алфимова (Анфимова) и И.М.Конищева (174, 220; ср. 278, 334). Это опять-таки указывает на то, что редактор КЗ располагал ее протографом.

Передельвая его, анонимный тобольский книжник, скорее всего из штата воеводской избы, но близкий, видимо, и к Софийскому дому, опустил десятки сообщений, однако, пользуясь, очевидно, документами, неизвестными «списателю» КЗ, внес и немало дополнений либо иначе изложил одни и те же факты. Как и остающегося анонимным предшественника, этого «повестописца» интересовала прежде всего административная и церковная история «Сибирской страны». Тем не менее, в своем произведении он нашел место и для свидетельств об основании городов и острогов, застройке Тобольска, не щадивших его пожарах, дипломатических миссиях, походах против «иноземцев», почему рассматривать Г в качестве «справочника», призванного удовлетворять потребности воевод, письменных голов и приказных людей, по меньшей мере односторонне.

Примечания

¹ Об этом сборнике см.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 41—42, 128. Примеч. 10; / Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 16, 21, 22. Ссылки на последнее издание следом приводятся в тексте главы с указанием страниц.

² Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод ... С. 42, 48, 71. Ср.: С. 62. По наблюдениям исследовательницы, в М есть «следы правки»: вставки, зачеркивания, исправления, а 183 г. однажды назван «нынешним», т.е. в записи 1674 (точнее,

1674/75) г. (211. Примеч. 67—68), что якобы подтверждает гипотезу о предшествовавшем КЗ свде тобольского митрополита Корнилия (Там же. С. 48, 49, 51, 102. Ср.: С. 115, 117). Но оригинальные сведения М могли быть почерпнуты из другого источника.

³ См., напр.: Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 50; Никитин Н.И. Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII века // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 282; Дмитриев А.А. Кучумов Искер на Иртыше // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 74, 75; Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. Тюмень, 2001. С. 5, 12.

Н.Д.Зольникова и Л.Е.Морозова назвали КЗ томской (Зольникова Н.Д. «Нарымское дело» 1642—1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 222; Морозова Л.Е. Банк данных по истории Смуты в России начала XVII в. // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1994. С. 220; Она же. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 33, 366). Это определение неприемлемо, КЗ явно возникла в Тобольске, но сохранилась в рукописи, которая из этого города в 1920-х гг. попала в Научную библиотеку Томского университета. Ср.: Алексеев В.Н. Новонайденная икона С.У.Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского Успенского Софийского собора // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 108. Примеч. 10.

⁴ Оригинально встречающееся в М сообщение, что накануне этого боя казаки поставили струги в проливе (189. Примеч. 30), о котором упоминается также в «Кратком описании...» и Новом летописце (73, 74).

⁵ Во многих летописных сочинениях упоминается о кончине Михаила Федоровича в ночь на 12 или 13 июля 1645 г. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 75. Примеч. 77; Солодкин Я.Г. Об источниках общерусских известий Книги Записной (к истории сибирского летописания XVII в.) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965—2005). Т. 2. Новосибирск, 2008. С. 222.

⁶ В отличие от КЗ в М утверждается, что Мангазею строил князь В. Рубец Мосальский (а не Кольцов-Мосальский), с М.Шаховским и Д.Хрипуновым, отправленным в Мангазею и Енисейск «самоядь привезть» к покорности московскому государю, помимо сотни служилых людей находился целовальник из Тобольска С.Новоселов, а З.Яковлев умер в 108 г.

⁷ В М не повторено ошибочное известие КЗ, что этот поход состоялся при тарском воеводе князе И.Мосальском.

⁸ В М в отличие от КЗ лишь сказано, что С.Аблин был участником и второй поездки в Китай.

⁹ В Г по другим спискам это сообщение более обстоятельно.

¹⁰ В М уточнено, что ссылка последовала 18 мая, в КЗ же приведены дополнительные подробности: детей Я.Шульгина тогда не было в Тобольске, а в Якутске опальные находились до 178 г.

¹¹ Вдобавок в М сказано, что, как сообщил И.П.Салтыков, 1 сентября 1674 г. Алексей Михайлович объявил своим наследником старшего сына Федора.

¹² В других списках Г число не указано.

¹³ Рассказ об этой миссии в М короче, нежели в КЗ, но о составе посольства и маршруте поездки говорится более подробно.

¹⁴ В КЗ поясняется, что это случилось во вторник третьей недели Великого поста.

¹⁵ В КЗ сообщается, что этот подьячий ранее в той же должности служил «на Верхотурье» с воеводой Ф.Хрущовым.

¹⁶ Заметим, что в КЗ этот пожар приурочен к 7 августа 1680 г., в М — к следующему году, с добавлением (имеющимся и в других списках Г, что «загорелось» в 8-м часу).

¹⁷ См.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод ... С. 49—50; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 345. В.А.Александров и Н.Н.Покровский ссылаются на Г, не оговаривая, что интересующее их сообщение содержится только в М.

¹⁸ Это известие сопутствует в двух списках и Есиповской летописи Основной редакции (70. Примеч. 100).

¹⁹ Обратим внимание на вставки (сделанные иным почерком, нежели написан основной текст) о воеводах Пельма и Верхотурья за 104 и 106 гг. (190. Примеч. 83—85; 191. Примеч. 8), пребывании сургутского атамана Т.Федорова (согласно КЗ, «ставившего» этот острог) «на приказе» в Кетске между 121 и 123 гг. (140, 193. Примеч. 90) (данное известие подтверждается документально: в декабре 1614 г. имевший впечатляющий послужной список сургутянин вновь управлял Кетским острогом, см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 269—270), С.А.Малого и Г.В.Веригина в Березове и Пельме соответственно на протяжении 1656—1659 гг. (204. Примеч. 28—28, 29). В М два последних свидетельства, имеющиеся в КЗ и других списках Г (158, 160, 205), опущены, хотя ранее говорится о березовском воеводе С.А.Малого.

Любопытно, что в документах, известных Г.Ф.Миллеру, говорится о пребывании в Пельме князя П.М.Шаховского и Д.Г.Юшкова в январе — мае 1598 г., Т.И.Траханиотова и П.Г.Вердеревского — в 1600 г., князя И.М.Вяземского и Г.С.Салманова «на Верхотурье» в апреле — июле 1599 г., а не в 107, с 16 сентября 108 и 108 гг. соответственно. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 369, 371—374, 381—383; Т. 2. С. 177—178, 180, 184—185, 188—191.

²⁰ Благодаря Нарышкинской редакции (далее — Н) СЛС известно, что это Плещеев (260, 317).

²¹ По данным Е.В.Вершинина, в 1627—1629 гг. мангазейскими воеводами являлись Т.В.Боборыкин и П.С.Полтев, причем лишь последний сдавал дела Г.И.Кокореву и А.Ф.Палицыну. См.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. (далее — ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 182.

²² Последний упомянут и в Н (265, 321).

²³ Как указывает Е.В.Вершинин, после смерти Я.О.Тухачевского в Мангазее 17 сентября 1647 г. до весны следующего года там «досиживал» его сын Василий, которого (вместе с подьячим с приписью Я.И.Черным) сменил вначале А.Т.Секерин, затем А.А.Секерин (ОКМ. С. 183).

²⁴ Заметим, что в М отправка тобольских письменных голов на тюменское воеводство датируется то 162 г., как в остальных списках Г, да и КЗ, то 168 г. (158, 203. Примеч. 88—88; 204. Примеч. 24—26).

²⁵ Эту дату мы встречаем и в Н, а также продолжении Абрамовского летописца (101, 276, 331).

²⁶ В Шлецеровской редакции СЛС находим еще одну дату — 17 апреля (351).

²⁷ Об одном из сыльных — князе А.В.Лобанове-Ростовском — сказано, что накануне он «сидел» в Стрелецком приказе, т.е. управлял им (ср.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Т. 3. СПб., 1836. С. 71, 72), о другом — Д.В.Ромодановском — что его из Березова отправили на Соловки, еще об одном — сыне илимского воеводы Т.А.Вындомского Вавиле — в КЗ сообщается, что этот новоявленный тобольский сын боярский женился «у немчина полковника».

²⁸ Об «измене» многих участников «соляного» похода 129 г. см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 358.

²⁹ Пропуск в Г, причем повторно, известия КЗ о С. В. Головине наводит на мысль, что редактор конца XVII в. старался не вспоминать об этом приказном как однофамильце родовитого боярина, в течение 4 лет являвшемся главным воеводой Сибири.

³⁰ Точнее, в распоряжении Д.И.Зиновьева было еще 150 служилых, а пробыл он в Забайкалье гораздо меньше времени. См., напр.: Вершинин Е.В. Даурская одиссея верхотурца К.Борзунова (XVII в.) // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 32, 33.

³¹ Напомним, что эта фамилия указана в Н; встречается она и в «разрядах».

³² Возможно, речь шла о царском «чадородии».

Кстати, пожар в Кетске произошел 29 июня 1627 г., накануне приезда Д.Полтева в Кетск. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 683.

³³ См., напр.: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 88; Ромодановская Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 421; Она же. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 48; Она же. Тобольская летопись и сибирский архив // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. 57. СПб., 2006. С. 317; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 8. Ср.: С. 362. Об уязвимости этого вывода мы уже писали. См.: Солодкин Я.Г. Из истории сибирского городского летописания конца XVII века // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Вып. 5. Ханты-Мансийск, 2008. С. 13.

³⁴ См.: Моисеева Г.Н. Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 265.

³⁵ Ср.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 566.

³⁶ Заметим, что основание Енисейского острога датируется в рассматриваемых редакциях свода то 126, то 127 гг. (145, 194).

³⁷ Далее в КЗ и Г пребывание Ф.Козловского и А.Ширина в Березове относится к 131—133 гг. (147, 196), что подтверждается документально. См., напр.: ОКМ. С. 100, 180.

Заметим, что И.Д.Шабалина, подобно А.П.Барсукову, утверждает, будто Ф.Козловский и А.Ширин управляли Березовым и в 1600—1601, и в 1623—1624 гг. См.: Шабалина И.Д. Березов в подлинных рисунках и документах // Меншиковские чтения: 2009. Березово, 2010. С. 79.

³⁸ Редактор КЗ посчитал и ненужным сообщать о смерти в 137 г. матери А.Н.Трубецкого княгини Евдокии («во иноцех» Евфимии).

³⁹ В обеих редакциях СЛС упоминается о смерти С.Оничкова в Енисейске, причем по КЗ, в 152 г.

⁴⁰ В Г не сообщается и о смерти в Тобольске 11 апреля 1645 г. жены первого воеводы князя Г.С.Куракина Евдокии.

⁴¹ Эта дата известна лишь по КЗ.

⁴² Согласно Г, он был тюменским воеводой до 176 г. (208).

⁴³ Такое написание встречается и в одном из документов. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 633.

⁴⁴ В Г следом, при перечислении «говарищей» П.В.Шереметева Молодого, отмечено, что письменный голова И.Л.Талызин «был на Таре воеводством» (214).

⁴⁵ В 190 г., согласно КЗ, он, «тоболской», вновь был «прислан» в Пелым, причем из Москвы (171, 172).

⁴⁶ А.Парфенов, по прозвищу Тюменец, ранее являлся подьячим с приписью «на Верхотурье» (171, 219).

⁴⁷ См.: ОКМ. С. 181. В КЗ следом поясняется, что этот березовский воевода «немецкой породы» был крестьянином боярина И.М.Милославского (174; ср. 220).

⁴⁸ Судя по КЗ, это случилось в 192 г. (174).

⁴⁹ Примечательно, что согласно КЗ, Албазин, разрушенный в 192 г., «ставили» то в начале 195, то в предыдущем году, и тогда А.Толбозин погиб (169, 177). Очевидно, летописцу однажды изменила память либо он обращался к противоречившим друг другу источникам.

⁵⁰ Г заканчивается подробным рассказом о воеводстве А.П.Головина и весьма лаконичными записями про его преемников С.И.Салтыкова, А.Ф. и А.А.Нарышкиных, М.Я.Черкасского (223—231).

⁵¹ П. Тараканов, ранее являвшийся поместным атаманом, затем елецким сыном боярским (Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 222—223; Рошупкин А.Ю. Участие ельчан в конфликте с боярином И.Н.Романовым (по материалам сыского дела 1628 г.) // Власть и общество: взаимодействия и конфликты: Мат-лы Пятой регион. науч. конф. Воронеж, 2011. С. 4—6), по-видимому, был сослан в Сибирь.

⁵² По Н, это Сулов (260, 317).

⁵³ В КЗ он именуется Иваном Никитиным, в Г — Исаем Микитиным. Эти различия сохранены и в Н (263, 319), и даже в документах. См., напр.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1846. С. 56; Книги разрядные по официальным

оных спискам (далее — КР). Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 928, 1149, 1261; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 129, 169; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 333; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 35, 184, 346 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8). Ср.: Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 519, 663; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 107.

⁵⁴ Документально известно про Дивова. См., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 360, 361, 369, 373, 379, 380; КР. Т. 1. Стлб. 928, 1150.

⁵⁵ В документах говорится про Обьедова. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 493, 497—499, 508—510, 523.

Примечательно, что «разряды» содержат более подробные сведения, чем КЗ и Г, о времени назначения в сибирские города и остроги и «сидения» там воевод и голов; сравнительно с СЛС в этих документах говорится о поисках Я.И.Хрипуновым серебряной руды не в период енисейского воеводства, а несколько лет спустя, в 135 г., и сообщается о сыске тогда в Сибири князя М.Ф.Барятинского и подьячего Т.Лебедева (КР. Т. 1. Стлб. 873—874, 1367). Данное обстоятельство, между прочим, заставляет расстаться с представлением Е.К.Ромодановской о разрядных записях как источнике свода, который велся в Тобольске на протяжении нескольких десятилетий.

Глава 2

СИБИРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ

На рубеже XVI—XVII вв., вскоре после «Ермакова взятия» Сибири, там по примеру «Руси» стала формироваться воеводская система управления. Ее судьбы в Смутное время Московского государства не раз, хотя большей частью попутно, привлекавшие внимание исследователей, получили отражение в обширном Сибирском летописном своде (далее — СЛС), начиная со старшей из дошедших до нас редакций этого памятника — Книги записной (далее — КЗ). Соответствующие летописные свидетельства пока не были предметом специального анализа.

В КЗ и последующих редакциях СЛС в отличие от всех остальных источников¹ сказано, что в «перемене» князя Р.Ф.Троекурова (1606—1608 гг.)² в Тобольске находился письменный голова В.Вешняков (142, 192, 260, 316, 370)³. Это летописное известие представляется ошибочным, так как дворянин московский В.И.Вешняков — сын царского постельничего, несший службу еще в 1577 г., а в конце XVI — самом начале XVII вв. воеводствовал в Мценске, Рязске, Воронеже, Валуйках, в период осады Москвы И.Болотниковым (ноябрь — первые числа декабря 1606 г.) являлся головой и переписывал сдавшихся правительственным войскам «заборских» казаков⁴. Происхождение рассматриваемого сообщения КЗ неясно. Возможно, создатель этой редакции «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» располагал каким-то документом, свидетельствовавшим о намерении судей Казанского приказа в царствование Лжедмитрия I отправить В.И.Вешнякова в Тобольск, но оно не осуществилось: насколько известно, столичный дворянин, карьера которого продолжалась и при Михаиле Федоровиче, не служил там ни до 1606 г., ни позднее⁵.

Летописное известие о смерти назначенного в сибирскую столицу окольничего М.М.Салтыкова⁶ «на Верхотурье» (143, 192, 260, 346, 370) подтверждается документально⁷. Заметим, что в Томском виде Нарышкинской редакции (далее — Н) СЛС говорится, что

Салтыков умер, не доехав до Верхотурья (317). Вероятно, это ошибка переписчика, ибо во всех остальных разновидностях свода читаем, что новый тобольский воевода скончался, не попав к месту службы⁸.

В «перемене» заменившего М.М.Салтыкова князя И.М.Катырева-Ростовского, попавшего в Тобольск осенью 1608 г. (143)⁹, как сообщается в КЗ (в других редакциях СЛС этого известия нет), с 1608/09 г. в «царствующем граде» Сибири служил подьячий И.А.Хапугин, который «к Москве опять взят при Борисе (надо Василии. — Я.С.) Ивановиче», то есть во время «державства» Шуйского. (Вероятно, переписчик спутал незадачливого венценосца и второго тобольского воеводу Б.И.Нащокина-Капустина). Известно, что Хапугин обвинил управлявшего Сибирью в 1616—1620 гг. боярина И.С.Куракина и его сослуживца дьяка И.Г.Булыгина в «измене» и громадном «корыстовании» государевой казной¹⁰. Это наводит на мысль, что И.А.Хапугин вопреки КЗ оставался в Тобольске и в первые «послесмутные» годы либо, вернувшись в Москву в 1610, если не в 1609 г., затем снова очутился в столице «Сибирского царства» или же поддерживал связи с местными приказными. (Другие источники сохранили упоминания о службе в это время в Тобольске подьячих Е.Денисова и С.Кляпикова¹¹).

В числе тобольских «седоков» 1612/13 — января 1616 гг. вместе с воеводами кравчим И.П.Буйносовым-Ростовским и Н.М.Плещеевым летописцы называют сына последнего Василия (с чином письменного головы) (144, 193, 260, 317, 346, 370), что подтверждается «разрядами»¹². (Позднее такая практика становится обычной¹³).

Согласно КЗ, воеводствовал в Березове в 1605/06 г. князя П.А.Черкасского со следующего года сменили С.И.Волынский и Ю.Я.Стромилов. В Г пребывание П.А.Черкасского в городе, расположенном близ устья Северной Сосьвы, приурочено к 1605/06—1606/07 гг.; в Н этих хронологических определений нет (143, 192, 260, 317)¹⁴.

Если верить КЗ, вначале, при тобольском воеводе князе Р.Ф.Троекурове, Березовым управлял один П.А.Черкасский, затем ему на помощь из Москвы с конным отрядом прибыл голова И.И.Зубов для подавления мятежа остяков, предводителей которых

— «30 человек иноземных князцов» — повесили (143). (В других редакциях свода об этой «измене» умалчивается). Заметим, что в первых грамотах, адресованных в Березов, где упоминается И.И.Зубов, — от 31 марта, 1 апреля и 21 октября 1607 г. (а не 1605/06), нет и намека на волнения среди инородцев¹⁵, что позволяет усомниться в достоверности летописной версии о спешном прибытии видного смоленского дворянина в сослуживцы к П.А.Черкасскому. О подготовке мятежа власти Березова узнали, вероятно, в конце весны 1607 г. от остячки Осдони «из березовских и подгородних юрт», судя по царской грамоте от 28 октября того же года, посланной в ответ на отписку местных администраторов, направленную в Москву не ранее 9 июня и поступившую туда (как заметил Е.В.Вершинин) 5 сентября 1607 г.¹⁶ Не спутал ли создатель КЗ события 1595 г., когда к осажденному иноземцами Березову из Москвы был направлен отряд князя П.И.Горчакова¹⁷, и 1607 г.? Кроме того, раскрытие заговора повлекло за собой казнь не трех десятков, а максимум двенадцати остяков¹⁸. К тому же воеводы в Березов обычно посылались вместе с письменными головами¹⁹. Кстати, «круглая цифра» — двадцать (документально известно о шестнадцати — восемнадцати²⁰) — приводится в КЗ и в сообщении за 1663/64—1666/67 гг. о расправе березовского воеводы А.П.Давыдова с обвиненными в измене остяками (162). (Вопреки ранней редакции СЛС, эта расправа относится ко времени тобольского воеводства князя И.А.Хилкова (1663 г.), а не его преемника князя А.А.Голицына²¹). Обращает на себя внимание стилистическая близость данных известий: «при нем (П.А.Черкасском. — Я.С.) была измена от иноземцев ... изменников повесили 30 человек иноземных князцов»; «при нем (А.П.Давыдове. — Я.С.) была на Березове измена от иноземцов. Изменники перевешаны, а 20 человек князцов лучших, которые были измене заводчики, и обличены в том» (143, 162; ср. 147—149)²². Думается, эти сведения попали в КЗ скорее не из «справки» об «изменах» инородцев русскому государю, если такой документ имелся в приказной палате Тобольска, а из какого-то источника, возникшего в Березове²³. Не исключено, данный источник, представлявший собой череду повременных записей, был отредактирован тобольским летописцем. (Оригинально, кстати, и упоминание КЗ о присылке в 1617/18 г. в Мангазею

воеводы П.В.Волынского, накануне сменившего в Березове умершего на воеводстве Б.Л.Зюзина, см.: 145)²⁴.

Под 1600/01 г. в КЗ читаем о том, что князь Василий Михайлов сын Кольцов-Мосальский и Влук Остафьев сын Пушкин «по указу государеву первой Мангазейской город ставили и первые воеводы в нем были» (ранее сказано про сооружение мангазейского острога князем М.М.Шаховским и Д.Хрипуновым) (140, 141). В Г же упоминается о полученном тобольским воеводой Ф.И.Шереметевым приказе отправить В.М.Кольцова-Мосальского и В.О.Пушкина с сотней служилых людей «в Мангазею и в Енисейск» (заложенный, кстати, в 1618 г., см.: 98, 145, 146, 194, 216, 318, 370). В одном списке Г князь В.М.Мосальский верно именуется Рубцом (191. Примеч. 20—23)²⁵. В Н же В.О. (точнее, Савлук Третьяков (Сергеев) сын) Пушкин представлен Лукой (260, 316). Напомним, что «Мангазейский город» был «поставлен» в период воеводства Д.В.Жеребцова (1606—1608 гг.).

Многочисленные документы позволяют установить, что Сургутом в течение 1608—1614 гг. управляли Ф.В.Волынский и И.В.Благой (последний около двух лет в одиночку воеводствовал в городе, «срубленном» «вверх Оби»)²⁶. В КЗ же их пребывание в Сургуте относится к 1598/99—1599/1600 гг., а в Г и Н — к двум последующим годам, причем оказывается, что преемниками Ф.В.Волынского и И.В.Благого явились князь Я.П.Барятинский и В.В.Пивов (141, 191, 259—260, 316)²⁷.

Из КЗ узнаем о «поставлении» Нарымского и Кетского острогов сургутским атаманом Т.Федоровым, который был там приказным (140; ср. 193. Примеч. 90)²⁸. В течение же 1600/01—1601/02 гг. в Нарым «на атаманово место Тугарина Федорова (прибыл. — Я.С.) первой воевода Мирон Тимофеев сын Хлопов». В Г это сообщение КЗ подверглось редактированию, и получилось, что при тобольском воеводе Ф.И.Шереметеве (1600/01—1601/02 гг.) Нарымом продолжал ведать сургутский атаман, «а на ево место приехал» М.Т.Хлопов, как поясняется в Н, из Москвы (141, 191, 260; ср. 316). Приведенные свидетельства не отличаются точностью. М.Т.Хлопов, по данным Е.В.Вершинина, управлял Нарымским острогом в 1611—1615 гг., а накануне являлся письменным головой в Тобольске²⁹. Т.Федоров же, если следовать его челобитной, поданной незадолго до смерти, в годы московской Смуты, по

крайней мере в 1607 и 1611—1612 гг., находился на «Руси»³⁰. (В боярском списке 1606/07 г. упоминается о службе в Сибири выборных дворян по Верее Д.Ю. и М.Ю.Пушечниковых, Ф.И.Загряжского³¹, кстати, брата пелымского воеводы. Не исключено, что кто-то из этих трех дворян и был предшественником М.Т.Хлопова в роли главы администрации Нарымского острога).

Ко времени тобольского воеводства Ф.И.Шереметева в КЗ относится и пребывание в Кетском остроге Г.Ф.Елизарова (141)³², который в действительности служил там в 1608—1612 гг. С точки зрения Е.В.Вершинина и А.Т.Шашкова, «подтвердить справедливость» данного сообщения «не представляется возможным», не исключено, что оно ошибочно, так как «не позднее 1604 г. воеводой на Кеть был назначен тобольский письменный голова» П.А.Бельский, и именно он может считаться первым самостоятельным воеводой Кетского острога³³. Видным сибиреведам, скорее всего, осталось неизвестным, что П.А.Бельский и Г.В.Хлопов были посланы в острог на Кети, причем на год, сургутским воеводой Ф.В.Головиным по предписанию тобольских властей во главе с князем А.В.Голицыным³⁴, то есть выборный вяземский дворянин, приходившийся близким родственником последнему фавориту Ивана Грозного, едва ли управлял недавно «срубленным» острогом в чине воеводы. (В 1606/07—1608 гг. Кетском ведал выборный по Суздалью В.М.Молчанов³⁵, вероятно, будучи письменным головой). По данным СЛС, в течение 1612/13—1620/21 гг. острогом на Кети управлял Ч.Ф.Челищев (145, 146, 193—195, 261, 317, 318; ср.: 262, 319). Документально, однако, известно о его воеводстве в этом остроге, начиная с 1614/15 г.³⁶, когда наместником Сибири сделался князь И.С.Куракин.

Первыми воеводами Томска (согласно КЗ, они управляли этим городом в 1601/02 г., если же следовать Г и Н, и в течение предыдущего года) в свде названы В.В.Волынский и М.И.Новосильцев (141, 191, 259—260, 316)³⁷. Они в отличие от своих предшественников, действительно, были воеводами, но провели в Томске пять лет, начиная с 1608 г. (344)³⁸, основателями же крепости на Томи (в сентябре 1604 г.) являлись не В.В.Волынский Щепин и М.И.Новосильцев, а письменные головы Г.И.Писемский, накануне служивший в той же должности в Сургуте, и тобольский сын боярский В.Ф.Тырков, которых в 1606 г. сменили опять-таки

письменные головы М.Н.Ржевский и С.А.Бартенев³⁹. Очевидно, сведениями об этих головах и создатель КЗ, и редакторы этого памятника не располагали. Кстати, после сообщения о воеводстве В.В.Вольнского и М.И.Новосильцева в Томске следующие летописные известия о нем относятся уже к 1615/16 и 1616/17 гг., когда (что подтверждается документально) им вначале ведали Г.Ю.Хрипунов и И.Б.Секерин, затем Ф.В.Бабарыкин и Г.Ю.Хрипунов (145, 194, 261, 318).

Как читаем в КЗ, Верхотурьем в канун Смуты (до появления там в 1602/03 г. Н.О.Плещеева и М.М., точнее, М.С.Хлопова) управляли Угрюм Иванов сын Новосильцев и Алексей Загряжский; «Алексей диак умре» (141, 142). Однако Новосильцев, только Угрюм Васильев сын, о чем известно по многочисленным документам, «сидел» в этом «пригородке» Тобольска⁴⁰ вместе с воеводой князем М.Д.Львовым; следующими «начальными людьми» Верхотурья являлись Н.О.Плещеев и М.С.Хлопов, дворянин московский А.Ф.Загряжский же, доживший до первых лет царствования Михаила Федоровича⁴¹, был «товарищем» окольного С.С.Годунова в 1606—1607 гг. Возможно, «диак» в процитированной фразе — ошибка переписчика, которому надлежало указать «зде» или «тамо» (ср.: 148, 149, 156, 157, 176), к тому же «на Верхотурье» до последней четверти XVII в. помощниками воевод служили не дьяки, а подьячие (145, 147—152, 154, 156—158, 160, 162, 170—172)⁴².

В КЗ вслед за сообщением о назначении в Тобольск в 1607/08 г. воевод М.М.Салтыкова (которого через год сменил князь И.М.Катырев-Ростовский) и Б.И.Нащокина «с товарищи» сказано: «В тех же годех Тобольскаго розряду в городех воеводы», и перечислены администраторы (первыми из них всюду являлись Годуновы) Верхотурья, Пелыма, Туринского острога и Тюмени. Однако эти «начальные люди» были определены на службу в сибирские города не в 1607/08 г.⁴³, а двумя годами раньше, в царствование Самозванца⁴⁴. В Г и Н же говорится о воеводах «с товарищи», отправленных Василием Шуйским в Тобольск в 1607/08—1610/11 гг., а помимо опальных Годуновых и их сослуживцев, ведавших Верхотурьем, Пелымом, Туринском и Тюменью, упомянут кетский воевода Г.Елизаров (143, 192—193, 260, 317).

В КЗ, Г и Н сообщается, что в течение 1612/13—1614/15 гг. административную «коллегию» Тары составляли И.М.Годунов, П.Истленев (Истленьев, Истлеев) (ранее, при царе Василии, служившие в Пелыме) и Ф.Старой (143, 144, 192, 193, 260, 261, 317)⁴⁵. Первые двое из них вместе с П.И.Загряжским, действительно, в 1605—1609 гг. управляли Пелымом; П.Д.Истленев оставался там до 1612 г., а уже в следующем году находился в Москве и Ливнах⁴⁶. В большинстве редакций СЛС Тарскими «начальными людьми» на протяжении тобольского воеводства боярина князя И.С.Куракина (1616—1620 гг.) представлены К.С.Воронцов-Вельяминов и П.С.Лутохин (который в этом городе и умер) (145, 194, 261, 317). В нескольких документах сохранилось указание на то, что в 1614—1616 гг. «на Таре» служили воеводы И.М.Годунов и П.С.Лутохин, письменный голова Ф.Ф.Старово⁴⁷. Возможно, в протографе КЗ администраторами этого города за 1612/13—1614/15 гг. значились И.М.Годунов и Ф.Старой (Старово), но создатель этой редакции СЛС рассудил, что сослуживцем первого из них являлся и П.Истленев.

В Г сравнительно с КЗ указаны верхотурские администраторы того времени, когда тобольскими «седоками» являлись князь И.П.Буйносов-Ростовский «с товарищи»: И.В.Головин, Ф.И. ... (из Н выясняется, что Плещеев⁴⁸), подьячий В. Спицын (144, 193, 260, 317). Вероятно, переписчик КЗ пропустил соответствующее известие либо оно было внесено в текст свода уже при возникновении Г.

Итак, в предназначавшемся главным образом для нужд управления «далечайшей государевой вотчиной» СЛС, особенно его старшей из сохранившихся редакций, налицо немало оригинальных сведений об административном аппарате сибирских городов и острогов периода «всеконечного разорения» Московского царства. Как видно при сопоставлении с документальным материалом, многие из этих сведений неточны, а то и вовсе сомнительны, что можно объяснить зависимостью от различных, в том числе относительно поздних, источников либо неисправностью протографа, да и ошибками при его копировании.

Примечания

¹ См., напр.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 4. М., 1901. С. 140; Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953. С. 45; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. Вып. 1. М., 1982. С. 179; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 2. М., 1998. С. 225; Отдел рукописей Рос. нац. библиотеки. Эрмитажное собр. № 337. Л. 1 об.

² Согласно одной разрядной записи, стольник Р.Ф.Троекуров «с товарищи» управляли Тобольском с «полулета» 1606 до «полулета» 1608 г. (Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 156).

В Миллеровском списке (далее — М) Головинской редакции СЛС (далее — Г) (см. о нем: / Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 16, 21, 22), сохранившем ее ранний вариант, подобно КЗ нет пояснения, что Р.Ф.Троекуров «с товарищи» были посланы в Сибирь «от Расстриги». См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 142, 192. Примеч. 52—52. Следом ссылки на это издание произведений «группы Есиповской летописи» приводятся в тексте главы.

³ В перечне тобольских администраторов, составленном Е.В.Вершининым, сделавшийся в конце жизни патриаршим дворянином В.И.Вешняков не называется. См.: Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 170.

⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 10, 43, 117; Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК). Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 237.

⁵ См., напр.: Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 108, 217, 257, 259, 263; РК. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 287, 313.

⁶ Наказ ему относится к 19 февраля 1608 г. (Обзорение ... Ч. 4. С. 140). Считать, что М.М.Салтыков Кривой был послан в Тобольск в 1607 г. (Тюменцев И.О. Смута в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 377. Примеч. 93), не приходится.

⁷ См.: Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 161, 175, 249—250.

⁸ Считается, что на протяжении XVII столетия в Сибири несли службу три окольных, в том числе в ее «начальнейшем граде» — один или два (Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 108, 109; Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 51). При этом, вероятно, имеется в виду и воеводство М.М.Салтыкова, которому, повторим, доехать до Тобольска было не суждено.

⁹ Утверждение, что стольник И.М.Катырев-Ростовский воеводствовал в городе, названном по реке Тоболу (136, 139), в 1609—1613 гг. (Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 61) неточно.

¹⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 72, 552. С.Б.Веселовский писал о начале службы И.Хапугина ранее 1624 г.

¹¹ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. С. 260; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 115, 154; Рыбалко Н.В.

Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 303.

¹² Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стлб. 195. О В.Н.Плещееве известно как о наследнике отцовской вотчины в Ярославском уезде. Кроме того, этот дворянин упоминается в числе лиц, сопровождавших Михаила Федоровича в поездке в Симонов монастырь (1617 г.). См.: Книги разрядные в официальных оных списках (далее — КР). Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 414—415; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 466 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8).

¹³ См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 113—114.

¹⁴ По данным Е.В.Вершинина, П.А.Черкасский и И.И.Зубов являлись «начальными людьми» Березова в 1605—1608 гг. См.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. (далее — ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 180.

¹⁵ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 230, 234—236.

¹⁶ Там же. С. 236. Судя по грамоте царя Василия «на Березов» от 28 марта 1610 г., волнения там продолжались и в 1607/08 г.

Напомним, что одни исследователи пишут о восстании, охватившем Березовский уезд в 1607 г. (см., напр.: Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII—XVIII в. // Уральский ист. вестн. 1994. № 1. С. 122; Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха ... С. 55; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 68—69, 91—92), другие — лишь об угрозе антирусского движения (ОКМ. С. 161—162; Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Перизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 158).

¹⁷ См.: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 15, 16.

¹⁸ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 238, 239; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 2. СПб., 1875. Стлб. 199; Акишин М.О. Новые документы ... С. 122, 128; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 24—25.

¹⁹ Впрочем, царская грамота «на Березов» от 12 июля 1606 г. адресована одному князю П.А.Черкасскому. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 407.

²⁰ См.: Обзорение ... Ч. 4. С. 13; ОКМ. С. 61, 65, 168.

²¹ См.: ОКМ. С. 64—66.

²² В других редакциях СЛС этих сообщений мы не находим, см.: 192, 207, 260, 272, 317, 327.

²³ Примечательно, что в СЛС мы не прочтем о казни сургутским воеводой десяти уличенных в «измене» в 1597/98 г. нарымских остяков во главе с Басаргой, о чем сообщал 37 лет спустя в челобитной Михаилу Федоровичу новокрещен Н.Осипов. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 449.

²⁴ Документы сохранили указание на отправку в Березов в октябре 1612 г. воеводы С.И.Чемоданова, накануне управлявшего Солью Вычегодской (Доли-

нин Н.П.Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958. С. 59), но в СЛС об этом не сказано, см.: 142, 144, 192, 193, 260, 261, 317.

²⁵ Об этом, следуя Новому летописцу (далее — НЛ), сообщил и создатель Окладной книги Сибири в конце XVII в. (73; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 51).

²⁶ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 116 (Ф.В.Волынский здесь неверно именуется Михайловичем); Ульянова А.Е. Структура сургутского казачьего гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI—XVII вв. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск, 2007. Вып. 2. С. 21.

²⁷ В М опущены неверные известия КЗ о том, что сургутских воевод Ф.В.Волынского и И. В. Благого сменили князь Я.Барятинский и В.Пивов, а в Березове в 1600/01 г. служили князь Ф.Козловский и А.Ширин (141, 191. Примеч. 37—37, 42—42. Ср.: С. 147, 196).

Кстати, «разряды» (см.: ДР. Т. 1. Стлб. 350, 427) подтверждают сообщение поздних редакций СЛС о воеводстве князя Н.М.Мезецкого и И.В.Щелкалова не в Сургуте, о чем говорится в КЗ, а «на Тюмени». См.: Солодкин Я.Г. Сибирский летописный свод как источник по истории Сургута // Исторические вызовы России и цивилизационные ответы Сибири: Тез. докл. регион. науч. конф. Сургут, 2009. С. 4.

²⁸ Это свидетельство есть и в Академической редакции (далее — А) СЛС (369).

²⁹ Вершинин Е.В. Воеводское управление ... С. 163, 170. Уточним, что о нарымском воеводстве М. Т. Хлопова известно и за 1610 г. См.: Акты времени междоусобия (17 июля 1610 — 1613 г.) / Под ред. С.К.Богоявленского и И.С.Рябинина (далее — АВМ). М., 1915. С. 46.

³⁰ См.: Древний город на Оби ... С. 123; Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 56, и др.

³¹ См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века: 1601—1608: Сб. док. М., 2003. С. 154.

³² Эта запись повторена в некоторых других редакциях СЛС, но без указания на то, что Г.Ф.Елизаров являлся первым кетским воеводой (191, 260, 316). В М же не говорится о воеводстве в Кетске Г.Ф.Елизарова (193. Примеч. 75—77).

³³ Шашков А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI — начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургут. краевед. музея. Сургут, 2003. С. 34; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 23.

Вопреки недавно высказанному взгляду (Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 600. Ср.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 114), следует различать, на что мы уже указывали (Солодкин Я.Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Росийском царстве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л., 1981. С. 110. Примеч. 54), принадлежавшего к корпорации муромских выборных дворян

Г.Ф.Елизарова, воеводствовалого в Кетске в 1608—1612 гг. (см. о нем: Савелов Л.М. Родословные записи. Вып. 3. М., 1909. С. 180, 181; Кучкин В.А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг Муромца 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник (далее—АЕ) за 1967 год. М., 1969. С. 298, 314; Морозов Б.Н. Важный документ по истории восстания Болотникова // История СССР. 1985. № 2. С. 165, и др.), и дьяка, затем даже думного, Г.Елизарова, который в это время находился в Москве (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 233; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1851. С. 392; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и редакт. А.М.Гневушев. М., 1914. С. 49, 50, 267. Ср.: С. 387; Тюменцев И.О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 319, и др.).

³⁴ Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 54. Полагаться на утверждение новокрещена Н.Осипова (из его челобитной 1634/35 г.), что П.Бельский был кетским воеводой (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 449), едва ли стоит.

³⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 244, 247, 248; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 13. Ср.: Народное движение ... С. 141.

³⁶ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 273; ДР. Т. 1. Стлб. 196; КР. Т. 1. Стлб. 197. Ср.: Зольникова Н.Д. «Нарымское дело» 1642—1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 215. В декабре 1614 г. в Кетске служил Т.Федоров, а в марте и не ранее июня предыдущего года оттуда в Сургут воеводе И.В.Благому писали М.Лавров (томский казачий голова, в 1618 г. возводивший с татарским головой О.Кокоревым и сыном боярским О.Михалевским (Харламовым) Кузнецкий острог) и И.Ясырь (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 264, 265, 269—270).

³⁷ Заметим, что основателем Туринского острога является не служивший там и спустя несколько лет письменный голова И.Ф.Лихарев, как утверждается в КЗ и А (139, 369; ср. 142, 192, 260, 316), а Ф.О.Янов, которого сменил другой письменный голова — Ф.К.Фофанов (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 374, 375, 377—379, 383—386, 397—401; Т. 2. С. 208—210; Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 188, и др.).

³⁸ См. также: РИБ. Т. 2. Стлб. 177, 179, 181—182, 188, 191—199, 216; Обозрение ... Ч. 4. С. 39, 147; Вершинин Е.В. Воеводское управление ... С. 175.

³⁹ См.: Бояршинова З.Я. Основание города Томска. С. 36, 42, 45—47, и др. Признание Г.И.Писемского и В.Ф.Тыркова томскими воеводами (Модоров Н.С. Освоение Южной Сибири Русским государством в начале XVII века // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А.П.Уманского. Барнаул, 2008. С. 62, 63) ошибочно.

Как представлялось Р.Г.Скрынникову, «в глухих сибирских архивах» случайно уцелели «немногие экземпляры» документов Лжедмитрия I, которые после убийства «расстриги» власти приказали сжечь. Так, «в далеком Томске затерялась

грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 года» (Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1990. С. 173. Ср.: С. 177). Однако это не грамота, как вслед за В.И. Корецким писал Р.Г. Скрынников, а наказ письменным головам, отправленным на смену другим, заложившим «Томский город», и данная «инструкция» дошла до нас среди материалов Сибирского приказа. Документов же времени московского «цесаря» сохранилось немало, отдельные из них указаны самим Р.Г. Скрынниковым (Там же. С. 175, 176, 178, 179).

⁴⁰ См.: Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 105.

⁴¹ Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 143. См. также: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие ... С. 309.

⁴² См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 447. По свидетельству «слогателя» КЗ, Верхотурье «ставили» вместе с воеводой В.П. Головиным и письменным головой Г.С. Салмановым бывшие лозьвинские воеводы И.Г. Нагой и И.В. Траханиотов, которых затем в новом городе сменили И.В. Воейков и Г.С. Салманов. Повторное указание на ярославского дворянина, вскоре после основания Верхотурья посланного в Псков и участвовавшего в знаменитом Серпуховском походе (см.: РК. Т. 2. Вып. 1. С. 129, 136, 153), восходит, быть может, к другому источнику, чем использованный накануне.

В Г, Н и А первыми администраторами города, выстроенного в верховьях Туры, названы В.П. Головин, И.В. Воейков и Г.С. Салманов (190—191, 259, 316, 369). Отметим также, что И.В. Траханиотов стал преемником И.Г. Нагой, а не служил наряду с ним в должности лозьвинского воеводы.

⁴³ Относительно управлявшего Пельмом стольника И.М. Годунова об этом упомянуто в биографии В.А. Александрова и Н.Н. Покровского «Власть и общество ...» (С. 235).

⁴⁴ См.: Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 241—243.

⁴⁵ В некоторых «разрядах» сказано о воеводстве И.М. Годунова в Таре в царствование Василия Шуйского (Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 85, 94, 141, 149).

⁴⁶ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири ... С. 165, 168. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 240—242, 246—251, 261, 263; АВМ. С. 61; Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.: Переизд. М., 1939. С. 284. Известие НЛ о высылке Годуновых (еще до прибытия Лжедмитрия I в Москву) в понизовые и сибирские города по тюрьмам ошибочно, как и свидетельство того же официального летописца об отправке в Сибирь проявившего «шатость» во время похода против Тушинского вора князя И. М. Катырева-Ростовского в заточение (ПСРЛ. Т. 14. С. 66, 80).

⁴⁷ ДР. Т. 1. Стлб. 154; РИБ. Т. 2. Стлб. 338; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 268, 270, 275; Обзорение ... Ч. 4. С. 31, 141.

⁴⁸ В «разрядах» при этом говорится о Ф.С. Плещееве (ДР. Т. 1. Стлб. 195, 297; КР. Т. 1. Стлб. 197, 407).

Глава 3

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Проблемы социально-экономического и культурного развития Западной Сибири издавна остаются в поле зрения исследователей. Примером этому являются публикации исследований на страницах ежегодной коллективной монографии «Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории»¹, в материалах краеведческой конференции «Мира не узнаешь, не зная края своего»² и других изданиях³.

Становление системы образования на территории бывшей Тобольской губернии в XIX в. нашло свое отражение в работах последних лет. Ряд опубликованных исследований О.П.Цысь⁴ недавно дополнился монографией⁵. В книге предпринята успешная попытка систематизировать многочисленные материалы опубликованных источников о системе образования на Севере Западной Сибири и привлечены ранее не использовавшиеся архивные материалы, хранящихся в фондах «Государственного архива г.Тобольска». Интересные сведения приведены во всех пяти главах. Среди достоинств монографии следует отметить большое приложение, где помещен именной указатель учителей⁶, законоучителей, заведующих школами, попечителей заведений, список учебных заведений, открываемых в крае на протяжении почти векового периода, схемы и планы зданий их фотографии. При этом следует заметить, что остается не вовлеченной в научный оборот значительная часть архивного материала, что и обусловило неполноту сведений по ряду вопросов истории образования на Севере Западной Сибири.

Отдельные сведения по этой теме содержатся в основательном труде, посвященном истории Березовского края⁷. Некоторые страницы истории Березовского уездного училища и Сургутской казачьей школы с привлечением неизвестных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА), нашли отражение в недавно появившихся исследованиях⁸.

В упомянутых работах представлена и обильная историография по интересующей нас проблеме. Важное значение имеют недавно введенные в научный оборот данные о включении в образовательную среду детей инородцев⁹, хотя это явление не носило массового характера.

Несмотря на наличие многочисленных работ, О.П.Цысь констатирует, и с ней следует согласиться, что «история образовательных и просветительских учреждений на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. является одной из наименее изученных страниц прошлого края»¹⁰. Остается еще много пробелов, в том числе и, казалось бы, среди нашедших достаточное освещение в литературе вопросов об истории функционирования Березовского училища и Сургутской казачьей школы, церковноприходских и других учебных заведений края. Привлекавшиеся же архивные документы не дают пока полной картины в плане освещения учебного процесса, жизни преподавателей.

Главным источником для анализа деятельности учебных заведений, расположенных в Березовском крае, остаются отчеты и журналы проверок инспектирующих, переписка губернских и центральных учреждений, в том числе Министерства народного просвещения (далее — МНП), Министерства внутренних дел (далее — МВД), Министерства финансов по проблемам, которые являются предметом нашего исследования. Впервые мы привлекаем для характеристики отдельных преподавателей Березовского уездного училища, повседневной жизни г.Березова в середине XIX столетия и своеобразный документ — дело о самоубийстве учителя Березовского уездного училища П.Калмыкова.

Расширение источниковой и историографической базы способствует появлению и дискуссионного поля, возможности дополнения уже известных сведений или исправления допущенных неточностей. Например, говоря о ведомственной принадлежности Сургутской казачьей школы, В.В. и О.П.Цысь полагают, что в «административном и финансовом положении она находилась в ведении Тобольского воинского начальника», а в «учебном отношении» ею «управлял штатный смотритель училищ Березовского и Сургутского округов». Исходя из первого обстоятельства исследователи относят ее к Военному министерству¹¹. Такая убежденность может быть поставлена под сомнение ввиду следующих причин.

Во-первых, необходимо заметить, что Тобольский казачий полк не относился к военному ведомству. Во-вторых, финансирование на содержание школы полку выделялось из казны целенаправленно в размере 200 руб. ассигнациями. В-третьих, на что указали и В.В. и О.П.Цысь, после упразднения Тобольского пешего казачьего батальона в 1869 г.¹² «военное ведомство отказалось ее брать на свой баланс»¹³. Следовательно, на балансе военного ведомства школа и не состояла, в противном случае речь могла бы идти об оставлении школы на балансе. В-четвертых, вопрос о том, «под каким ведомством состоит Сургутская казачья школа», был поставлен и чиновником департамента МНП на журнале обозрения директором училищ Тобольской губернии, направленном в столицу Тобольским Общим Губернским Управлением 27 января 1848 г. за № 653. Здесь же имеется приписка: «В ведении Тобольской Дирекции Училищ»¹⁴. Такое подчинение было предложено с момента создания школы Соколовым, который принимал непосредственное участие в ее открытии¹⁵. В-пятых, именно в департамент МНП 25 июля 1836 г. поступило донесение об открытии школы, туда же направлялись журналы (например, 25 января 1838 г., в 1842 и 17 января 1848 г.) о результатах регулярных проверок учебного заведения, проведенных в 1837, 1841, 1847 гг. именно директором училищ Тобольской губернии¹⁶. При этом нужно учитывать и обстоятельство (на которое ссылаются и нижевартовские исследователи) о том, что школа перешла в ведомство МНП только с 1 февраля 1877 г., но здесь речь идет о финансировании казачьего начального училища г.Сургута¹⁷. Следует обратить внимание и на то, что средства должны были поступать на финансирование этого училища не с 1 февраля, когда император утвердил документ, а с 1 июля этого же года. К тому времени учебный год завершался, именно с этой даты прекращалась работа Заводо-Екатерининского приходского училища, а средства, выделявшиеся на его финансирование, передавались новому учебному заведению в г.Сургуте. Таким образом, не отождествляется ли Сургутская казачья школа с названным училищем того же города? Тем более, что на 1 января 1880 г. В.В. и О.П.Цысь не называют этой школы среди существовавших вообще, в том числе и в ведении МНП. В одной цитате, приведенной В.В.Цысем в упомянутой его статье, правда, сведения относятся к 1897 г.: «в Сургутское

приходское училище перешло немало книг из бывшей казачьей школы», статистические сведения о численности учеников последний раз он приводит за 1876 г.¹⁸ Таким образом, приведенные факты указывают на ее преобразование именно в июле 1877 г.¹⁹

Говоря о подчиненности же школы в «учебном отношении» штатному смотрителю училищ Березовского округа, В.В. и О.П.Цысь повторяют сведения, приведенные в книге «Березово (Очерки истории с древности до наших дней)»²⁰. Однако конкретных фактов на этот счет в названных исследованиях не приведено. Считается, что «штатный смотритель Березовских училищ имел возможность побывать в находившихся за пределами Березова школах лишь раз в несколько лет»²¹. Обнаруженные архивные материалы дают основания согласиться с этим мнением. Так, штатный смотритель Березовского уездного училища инспектировал ее, о чем свидетельствует «Журнал обозрения Сургутской казачьей школы в 1844 г.», составленный Н.А.Абрамовым²². На сегодняшний день это пока единственное свидетельство о подобной проверке.

Вызывает сомнение и утверждение о том, что директору Тобольской гимназии подчинялись учебные заведения всей губернии. Сведений об этом не обнаружено. Во-первых, Березовское училище находилось на территории губернии, следовательно, также должно было быть подчинено директору Тобольской гимназии. Во-вторых, Сургутскую казачью школу инспектировал, как и другие учебные заведения Березовского края, именно директор училищ Тобольской губернии, о чем упоминают авторы указанной монографии²³; к подобной деятельности, как показано выше, привлекался и штатный смотритель из Березова.

Имеются расхождения и по вопросу о правовой основе деятельности школы. Так, В.В.Цысь указывает на Положение о Тобольском пешем казачьем батальоне 1849 г.²⁴ Но школа была открыта на 14 лет раньше. В дальнейшем В.В. и О.П.Цысь ссылаются на этот же документ (что, как показано, не совсем верно) и совершенно правильно — на Устав о сибирских городских казаках 1829 г.²⁵ Именно 133—134 параграфы последнего документа позволяли открывать школы для детей казаков по месту расквартирования последних²⁶. Кроме того, необходимо назвать «Устав учебных заведений», высочайше утвержденный 8 декабря 1828 г.

Именно на 109 параграф этого Устава ссылались при проведении инспектирования Сургутской казачьей школы Н.А.Абрамов в 1844 г.²⁷, директор училищ Тобольской губернии Е.М.Качурин в 1847²⁸ и в последующие годы.

Сегодня можно говорить о точном времени основания Березовского училища. Ссылаясь на две даты (1818 г. и 1820 г.) открытия училища, которые указывает Н.А.Абрамов, ряд исследователей занимают нейтральную позицию, когда пишут: «По-видимому, в 1818 г. училище было “основано” лишь на бумаге, а работать оно начало только через два года»²⁹. Но такое мнение следует отклонить. Мы склонны считать датой открытия 1818 г.³⁰ Об этом же пишут и В.В. и О.П.Цысь, правда, не называя конкретную дату, но она определяется из текста: «В первый учебный год в Березовском уездном училище был набран 1-й и приготовительный классы. С 1819/1820 учебного года число классов увеличилось до двух»³¹. Для подкрепления наших позиций сошлемся и на ведомость Березовского уездного училища за 1834 г., где читаем: «Открыто 30 августа 1818 г.»³² Эту же дату называл первоначально и Н.А.Абрамов. И еще один аргумент: в сохранившемся после пожара в учебном заведении архиве имелись материалы с 1818 до 1846 гг.³³

Следовательно, появившиеся исследования, привлеченные многочисленные архивные документы позволяют решить отдельные вопросы функционирования ряда учебных заведений Тобольской губернии, что следует признать значительным шагом в исследовании многих сторон системы образования Березовского края в XIX столетии.

Извлеченные из архивных хранилищ материалы, главным образом РГИА, позволяют написать еще несколько значимых страниц по истории Березовского уездного училища, Сургутской казачьей школы и ряда других учебных заведений Тобольской губернии XIX столетия.

Чиновник департамента МВД (отделения 2, стола 1) 4 апреля 1840 г. за № 1721 направил в МНП сообщение о том, что получил от тобольского гражданского губернатора действительного статского советника И.Д.Талызина донесение от 10 февраля текущего года, к которому была приложена копия «с всеподданнейшего рапорта о сделанном им в течение 1839 г. обозрении вверенной ему губернии». Во время поездки была проверена «хозяйственная

часть учебных заведений» губернии. В выписке из представленного отчета читаем: «Заведения состоят из одной губернской гимназии, 8 уездных и 3-х приходских училищ и 2-х казачьих школ. Сверх того признано полезным учредить еще в остальных окружных городах приходские училища, но предположение это остается неисполненным по несогласию общества принять на себя содержание оных». По свидетельству проверяющего, все учебные заведения, кроме Березовского уездного училища, которого он «не имел возможности посетить», помещены «в казенных удобных зданиях. Хозяйственная часть их в посредственном состоянии, чистота и опрятность соблюдаются». Особо было отмечено, что «за нравственностью и прилежностью учеников имеется везде надлежащий надзор». Представляют интерес сведения о количестве учеников на конец 1839 г.: в гимназии — 121, в уездных училищах — 407, в приходских — 318, в казачьих — 58 и в приготовительных классах — 162, всего — 1066³⁴. Приведенные данные, безусловно, важны для общей характеристики сети образовательных учреждений Тобольской губернии в указанный период. При этом, к сожалению, не названы населенные пункты, где действовали учебные заведения, если они были уездными, то географию нетрудно определить (это, вероятно, Берёзовский, Ишимский, Курганский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский), относительно других, особенно приходских, это затруднительно. Общие же цифры показывают незначительный охват разными уровнями образования детей губернии. Необходимо заметить, что в рапорте имеются и, так сказать, приукрашивающие состояние дел факты. Таково, например, утверждение, что все учебные заведения располагались в казенных домах. По крайней мере известно, что Сургутская казачья школа находилась в доме, пожертвованном А.Е.Туполевым, Березовское уездное училище также располагалось еще в старом здании, пожертвованном городским обществом. По всей видимости, подобная ситуация была во многих учебных заведениях Тобольской губернии. Озабоченность администрации малым числом школ очевидна, как и ее желание, по крайней мере, в донесении, в открытии новых, но отсутствие финансирования сводило такие устремления только к намерениям. А на дополнительные поборы на содержание школ население, не имевшее достаточных средств, не соглашалось.

Инициатива жителей Сургута, особенно небезразличных, в лице А.Е.Туполева и А.Я.Кайдалова, поддержанная губернскими властями, вылилась в открытие в городе первого учебного заведения — казачьей школы в 1835 г. По сведениям П.Киреева, в Сургутском остроге существовала солдатская гарнизонная школа, «но точных сведений о ней не сохранилось». Он же пишет о том, что в 1800 г. правительство «побуждало жителей к открытию школы, но общество почему-то не пошло на помощь правительству»³⁵. Ю.П.Прибыльский упоминает о том, что «с 1779 г. на средства Сибирской епархии приступили к организации славяно-русских школ, такие школы действовали в Ирбите, Таре, Сургуте, Березове»³⁶, но не подкрепляет это утверждение документальными свидетельствами.

К этому следует добавить, что согласно одному документу (под названием «По предложению г. Министра Управляющему Тобольской губернии о доставлении мнения касательно заведения в г.Сургуте училища») попытки открытия в Сургуте учебного заведения предпринимались начиная с 1831 г. Заметим, что прошение жителей Сургута было подано на высочайшее имя. А 18 марта 1831 г. Управляющему Тобольской губернии было направлено отношение, где он информировался о том, что его ходатайство о желании «жителей заштатного г.Сургута иметь в оном училище и что один из них жертвует для сего дом, оцененный в 400 руб.» будет передано в ходе всеподданнейшего доклада Государю Императору. Выражая свою поддержку просвещенному начинанию, чиновник МНП просил для полной информации доставить еще следующие сведения: какова численность жителей Сургута, какая имеется там промышленность, какого рода учебное заведение необходимо — уездное или приходское, не делают ли жители какого пособия будущему заведению. Подписал документ директор департамента Д.И.Языков. Он же 1 февраля 1833 г. направляет А.Н.Муравьеву, назначенному 30 октября 1832 г. губернатором Тобольской губернии, письмо: «Милостивый государь мой, Александр Николаевич! Господин Министр НП, усмотрев из всеподданнейшего Государю Императору рапорта управляющего тогда Тобольской губернией г. ст. советника Кирилова, что жители заштатного города Сургут желают иметь в оном училище и что один из них жертвует для сего дом, предложением от 18 марта

1831 г за № 2407, просил доставить для соображения к содействию такого намерения жителей, равно и мнения по самому предмету»³⁷. Переписка затянулась, дело открытия учебного заведения оставалось на этапе согласования, и 19 сентября из департамента МНП вновь в Тобольск было направлено письмо, на которое 14 октября 1833 г. за № 2814 был дан ответ. А.Н.Муравьев сообщал: «касательно открытия в упраздненном городе Сургуте приходского училища честь имею уведомить, что на заведение сельского училища (в состав каких входит и Сургутское) по Высочайше утвержденной смете о земских повинностях назначены особые суммы, употребление же их зависит от разрешения господина генерал-губернатора Западной Сибири, а потому я должен испрашивать предварительно его согласия на издержку и по училищу Сургутскому. На сие его Превосходительство от 15 июня сего года уведомил меня, что обстоятельство сие будет рассмотрено вообще с делом об утверждении по всей Западной Сибири сельских училищ, которое остановилось за неполучением некоторых сведений от Тобольского гражданского губернатора»³⁸. По всей видимости, вопрос стал предметом бюрократической переписки, а генерал-губернатор так и не удосужился принять решения ни в масштабах управляемой им территории, ни в отношении Сургута. Училище в это время так и не было открыто, но, как известно, начала работу казачья школа, и то только в начале 1835 г.

Об образовательном процессе и материальном положении Сургутской казачьей школы свидетельствуют не привлекавшиеся до сих пор сведения из журнала испытаний, проведенных в 1841 г. директором училищ Тобольской губернии³⁹. Он прибыл в Сургут 10 декабря и сразу же начал проводить испытания учащихся.

Таблица 1

Численный состав и социальная принадлежность учащихся Сургутской казачьей школы на декабрь 1841 г.⁴⁰

Отделение	Социальная принадлежность			Всего
	Казачи	Крестьянского	Приказного	
младшее	8	1		9
среднее	5			5
старшее	9		1	10
	22	1	1	24

По сравнению с предыдущей проверкой (1837 г.) наблюдается резкое сокращение численности учащихся — на 22 человека, изменяется и социальный состав, нет детей обер-офицерских, духовного звания, мещан и ясачных⁴¹. Если накануне открытия школы в Сургуте было в казачьих семьях всего 103 ребенка, в том числе в возрасте от 7 до 16 лет, т.е. школьного возраста — 48, то на момент проверки 1837 г. обучением были охвачены 46. Получается, что почти все дети прошли обучение. Поэтому уменьшение количества обучающихся явилось естественным. Следовательно, авторитет школы был настолько высок, что почти все семьи, несмотря на сословную принадлежность, отдавали в нее детей. Об этом свидетельствуют и сведения о численности учащихся: начиная с 1842 г. наблюдается увеличение, в 1843 г. в школе обучалось 60 человек, и на протяжении последующих 20 лет их количество являлось стабильным⁴².

Таблица 2

Уровень знаний учащихся Сургутской казачьей школы в 1841 г.⁴³

Отделение	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
младшее	чтение	по букварю до 26 страницы	хорошо
	письмо	начальные буквы	хорошо
среднее	чтение книг церковных и гражданских	краткая Священная история и Краткий Катехизис	неудовлетворительные
	арифметика	счет, сложение, вычитание простых чисел	довольно изрядно
старшее	чтение	из Пространного Катехизиса до 2 члена Символа	недостаточные
	грамматика	до склонения имен существительных	отвечали не худо
	арифметика	до вычитания именованных чисел	изрядно
	чистописание		отчасти удовлетворительные успехи

Из журнала проверки видно, что по сравнению с предыдущей инспекцией в школе открыто старшее отделение, число проверяемых предметов в младшем отделении увеличилось (за счет письмо), но в среднем сократилось (не проверялись краткая священная история Ветхого завета, пространный катехизис, русская

грамматика и первая часть арифметики), вероятно, из-за привлечения к проверке учащихся старшего отделения. Неотъемлемой частью проверки была ревизия финансовых средств (суммы указаны в серебряном эквиваленте), которые были скромными и «в наличности»: приход на конец года составлял — 91 руб. 99 2/4 коп., расход — 45 руб. 65 6/4 коп., остаток — 46 руб. 33 6/4 коп. Учебные книги на сумму 7 руб. 37 коп., как и продажная библиотека, были в целости. Особо был отмечен дар под школу дома Туполевым, о котором «нужно довести до сведения высшего начальства для поощрения благотворителя к дальнейшему содействию на пользу учебного заведения». При этом отмечено, что здание «требует улучшения, как в хозяйственном устройстве, так в охранении и содержании чистоты». Обращено внимание на убогое состояние классной мебели и учебных пособий; об этом же говорилось и в журнале во время первой проверки. Можно представить, насколько ухудшилось их состояние за 4 прошедших года. Учебный процесс осуществляли законоучитель иерей Павел Кремлев и учитель Дмитрий Бигаев. Первый характеризовался следующим образом: человек «по поведению очень невосдержан, а потому для должности совершенно бесполезен»; второй, наоборот, был «к службе очень усерден и поведения очень хорошего»⁴⁴.

Представленный отчет содержит отдельные неизвестные сведения из жизни Сургутской казачьей школы на конец 1841 г., касающиеся и численности учащихся, их социального состава, и материального и финансового состояния, и педагогических кадров, с лаконичной их характеристикой, и проблем в развитии.

Интересные материалы, содержащие сведения о материальном и финансовом состоянии школы, качестве знаний, краткие характеристики учителей, имеются и в журнале обозрения школы в 1844 г., составленном Н.А.Абрамовым в бытность его штатным смотрителем Березовского уездного училища. Примечательно, что директор училищ Тобольской губернии делал объезд с целью проверки учебных заведений в декабре, штатный смотритель Березовского уездного училища прибыл в школу 18 августа. Проверка началась в 8 часов утра и проводилась до 12.30 по предмету Закон Божий, затем с 15 до 16 часов по арифметике и грамматике, а 19 августа с 8 часов до второго часа пополудни по чтению и навыкам письма. Численность учащихся в старшем отделении со-

ставляла 18 человек, в среднем — 22, в младшем — 24, всего — 64⁴⁵, при этом, к сожалению, не указана социальная принадлежность учеников. Результаты успехов по предметам представлены в таблице.

Таблица 3

Уровень знаний учащихся Сургутской казачьей школы в 1844 г.⁴⁶

Отделение	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
старшее	Закон Божий и		хорошие
среднее	Священная история		достаточные
старшее	арифметика		достаточные. Рекомендации: требуется более практических упражнений и умственного вычисления
среднее			достаточные. Рекомендация: надобно более обратить внимание на выговор многочленных чисел
старшее	грамматика	до наречия	посредственные
все отделения	чтение		довольно успешно
младшее	в письме букв на песке		не худо
рассмотрены ответы учащихся в чистописании на бумаге			изрядно

Отметим, что инспектор не указал конкретно, какие разделы проверялись.

При проверке финансовых средств, занесенных в книги на 19 августа, в приходе оказалось 65 руб. 95³/₄ коп., в расходе — 32 руб., в остатке — 33 руб. 95¹/₄ коп. Вывод был следующий: «приход и расход денег по книгам верный, а остаток состоит в наличности». Книг в приходе оказалось на 5 руб. 55³/₄ коп., в расходе — на 2 руб. 44¹/₂ коп., в остатке — 3 руб. 11¹/₄ коп. «Книги приходной библиотеки по приходу и расходу оказались верны, остаток же их состоит налицо, сполна», — заключил Н.А.Абрамов. Фундаментальная библиотека, состоявшая из 39 экземпляров, была также в наличии. В учебных пособиях ощутимого недостатка не было. Архив школы найден в порядке. После осмотра дома, в котором помещалась школа, и мебели в журнале обозрения была сделана запись: «дом крепок, поместителен, но требует исправления и замены изломавшихся стекол в окнах». Учебный процесс осуществляли

два преподавателя: законоучитель священник А.Кайдалов, который был «к должности усерден», и А.Туполев, которому «по недавнему вступлению (04.06.1844 г.) в должность учительскую ... не можно еще дать полной определенной рекомендации по службе, но заметно уже усердие к должности. Поведения очень хорошего»⁴⁷.

26 декабря 1847 г. директор училищ Тобольской губернии Е.М.Качурин в очередной раз прибыл в Сургут. Был осмотрен дом, в котором размещалась школа; он был найден «прочным и поместительным», но требующим «исправления, что зависит от начальства, в ведении коего состоит этот дом»⁴⁸. 29 декабря проходили испытания учеников по Закону Божьему: «оказали успехи», в старшем отделении из пространного Катехизиса до 6-й заповеди, с средним — до 4-го члена Символа веры: «не совсем удовлетворительно, по недавнему вступлению законоучителя в исправление своей должности»⁴⁹. Особо был отмечен исправляющий должность учителя Сургутской казачьей школы А.А.Туполев. Он как выходец из казачьего сословия был рекомендован к производству в урядники за четырехлетнюю «усердную службу его по учебному ведомству в таком учебном заведении, которое по отдаленности края не могло бы приносить значительной пользы без особенного содействия и старания служащих»⁵⁰. Председатель губернского правления исполнил ходатайство, а на А.А.Туполева было сделано представление на имя генерал-губернатора Западной Сибири⁵¹.

Наличие же сведений о проверке обнаруживает их регулярность. На сегодняшний день известно о проверках, состоявшихся в 1837, 1841, 1844, 1847 гг. Их материалы позволяют установить основные факты функционирования этого первого учебного заведения в заштатном г.Сургуте, уточнить численность учащихся, установить штат и его профессиональную подготовку, финансовое и материальное положение учебного заведения.

Следовательно, несмотря на отдаленность, Сургутская казачья школа находилась в сфере внимания чиновников, которые отвечали за развитие сферы образования в Тобольской губернии.

Обнаруженное нами небольшое по объему «Дело о самоубийстве учителя Березовского уездного училища Калмыкова» позволяет внести уточнения в ранее опубликованные сведения⁵², проиллюстрировать отдельные стороны образовательного процесса в

училище, личной жизни учителей, состояния березовского общества в целом. Фамилии и имена, приведенные в документе, дают возможность персонифицировать малоизвестных чиновников этого города, а также выяснить отдельные факты из личной жизни представителя интеллигенции далекой провинции.

В журнале инспекторской проверки училища директором училищ Тобольской губернии в 1837 г. среди обеспечивающих образовательный процесс назван учитель арифметики и геометрии первого приготовительного класса Платон Калмыков, характеризовавшийся при этом как «исправный и способный»⁵³. Обратим внимание на эту лестную оценку молодого педагога. О его чертежных навыках можно судить, например, по составленному им плану главного корпуса дома Н.Струнина⁵⁴ в январе 1843 г., купленного для Березовского училища; П.Калмыкову поручали составлять и формулярные списки (вероятно, это был источник небольшого дополнительного дохода), составлял он и смету на ремонт училища. О творческом складе натуры учителя свидетельствует также обнаруженное после его смерти стихотворение, которое нельзя назвать образцовым, скорее всего, это поэтический опыт и не более того.

В деле находятся донесение в МНП гражданского губернатора М.В.Ладыженского, копия с предсмертного письма П.Калмыкова, объяснение ряда мест из этого письма штатным смотрителем Н.А.Абрамовым, переведенным с должности учителя Тобольского уездного училища на повышение в Березов, и текст стихотворения о неразделенной любви, написанного Калмыковым⁵⁵.

Донесение за № 4126 в столицу было направлено 6 июня. Министр НП информировался о том, что директор училищ Тобольской губернии и березовский городничий дважды, 22 мая и 8 июня, доносили о факте самоубийства 16 мая в 5 часов пополудни учителя арифметики и геометрии Платона Калмыкова, которому было всего 25 лет. Тело было обнаружено на следующий день после трагедии в 6 часов пополудни «на берегу реки Сосьвы в саженьях 50 от Богородской церкви». Накануне самоубийства Калмыков, это подчеркнуто в документе, «без ведома штатного смотрителя отлучился в поле, для стрельяния птиц». После полицейского освидетельствования трупа было сделано заключение, что «выстрел был направлен в самое сердце и жеребий (продолговато вылитый из олова) пробил насквозь и тело и сердце». Главными

причинами рокового поступка назывались «невоздержанность его жизни и накопившиеся на нем долги свыше 1000 руб. ассигнациями, которых он не в состоянии был уплатить».

О том, что П.Калмыков действовал под давлением сложившихся обстоятельств, свидетельствует оставленное им письмо, адресованное городничему Николаю Васильевичу (фамилию выяснить не удалось). Оно было написано в спешке, вероятно, после того как автору стало известно, что на него накануне (15 мая) было подано заявление в полицейское управление о взыскании долга, еще раньше — 29 апреля — аналогичное прошение получил штатный смотритель училища. Мысли путались, П.Калмыков не мог их точно сформулировать, о чем свидетельствуют и многоточия в нескольких местах. По всей видимости, возможные судебные разбирательства и конфискация имущества подтолкнули П.Калмыкова к решению уйти из жизни. Содержанием письма подтверждается предположение о причинах самоубийства — долгах. Об этом свидетельствуют суммы, которые накопились за П.Калмыковым. Так, он был должен казачьему пятидесятнику Буторину 405 руб., мещанину Михаилу Трофимову — 120 руб., купцам Сургутскому — 300 руб. и Шапошникову⁵⁶ — 150 руб. Если принять во внимание, что годовой оклад учителей равнялся 210 руб. 15 коп. серебром⁵⁷ в год, то общая сумма долга значительно превышала годовое жалование учителя. Однако сам автор письма указывал: «причину смерти Вы никогда не найдете». В начале письма выражается уверенность в том, что Буторин и «прочие» «не замедлят явиться» к городничему с просьбами о взыскании долга. Для удовлетворения их требований должник «им в добычу» оставлял свой гардероб, состоявший «из двух пар платья, двух шинелей и охотничий куртки с бродней», больше ничего не было. Отцовского имущества также не осталось, так как оно было «употреблено на воспитание» сына (самого П.Калмыкова. — *В.М.*) или «им самим продано от необходимости». Заботясь о материальном состоянии своей сестры и матери, П.Калмыков просил представителя власти оградить их от домогательств своих займодавцев, так как «сестра и маменька отдадут все даже необходимое для них, если они попросят». Затем автор письма обращается с просьбой относительно места захоронения: «Не кладите меня никуда кроме того места, где была дальняя моя

скамейка, она в лесу, на яру от заручейной церкви»; с советом Н.А.Абрамову «возвысить учителей во мнении общем»; пожеланием учителям Г.И.Ещенкоу и К.А.Мамину «иметь лучшую часть»; далее читаем: «болтунам, хлопущам, сплетникам и сплетницам скажите, что я буду их ожидать в аду». Здесь же дается нелестная, порой оскорбительная характеристика Соколову — помощнику почтмейстера: «слепая животина», «эта свинья или подобная скареда», «невежда». По всей видимости, у П.Калмыкова была серьезная неприязнь к этому господину, который «может смеяться не наказано над любым учителем», «пьет больше всех». Поэтому он готов был вызвать Соколова на дуэль. Следовательно, к главной причине, подтолкнувшей П.Калмыкова к самоубийству, можно добавить уязвленное самолюбие, вызванное оскорблениями и насмешками за его слабости (вероятно, пристрастие к спиртному). В письме упомянуты еще Дмитрий Пермяков — приказчик купца Шапошникова и Дехтерев — лекарский ученик, с которыми погибший был, по всей видимости, в приятельских отношениях, на это указывает тот факт, что они знали, где П.Калмыков любил проводить время, и могли указать, где он желал быть похороненным.

Письмо не только раскрывает трагедию представителя молодого поколения формирующейся интеллигенции, но и показывает стесненные финансовые и материальные возможности детей разночинцев. Об этом свидетельствуют и долги, и бедный гардероб, и отсутствие наследственного имущества и своего жилья (квартировал у купца Шапошникова) у П.Калмыкова, при этом он имел ружье (не ясно, чье оно было). Здесь же указывается и на пороки российской действительности — пристрастие к спиртному, злословие, неуважение к личности. Вспомним указанную выше характеристику учителя, подававшего надежды состояться в своей профессиональной деятельности, а также и пока неизвестную характеристику, данную ему же по итогам проверки, проводившейся в 1841 г. Тогда о нем в журнале было записано: «к службе имеет способности»⁵⁸. Из документов видно, что свободное время П.Калмыков проводил без особого разнообразия (с учетом городской действительности): охота, уединение на скамейках на берегу реки, стихосложение и, по всей видимости, развлечения в компании. При предыдущем смотрителе училища Боголюбове он вместе

с Ещенковым были «замечены в дурном поведении и нерадении к должности, а Калмыков сверх того в нетрезвости и связи с людьми неодобрительного поведения». Справедливости ради отмечалось, что эти учителя при Н.А.Абрамове «начали исправляться в поведении и вследствие этого заслуживать доброе мнение благомыслящих людей и родителей учащихся».

Таким образом, материалы дела, до сих пор не привлекавшие внимание исследователей (о трагедии нет даже упоминаний ни в одном отчете), восполняют важные страницы не только самого училища, но и жизни всего г.Березова в первой половине 1840-х гг.

Несмотря на отдаленность от губернского центра, инспекторские проверки училища проводились регулярно, например, в 1837, 1841, 1844, 1847, 1851, 1852 гг. Итоги первой и шестой уже были предметом анализа⁵⁹, некоторые сведения о преподавании и обучении можно почерпнуть из книги Н.А.Миненко⁶⁰ и монографии В.В. и О.П.Цысь, которые привлекли для этой цели фрагменты «ведомости об успехах и поведении учеников Березовского училища», составленной за 1845/46 учебный год штатным смотрителем Н.А.Абрамовым⁶¹. В 1848 г. во время пастырской поездки по епархии архиепископа Тобольского и Сибирского Георгия (Ящуржинского) последний посетил г.Березов и проверил знание учениками Закона Божия и молитв⁶². По всей видимости, это не была специальная проверка, она входила в программу пастырского объезда высокопреосвященного архипастыря.

Сейчас имеется возможность привлечь аналогичные сведения по результатам инспекционной поездки директоров училищ Тобольской губернии Евгения Кочурина (в декабре 1841 г., в 1844 и 1847 гг.) и надворного советника Порфирия Матвеевича Чигиренцова (в декабре 1851 г.). Это еще две известные нам проверки губернских чиновников. Примечательно, что все проверки проходили во второй половине декабря. По всей видимости, это время специально выбиралось ввиду удобства объезда отдаленных учебных заведений.

По итогам инспекционной проверки, проведенной в декабре 1841 г., сведения, занесенные в журналы, были обобщены. Особо выделялись проблемы, о которых стало известно гражданскому губернатору Ладыженскому, направившему донесение в МНП в феврале 1842 г. за № 1095. Он информировал министра о результатах

проверки и принятых мерах по устранению выявленных «неустройств» в Березовском уездном училище и Сургутской казачьей школе.

Директор училищ Тобольской губернии камер-господин Евгений Качурин прибыл в Березов 18 декабря в 8 часов утра и сразу начал проводить испытания учеников, которые окончились 13 часов. В глаза бросилось «отсутствие у мальчиков внимания к приличному внешнему виду». В журнале проверки по этому поводу записано: «сим свидетельствую, что на внешний порядок мальчиков к приличию мало обращено старания»⁶³. Испытания 19 декабря проводились также с 8 до 13 часов по арифметике у учеников 2 и 3 отделений приготовительного класса, 20 декабря были просмотрены прописи и рисунки, а также прошнурованные книги о финансовых и материальных средствах. Денежные суммы были все налицо в сумме 786 руб. 86 1/7 коп. в расчете на серебро и билетами 1521 руб. 42 4/7 коп.⁶⁴, хранились они, как и прежде, в окружном казначействе. Продажная библиотека на сумму 53 руб. 48 5/7 коп. находилась в целости. Инспектирующий особо отметил, что «старый училищный дом вообще не годен к помещению, а потому непременно нужно ускорить перемещение во вновь купленный дом». В качестве рекомендации высказано пожелание об улучшении фундаментальной библиотеки, классной мебели и учебных пособий.

Таблица 4

Численный состав и социальная принадлежность учащихся Березовского уездного училища на 18 декабря 1841 г.⁶⁵

Класс	Социальная принадлежность учеников					Всего
	Из благородных	Из мещан	Казачьих	Канцелярских служителей	Из крестьян	
первый	2	2	4			8
второй	1	1	1		1	4
первое отделение приготовительного класса	1	1	8			10
второе и третье отделения приготовительного класса	3	2	8	1	1	15
Итого	7	6	21	1	2	37

Есть возможность сравнить численный и социальный состав учащихся Березовского уездного училища с другими подобными учебными заведениями губернии за 1834/35 учебный год (табл. 5).

В Курганском училище в графу крестьян внесены и поселенцы, в графу «из казаков» включены и выходцы из почталыонов, в Тобольском Богоявленском училище и Тобольской губернской гимназии указаны по одному незаконнорожденному, в Курганском уездном указаны еще 4 ученика из переселенцев, в Березовском во втором полугодии прибавился ясачный. Следовательно, социальный состав был довольно пестрым, при этом указывалась, скорее всего, не социальная принадлежность, а социальное положение и профессиональная деятельность родителей. Последние позволяют судить о наличии в населенных пунктах инфраструктуры в виде почт, аптек, медицинских учреждений, канцелярий, воспитательных домов. Можно судить и о смягчении нравов по отношению к незаконнорожденным детям. Примечательно, что в ряде учебных заведений сведения указаны за два полугодия, что позволяет проследить численность учащихся в динамике. Цифры указывают на значительное (на 15 учеников) увеличение в Тобольском приходском Богоявленском училище во втором полугодии, а в Тобольском уездном училище уменьшение на 26. Таким образом, общее количество учащихся мы не указываем, поскольку цифры непостоянны в течение года, по ряду заведений они представлены за два полугодия. Но они свидетельствуют об общей картине по губернии.

Образовательный процесс обеспечивали штатный смотритель коллежский секретарь Боголюбов, который «к должности не благонадежен, по нетрезвому поведению, невнимательности к своей обязанности и совершенной нераспорядительности». Вскоре он был уволен. Должность законоучителя занимал протоиерей Г. Заборовский⁶⁸, о котором сказано: «к службе оказывает усердие и ведет себя очень хорошо». Учитель грамматики Г. Ещенко «по должности, хоть не всегда, в сем замечен исполнительным, но подает надежду к исправлению». О П. Калмыкове — учителя арифметики и геометрии — говорится, что «к службе имеет способности», такая же характеристика дана и учителю истории и географии К. Мамину: «поведения хорошего и к должности усерден»⁶⁹.

Это была первая нам известная инспекторская проверка, когда в ходе ее проверяющий уволил смотрителя училища (данное решение свидетельствует о больших полномочиях инспектирующего), что и ускорило, вероятно, подбор новой кандидатуры. Новым смотрителем вскоре, с 15 февраля, и стал Н.А.Абрамов, зарекомендовавший к этому времени себя как разносторонний преподаватель. Об этом свидетельствуют его познания в латинском, греческом, татарском языках, русской грамматике, арифметике, истории, географии. Большинство перечисленных предметов он преподавал в Тобольске. С Н.А.Абрамовым в училище стали происходить положительные перемены: с 25 июня 1842 г. оно переехало в новое здание, был открыт еще один класс, увеличилось количество учеников, например, уже в 1844/45 учебном году в училище насчитывалось 105 учеников. Важным начинанием следует считать привлечение к учебе детей инородцев⁷⁰, создание библиотеки. Сам Н.А.Абрамов активно занимался, кроме своих служебных обязанностей, историческим краеведением, архивными поисками.

Руководствуясь § 175 Устава учебных заведений от 8 декабря 1828 г. его высокочтимый господин директор училищ Тобольской губернии коллежский советник и кавалер Е.М.Качурин проводил в декабре 1844 г. обозрение Березовского училища. В город он прибыл 11 декабря, в начале 9 утра. Численность учащихся училища на тот момент составляла всего 102 человека, в том числе в 1 классе — 24, во втором — 12, в третьем — 16, в приготовительном — 50. Испытания проходили 11 декабря по Закону Божьему в первом и втором классах, 12 декабря по арифметике в первом классе, 13 декабря по русскому языку в первом, втором и третьем классах, 14 — по географии в первом, по географии и всеобщей истории — во втором, по русской истории, всеобщей географии — в третьем классах.

Таблица 5

**Численный и социальный состав учащихся уездных и других училищ
Тобольской губернии за 1834/35 учебный год⁶⁶**

Название учебного заведения	Социальный состав													
	штаб и обер-офицеров	служащих воспитательных домов	из купцов	почтальонов	приказных	служащих аптечных	канцелярских служащих	из духовных	из мещан	крестьян	из дворовых	казаков	медицинских	всего
Березовское первое /второе полугодие	9/9							4/5	3/2	2/2		26/27		44/46
Тарское первое/второе полугодие	10/10								32/32	5/4		1/1		49/47
Ишимское первое/второе полугодие	15/15								11/13	4/2				30/35
Курганское первое/второе полугодие	8/8		2/3	-/1	-/1			2/2	9/18	14/10	1/-	2/2	2/2	40/40
Ялуторовское первое/второе полугодие	13/13		1/3					2/-	18/17	16/18				50/52
Туринское уездное первое/второе полугодие	8/8			1/1			1/1		14/12	15/8		3/3		42/33
Туринское Крестовоздвиженское приходское первое/второе полугодие	2/2			1/1				2/3	34/34	7/9	1/-	2/3		49/60
Тюменское уездное первое/второе полугодие	6/7		6/5				-/1	1/-	44/38	13/13		7/6		77/70
Тюменское приходское первое/второе полугодие	6/5		-/2		-/2			2/2	50/63	14/14		1/1		73/85
Тобольское приходское Богоявленское первое /второе полугодие	8/10	2/-	7/7	6/8	1/1	2/3		1/1	47/54	10/12	3/2	5/7		93/108
Тобольское приходское Богородице-Рождественское первое/второе полугодие	6/7	4/-				3/5			2/2	5/7	1/-			21/24
Тобольское уездное училище первое /второе полугодие	34/32	9/4		13/2	2/2			1/-	30/29	10/6	6/6	9/7		114/88
Тобольская губернская гимназия	32		1			1			1	1				37

Таблица 6

Уровень знаний учащихся подготовительного класса Березовского уездного училища в 1841 г.⁶⁷

Отделение/класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки и рекомендации
Первый	Закон Божий	из краткого Катехизиса с начала до молитвы Господней	успехи отчасти удовлетворительные, но при ответах namного было больше механического изучения, без достаточного сознания смысла изучаемого
	русский язык	с начала до глаголов	отчасти изрядно
	арифметика	до конца первой части	в практических упражнениях показали успехи изрядные
Второй	из Священной истории	до Пророков	успехи отчасти удовлетворительные, но при ответах namного было больше механического изучения, без достаточного сознания смысла изучаемого
Второй	русский язык	из второй части до знаков препинания	отчасти изрядно
	арифметика	до обращения простых дробей в десятичные и обратно	в упражнениях показали успехи изрядные
Первое подготовительного класса	Закон Божий	пространный Катехизис до 3 го члена Символа веры	успехи отчасти удовлетворительные
	из Священной истории	до заповедей Даниловых	успехи отчасти удовлетворительные
	из краткого Катехизиса	с начала до конца	успехи отчасти удовлетворительные
Второе и третье отделения подготовительного класса	чтение по книгам и таблицам церковной и гражданской печати		ланкастерской методики не было, как должно наблюдаемо, отчего и успехи очень медленные
Просмотрены прописи и рисунки			в рисовании успехи очень посредственные, а в письме недостаточные

Таблица 7

Уровень знаний учащихся приготовительного класса Березовского уездного училища в 1844 г.⁷¹

Отделение/класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки и рекомендации
первый	краткая Священная история	до царей Израильских	в буквальном изучении предмета старание видно, но желательно более успехов в объяснении изучаемого своими словами
второй		из пространного Катехизиса с начала до 3-го члена Символа веры	
третий		из пространного Катехизиса с начала второй части до 3-й заповеди Божьей	
первый	арифметика	до сложения именованных чисел	успехи очень удовлетворительны
второй		вторая часть с начала до деления дробных именованных чисел	
третий		с отношений до сложного тройного правила и о извлечении квадратных и кубических корней	
третий	геометрия	с начала до пропорциональных линий и подобных фигур	
первый	русский язык	с начала до глаголов	
второй		словосочинение до составления периодов и знаков препинания и в практическом упражнении, относящиеся до этой части грамматики	
третий		в практических упражнениях по всем частям грамматики	
первый	география	с обозрения математической, физической и политической географии	
второй	всеобщая история	древние века	

второй	всеобщая география	о южных и северо-западных государствах Европы	
третий	русская история	с начала до княжения Ивана III Васильевича	
третий	всеобщая география	с начала Азии, Китая, из Российского землеописания с начала до Томской области	
просмотрены опыты учеников в рисовании, черчению и чистописании	изрядно, а в чистописании желательнее лучших успехов		
приготовительный	краткая Священная история	из краткого Катехизиса с начала до десяти заповедей	отвечали не основательно. Ученики не довольно приучены к порядку и ланкастерской системе
	арифметика	с начала до умножения отвлеченных чисел	успехи посредственные
	чтение по книгам церковной и гражданской печати		читают изрядно
	чистописание		успехи посредственные и не введено единообразия в конспектах по чистописанию
младшее	чтение по таблицам взаимного обучения		читают сбивчиво и без соблюдения порядка

Все ученики были «в порядке, соответствующем местности», во время испытаний показали знания, представленные в таблице 6.

Проверка знаний проходила в первой половине дня, во второй же проверялись обеспечивающие учебный процесс службы. Например, 12 декабря проверяющий посетил дом мещанина М.Панаева, где знакомился с содержанием и условиями проживания инородческих мальчиков⁷². Были осмотрены комната, где они проживали, белье, платье, обувь, приготовленная пища и высказана мысль, что «первоначальное устройство в содержании инородческих мальчиков подает надежду к достижению почтительной цели, правительством предложенной». Смотрителю училища вменено в «непременную обязанность иметь ближайшее наблюдение за ходом этого дела»⁷³. 16 декабря были просмотрены приходно-расходные книги. Финансовые средства состояли из штатных, которых было 341 руб. 15³/₄ коп. серебром, деньги, как и прежде, хранились в окружном казначействе и экономических: наличными — 145 руб. 82 коп., билетами — 2271 руб. 42¹/₂ коп., переходящих — 9 руб. 14 коп., пожертвований — 45 коп., итого 2764 руб. 99¹/₄ коп. Продажных книг в наличности оказалось на 27 руб. 32³/₄ коп. Библиотека состояла из 343 номеров разных сочинений в 568 переплетах, учебных пособий было 36 номеров. Таким образом, фундаментальная библиотека была найдена «в примерном порядке», а «учебные пособия в исправности». При осмотре училищного дома с принадлежащими ему строениями было отмечено, что он «очень поместителен, но требует необходимых исправлений», было дано поручение «составить примерные исчисления по урочному положению». Остальное имущество училища, занесенное в описи, состояло из 81 предмета, все они содержались «в должной исправности». Архив также был в «прилежном порядке».

Штат учителей состоял из шести человек. Это смотритель коллежский секретарь Н.А.Абрамов (которому была дана следующая характеристика: «отлично усерден и весьма полезен для службы»), законоучитель протоиерей И.Заборовский (он был «по должности старателен и всегда исправен»), учитель русского языка губернский секретарь Г.Ещенков («к службе оказывал должное усердие»). Учитель истории и географии К.Мамин свои обязанности «исполнял заботливо, и с надлежащим знанием», характеризовался положительно: «способен и усерден». Об учителе арифметики и геометрии

А.Лабунском сложилось мнение как о «способном и очень усердном». Назначенному учителем приготовительного класса М.Ямзину с 3 августа 1844 г. было рекомендовано разнообразить «способы преподавания», отмечалось, что «усерден»⁷⁴. (К тому же он был выпускником этого же училища, и было ему всего 17 лет).

Итоги проверки, проходившей по сложившемуся плану, зафиксировали конкретные события и фактическое состояние дел. Эта проверка отличалась своей продолжительностью — 6 дней (обычно проверка занимала 2—3 дня), появился и новый объект для инспекции — дом М.Панаева, где жили мальчики из инородцев, обучающиеся в училище.

17 января 1848 г. в подписанном за губернатора председателем губернского правления в департамент МНП были представлены журналы, составленные директором училищ Тобольской губернии во время инспекторской проверки Березовского уездного училища и Сургутской казачьей школы, проведенной в декабре 1847 г. Как и предыдущие проверки, она началась 15 декабря утром, после прибытия Е.М.Качурина в город, была продолжена 16 декабря с утра и после перерыва до 2 часов, 17 декабря — с 8 до 15 часов, также с перерывом, и закончилась 18 декабря. В результате проверки было зафиксировано 100 учеников (в документе указано 90, что является опечаткой), в том числе в 1 классе — 23, во втором — 13, в третьем — 19, приготовительном — 45.

Таблица 8

Уровень знаний учащихся Березовского уездного училища в 1847 г.⁷⁵

Отделение/класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки и рекомендации
	Закон Божий		очень хорошо
	русский язык		очень ответливые ответы и виден был практический способ преподавания с устранением механического заучивания
	арифметика и геометрия		очень удовлетворительно и особенно в решении задач
	история и география		в истории доведены до рассказа своими словами, а в географии довольно хорошо уже ознакомлены с местностью по ландкартам и глобусам

	проверены были опыты учеников в рисовании, черчении, чистописании		в рисовании успехи порядочные, в черчении нужно непременно ввести в объяснение правил по руководству Франкера ⁷⁶ , а в письме успехи не совсем удовлетворительные от излишней произвольности, не согласной с образцами в прописях
приготовительный класс	чтение по таблицам взаимного обучения и книгам		обучаются по методу Ланкастера с соблюдением порядка, сколько помещение позволяет. Читают порознь правильно, а в совокупности довольно стройно и не сбивчиво
	из краткого Катехизиса		первоначальные знания удовлетворительны
	арифметика	из 1 части	очень достаточные, но только в нумерации нужно устранить сбивчивость, происходящую от торопливости, ровно и в писании цифр, замечена небрежность, чего отнюдь не должно допускать при первоначальном обучении
	чистописание		изрядные (некоторые)

Как видно из таблицы, проверяющий не указал классы и разделы предметов, по которым контролировались знания. Обычно это являлось неотъемлемой частью записей в журнале проверки. Кроме того, определенным новшеством следует признать не лаконичную оценку учеников, а довольно развернутые комментарии. Впервые указана методика преподавания черчения по Л.Франкеру.

Проверка материальных и финансовых средств не выявила нарушений, кроме того, было отмечено, что «приходно-расходные книги, училищные пособия и все училищные вещи, сохранившиеся от пожара, найдены в надлежащем порядке». Наличные деньги в сумме 715 руб. 23 коп. и билетами на сумму 1764 руб. 28½ коп., хранящиеся в окружном казначействе, были в целости. Учебных книг было на сумму 16 руб. 48 коп. Продажная библиотека находилась в сохранности, фундаментальная библиотека состояла из 45 названий в 90 томах. В качестве рекомендации было указано на пополнение разрозненных экземпляров. Классные

учебные пособия, оставшиеся в количестве 12 номеров, предлагалось пополнить путем выписки новых. Училищное имущество, записанное в описи № 17, «нужно пополнять постепенно обновлением», при этом опись необходимо начать новую «по установленной форме». Архив, как было отмечено, хранил «деловые бумаги с 1818 по 46 г., был в порядке, за исключением дел, погибших в огне, за 1846 г. и за 1 полугодие 1847 г.». Обращено было внимание на возможность восстановления утраченных сведений из «отчетов, доставленных в дирекцию». Учитывая печальный опыт, было рекомендовано, что вновь составленные описи должны храниться, как и остальной архив, в особых шкафах.

Проверяющий осмотрел дом, нанятый для помещения училища после пожара. Временно оно разместилось в квартире, которая была «довольно тесной», «за невозможностью отыскать в городе другого дома на этот предмет более удобного». Затем посетили дом мещанина Панаева, где помещались 6 инородческих детей — 1 самоед и 5 остяков. То есть с 1844 г., когда было взято на обучение 10 учеников из представителей местных народов, через 3 года четверо убыло. В журнале осмотра записано: «инородческие мальчики пользуются заботливостью содержателя Панаева. Сверх трехлетнего срока, на который он обязывался для окончания их воспитания, что и заслуживает признательности. Тем более что мещанин Панаев изъявляет готовность и на дальнейшие подобные благотворения»⁷⁷.

Побывали на месте сгоревшего дома, осмотрели место для строительства предполагавшегося нового. По этому вопросу в журнале обзора содержится довольно обширная запись: «Для устранения затруднений в помещении училища признается необходимым постройку нового дома на училищном же месте, и для сего было бы полезно купить недостроенный дом мещанина Голенецкого, уступаемый им за 350 руб. серебром, вместе с местом, прежде заготовленным, и перенести это строение на место, принадлежащее училищу. О чем поручено смотрителю составить подробные соображения и представить в дирекцию»⁷⁸. Таким образом, инспектирующий высказался за ускорение устройства Березовского училища после пожара. При этом важно отметить, что Е.М.Качурин «поставил на начальственное внимание» усердную службу штатного смотрителя Н.А.Абрамова и «успешность преподавателей Березовского

училища». Среди них названы учитель русского языка коллежский секретарь Д.Я.Русаков («по хорошему способу преподавания и усердию к службе очень одобряется»), учитель истории и географии губернский секретарь К.А.Мамин («к службе усерден и довольно успешен»). Об учителе приготовительного класса уряднике Михаиле Ямзине было сказано: «в исполнении обязанностей по училищу исправен и в поведении одобряется»⁷⁹.

Дополнительные сведения обнаружены и об известном пожаре в уездном Березовском училище в 1847 г. Эти сведения позволяют определить точное время пожара, размеры утраченного имущества и другие подробности. Дело о пожаре «О сгоревшем доме и казенном имуществе Березовского уездного училища и о найме дома Буторина для помещения означенного училища» начато 27 августа, окончено 17 сентября 1847 г. 1 августа этого же года начальник Тобольской губернии доносил Министру народного просвещения (на полях документа имеется карандашная помета: «в доклад») о том, что Березовское уездное училище, которое помещалось в одноэтажном деревянном доме, сгорело. Библиотека его состояла из 398 сочинений, а количество учеников на 12 января 1847 г. составляло 94⁸⁰. Кроме этих общих сведений, в документе говорится о полученном донесении Березовского городничего от 18 июля, в котором он информировал начальство губернии о происшествии, случившемся в ночь с 15 на 16 июля⁸¹: в начале второго часа, в результате пожара, продолжавшегося всего 1,5 часа, сгорел дом, в котором располагалось «училище с библиотекой и со всем почти казенным имуществом». Сумму ущерба «по краткости времени городничий объяснить не мог»⁸². В свою очередь генерал-губернатор Западной Сибири П.Д.Горчаков 16 августа 1847 г. также информировал министра народного просвещения С.С.Уварова о пожаре, «истребившем» здание училища, и дал разрешение Тобольскому гражданскому губернатору нанять для помещения учебного заведения «на 2 года дом отставного сотника Буторина с платою ему по 375 руб. ассигнациями из штатной суммы». На документе читаем резолюцию: «Надобно одобрить. Распоряжение по штату испросить 1000 руб.»⁸³. Министр граф Уваров вскоре подписал документ, где «одобрял данное» распоряжение, о чем и информировался генерал-губернатор Западной Сибири⁸⁴.

В очередном отношении Тобольский гражданский губернатор от 29 августа в МНП сообщал: «в дополнение донесения моего от 1 сего августа за № 6272 имею честь довести до сведения Вашего Сиятельства, что штатный смотритель Березовского училища на запрос тамошнего городничего, на какую сумму потерпело убытку училище, равно и сам он понес разорение от пожара, случившегося на 16 число июня, уведомил, что за сгорением описей убыток, понесенный училищем, точно означить нельзя, но приблизительно можно полагать оный не менее как на 2 тысячи 300 руб. серебром. Присовокупляя, что при собрании имущества и поверке в последнее время оказалось, что самая большая часть как казенного движимого имущества, так и учебных пособий от пожара сохранено. Сам же он Абрамов потерпел разорение на сумму до 150 руб. серебром. Подписи: Губернатор, управляющий отделением Григорий Колмогоров»⁸⁵.

Приведенные сведения достоверно свидетельствуют о времени пожара, ущербе, нанесенном училищу и его штатному смотрителю, о процедуре принятия решения о найме нового здания под учебное заведение. Начало исправления должности Н.А.Абрамовым началось с трагического случая с учителем П.Калмаковым и заканчивалось масштабным пожаром. Однако на его репутации, профессиональных и деловых качествах, просветительской деятельности в Березовском крае эти происшествия не отразились. При нем начинается привлечение к обучению детей инородцев. Вскоре он пойдет дальше по служебной лестнице на ниве образования.

Как свидетельствует составленный по итогам проверки журнал, проверка началась 17 декабря 1851 г., когда после краткого знакомства с училищем в целом, Н.А.Абрамов приступил к испытанию учеников приговорительного класса, которых было 22 человека, и все «найденны были в порядке».

Таблица 9

**Уровень знаний учащихся приговорительного класса
Березовского училища в 1851 г.⁸⁶**

Отделение	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
младшее	Закон Божий	знание молитв	важнейшие молитвы знают
	чтение совокупно и порознь		читают порядочно
	арифметика	счисление целых чисел от 1 до 1000	считают хорошо
	письмо букв и слогов		пишут изрядно
старшее	церковная история	краткий Катехизис о 12 членах Символах веры	на испытании отвечали с достаточным успехом
	арифметика	сложение и вычитание простых целых чисел	порядочно
	чтение	по таблицам и книгам церковной и гражданской печати	высказана рекомендация: необходимо учителю обратить на этот предмет полное внимание
просмотрены прописи учеников			пишут изрядно

В следующие дни, т.е. 18 (Закон Божий и русский язык во всех 3-х классах), 19 (арифметика, геометрия, география) и 20 (древняя история, русская история) декабря, проверка была продолжена среди учеников трех классов, общая численность которых составляла 33 человека, в том числе в первом — 14, во втором — 12, в третьем — 7. Сравнение этих цифр с численностью учащихся на декабрь следующего года, показывает, что в первый класс поступило 14 учеников, во втором осталось 12 (должно быть 14, вероятно, двое по каким-то причинам выбыли), в третьем также произошло уменьшение на 2 человека. При этом можно констатировать определенную стабильность в численности учеников.

Таблица 10

Уровень знаний учащихся Березовского училища в 1851 г.⁸⁷

Класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
первый	Закон Божий	во всей Священной истории Ветхого Завета	хорошо
второй		об откровении Божьем и о 1, 2, 3 и 4 членах Символа веры	хорошо
третий		о надежде Христианской и о заповедях блаженства	хорошо, молитвы знают и обязанность исполнений неукоснительно соблюдают
первый	русский язык	словообразование имен существительных и причастий	с достаточным успехом
второй		словосочинение и согласование, управление слов	хорошо
третий		о подробном грамматическом разборе слов по предложениям и периодам	весьма хорошо
первый	арифметика	сложение, вычитание и умножение именованных чисел	изрядно
второй		в четырех действиях с простым дроблением	слабо
третий		в разрешении задач на правила тройные и товарищества	слабо
третий	геометрия	линии, углы, треугольники и многоугольники	неудовлетворительно
первый	география	горизонт, страны света, происхождение воды, суши и географические термины	удовлетворительно
второй		политическое состояние Англии, Франции, Испании с Португалией, Дании, Австрийской империи и Швеции с Норвегией	с достаточными успехами
третий		основание Российской империи, ее постепенное распространение и собственно о губерниях Европейской России и лежащих на севере, западе и о средних губерниях	порядочно. Рекомендация: необходимо учеников более знакомить с географическими картами

второй	древняя история	азиатские и африканские народы, Персидское государство, Греция, Македонская и Римская монархия до истории Средних веков	изрядно, но слишком буквально
третий	русская история	с основания Руси до Московского государства и Великого княжества Литовского	удовлетворительно
первый, второй, третий	просмотрены прописи, чертежи и рисунки		пишут, чертят и рисуют хорошо

Как свидетельствуют данные таблицы, программы по всем предметам были не только насыщенными, но и довольно сложными.

Проведенная сверка финансовых средств (наличными — 236 руб. 44 коп., в билетах — 2264 руб. 28½ коп.) показала их сохранность, хранились они в Окружном казначействе. Сравнивая финансовое состояние со следующим годом, следует отметить значительное уменьшение наличных средств до 61 руб. 56¾ коп., что касается средств по билетам, они не изменились. Именно эти средства будут использованы и составят более половины суммы при покупке нового здания для училищ у Булыгина. Фундаментальная библиотека состояла из 536 номеров в 1 010 томах, а продажная — из 100 экземпляров на 20 руб. 91 коп. По сравнению со следующей проверкой, проходившей в 1852 г., состояние библиотеки практически не изменилось. Продажная часть сократилась на один экземпляр, но стоимость ее выросла на 2 руб. 56 коп., фундаментальная увеличилась на 5 номеров, но общее количество на 17 томов. Учебные пособия насчитывали 24 номера, рекомендовалось их увеличить, но, как показала следующая проверка, год спустя это пожелание было повторено снова, поскольку не было выполнено.

Имущество и архив проверяющий нашел в порядке. Были осмотрены здания, оставшиеся после пожара, их после приобретения нового здания решили продать.

Преподавательский состав представлен был П.А.Лукиным, В.Ф.Тверитиным, Г.К.Засурским, А.Л.Ярцевым, А.И.Афониным. Штатный смотритель титулярный советник П.А.Лукин, назначенный на должность 24 февраля 1851 г., до этого был учителем

арифметики и геометрии Тюменского уездного училища; П.А.Лукина характеризовали как «способного, усердного к обязанностям, употреблявшим меры к тому, чтобы привлечь в училище детей остоятских и самоедских и вообще обращавшего внимание на распространение грамоты между инородцами». Законоучителем являлся благочинный священник В.Ф.Тверитин, который «исполнял свои обязанности с пользой для учащихся». У учителя арифметики и геометрии Г.К.Засурского отмечено такое качество, как «обязательность», он «приложил большое старание к своей должности и усовершенствованию себя в способах преподавания», чего он «может легко достичь при внимательном исполнении наставлений господина смотрителя, знающего этот предмет основательно». Заметим, что П.А.Лукину не было 40 лет, а Г.К.Засурскому — всего 24 года, он недавно окончил Тобольскую гимназию. Об учителе русского языка А.Л.Ярцеве было сказано: «усерден и старателен», а учитель приготовительного класса А.И.Афонин удостоился порицания, и ему вменено в обязанности «неукоснительно занимать должность и обратить полное внимание на правильное чтение и письмо»⁸⁸.

В завершение проверяющий посетил Березовскую школу для девиц, в которой обучалось 8 учениц, также прошедших испытания. Они показали следующие успехи: «в началах христианского учения — хорошо», в «начальном освоении грамматики и арифметики — удовлетворительно», в «чтении — читают хорошо», «важнейшие молитвы знают», «пишут изрядно». В школе учительницей была Елена Прокопьевна Козлова, о которой проверяющий в журнале записал: «при хорошей нравственности, весьма полезна для школы». Ученицы, приветствуя высокого губернского гостя, поднесли директору училищ «собственные их изделия в вышивании по полотну коленкору», на что он заметил учительнице: желательно, чтобы «ученицы приучались к шитью белья и вещей, необходимых для домашнего обихода»⁸⁹. При инспекции в следующем году эту рекомендацию с удовлетворением увидели выполненной, и в журнале была сделана следующая запись: навыки в рукоделии отвечают «потребностям домашнего быта»; количество учениц оставалось прежним⁹⁰.

Заметим, что у Березовского уездного училища часто возникали проблемы с помещением. С момента открытия оно размещалось в

пожертвованном Березовским обществом доме, затем был куплен дом Н.Струмилина, который отвечал все возрастающим требованиям, но он в 1847 г. сгорел. После пожара был приобретен новый дом Булыгина, куда училище переехало, по всей видимости, в августе 1852 г. В.В. и О.П.Цысь относят перемещение в новое здание к маю 1853 г.⁹¹ Для подтверждения нашей точки зрения сошлемся на то, что поскольку у Булыгина в Березове не было других квартир, он ставил условие после продажи дома остаться в нем до августа 1852 г.⁹² Во время инспекционной поездки в декабре 1852 г. генерал-губернатора по Березовскому краю сопровождал и директор училищ Тобольской губернии П.М.Чигиринцов. Именно в это время и проводилась проверка учеников, иногда сам начальник губернии задавал им вопросы. Надо полагать, ему показали уже новое здание училища. Оно прослужило до 1860 г., когда было возбуждено ходатайство о его ремонте. Эта страница в истории училища остается до сих пор не известной. Обнаруженные архивные материалы (дело «Об исправлении в доме Березовского уездного приходского училища и о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища. Началось 1 сентября 1860 года, окончено 11 марта 1863», которое хранится в РГИА) позволяют устранить этот пробел. 27 августа 1860 г. Управление гражданскими учебными заведениями Главного управления Западной Сибири (находившееся в Омске) направило министру народного просвещения отношение за № 352 (оно поступило по месту назначения уже 16 сентября и было зарегистрировано под № 5941). В документе отмечалось, что директор училищ Тобольской губернии в ходатайстве от 18 июля просит разрешения о направлении 725 руб. 46¼ коп. серебром из экономической суммы Березовского училища на «исправление комнаты в Березовском уездном и приходском училищах». Генерал-губернатор Западной Сибири уверял министра, что такое финансирование «совершенно необходимо» (смета была приложена к документу), и просил об ассигновании средств, состоявших в «билете Московского Опекунского Совета в количестве 1000 руб.», который и был отправлен в департамент МНП⁹³. Вскоре (30 сентября) за подписью Е.П.Ковалевского (он занимал должность министра с 1858 по 1861 гг.) в Омск был направлен ответ, где давалось согласие на использование просимой суммы для ремонта «на законном

основании с торгов, а в случае безуспешности или невыгодности оных — хозяйственным способом». При этом сообщалось, что министр финансов⁹⁴ поставлен в известность и дал соответствующее поручение «об отпуске исчисленных по смете» средств в ведение штатного смотрителя училища из Окружного казначейства⁹⁵.

Показательно в этом отношении взаимодействие ведомств империи по таким, казалось бы, маловажным вопросам, как выделение средств на ремонт комнаты в уездном училище в далеком сибирском городке. Переписка позволяет понять порядок этих связей как по горизонтали (между министерствами), так и по вертикали (между центральными учреждениями и местными — губернскими). На просьбу Е.П.Ковалевского от 26 октября 1860 г. информировать его по существу дела был получен от главы финансового ведомства ответ 15 ноября⁹⁶. На этом этапе подключается новое учреждение — Государственное казначейство, куда направлено письмо следующего содержания: «Министерство Народного Просвещения. Департамент. Отделение 2. Стол 1. 12 декабря. 1860 года. № 7992. В Департамент Государственного Казначейства. В отношении от 26 октября за № 7120 г. Министр Народного Просвещения просил г. Министра Финансов сделать распоряжение об отпуске на возведение пристройки к дому Троицкосавского уездного училища и на исправление в здании Березовских уездного и приходского училищ в ведение штатных смотрителей сих заведений из местных Окружных Казначейств: а) на Троицкосавское училище 4500 руб. из 120 000 руб., оставленных в Главном Казначействе для удовлетворения безотлагательных расходов по Министерству и б) на Березовское: 628 руб. 15 коп. из той же суммы и 97 руб. 31½ коп из 30 000 руб., назначенных на починки и постройки училищных зданий в текущем году, итого: 725 руб. 46½ коп., а всего 5 225 руб. 46½ коп. серебром». Вскоре был получен ответ: «На сие г. Д[ействительный] Т[айный] С[оветник] Княжевич (Александр Максимович — министр финансов империи с 23 марта 1858 г. по 23 января 1862 г. — В.М.) от 15 текущего ноября за № 6904 отозвался, что Иркутской и Тобольской Казенным Палатам поручено отпустить на училища: Троицкосавское — 4 500 руб. и Березовское 628 руб. 15 коп., всего 5 128 руб. 15 коп., и что деньги эти отнесены расходом на счет 6581 руб. 79 коп., остающихся от вышеозначенных 120 000 руб.

серебром; так как из сего отзыва не видно, сделано ли со стороны Министерства финансов распоряжение об отпуске потребных на исправления здания Березовских училищ из 30 000 руб., назначенных на строительные надобности МНП, то департамент МНП имеет честь покорнейше просить департамент Государственного Казначейства не оставить об этом уведомлением»⁹⁷.

Следовательно, текущие проблемы, возникавшие в Березовском училище, решались своевременно, в том числе с приобретением домов под училище и с их ремонтом. Губернские власти понимали значимость одного из самых больших уездных училищ в деле распространения грамотности и просвещения среди инородцев.

Вопросы развития образования в Тобольской губернии, особенно северной ее части, остаются еще не вполне изученными. Это касается истории Березовского уездного училища и Сургутской казачьей школы. Недостаточно исследованы вопросы, связанные с привлечением инородцев к обучению. Представляет интерес и судьба учителей, законоучителей, тех, кто не жалел своих усилий на развитие образования в крае.

Примечания

¹ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2006. Ч. 1; 2007. Ч. 2; 2008. Ч. 3; 2009. Ч. 4; 2010. Ч. 5; 2011. Ч. 6.

² Мира не узнаешь, не зная края своего. Нижневартовск, 2000; Там же. 2001; Там же. 2002; Там же. 2003; Там же. 2004; Там же. 2005; Там же. 2006; Там же. 2007; Шатиловские чтения: Мат-лы XII краеведческой конф., 5 ноября 2008 года. Нижневартовск, 2008; Там же. 2010.

³ Напр.: Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А.Редин. Екатеринбург, 2008; Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Хрестоматия. Т. 1. Тюмень, 2001; Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2011. 279 с.

⁴ Цысь О.П. Сосьвинская церковно-приходская школа в конце XIX — начале XX вв. // Образование и просвещение: философские, исторические и педагогические аспекты / Под общ. ред. В.В.Митрофанова. Нижневартовск, 2009. С. 84—96; Она же. Письменные источники по истории образовательных и просветительских учреждений Севера Западной Сибири в XIX — начале XX вв. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Ч. 5. С. 108—132, и др.

⁵ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. Нижневартовск, 2011. 305 с.

⁶ Этот список насчитывает без малого 400 имен с указанием источника информации, но он, надо полагать, еще не полный. Уже сегодня его следует дополнить следующими именами: законоучитель Сургутской казачьей школы иерей Павел Кремлев (по сведениям на 1841 г.), Елена Прокопьевна Козлова — дочь пятидесятника, учитель Березовской девичьей школы (сведения за 1851, 1852 гг.), учитель арифметики и геометрии Березовского уездного училища Платон Калмыков (сведения за 1841—1843 гг.), учитель грамматики Березовского уездного училища Г.И.Ещенко (сведения за 1841—1843 гг.), учитель истории и географии Березовского уездного училища Никанор Тимофеевич Каренин (сведения на 1852 г.), штатный смотритель Боголюбов (до приезда Н.А.Абрамова), учитель первого и подготовительного классов Березовского уездного училища с 1833 г. Александр Кайдалов.

⁷ Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А.Редин. Екатеринбург, 2008. С. 241.

⁸ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории становления образования в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. С. 92—108; Он же. Из истории Березовского уездного училища // Пять столетий Югры... С. 68—84.

⁹ Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 242; Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 95—97.

¹⁰ Цысь О.П. Письменные источники по истории образовательных и просветительских учреждений Севера Западной Сибири XIX — начале XX вв. ... С. 108.

¹¹ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 42, 56; Цысь О.П. Письменные источники по истории образовательных и просветительских учреждений Севера Западной Сибири XIX — начале XX вв. ... С. 109.

¹² Имеются сведения об упразднении батальона в 1868 г. См.: Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 205. 21.09.1913. С. 4.

¹³ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 44

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 35. Л. 1.

¹⁵ Митрофанов, В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 104.

¹⁶ Там же. С. 103; РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 6.

¹⁷ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 45.

¹⁸ Цысь В.В. Первая Сургутская школа // Югра. 2009. № 1. С. 61.

¹⁹ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 107. Прим. 20.

²⁰ Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 242.

²¹ Цысь В.В. Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 60.

- ²² РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 308. Л. 10—10 об.
- ²³ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 38, 45, и др.
- ²⁴ Цысь В.В. Первая Сургутская школа... С. 60.
- ²⁵ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 42.
- ²⁶ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 100.
- ²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 308. Л. 10.
- ²⁸ Там же. Оп. 84. Д. 35. Л. 7.
- ²⁹ Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 241.
- ³⁰ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 92.
- ³¹ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 38. Заметим, что эти же авторы допускают неточность в названии предметов, изучаемых в уездных училищах. Вместо русского языка указан «российский язык». См.: Там же.
- ³² РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 90. Л. 8.
- ³³ Там же. Оп. 84. Д. 35. Л. 4 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 83. Д. 242. Л. 2.
- ³⁵ Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901.
- ³⁶ Прибыльский Ю.П. Предисловие // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Хрестоматия. Т. 1. С. 9.
- ³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 47—49. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Л. 4.
- ³⁹ О проверке, проходившей в 1837 г., см.: Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 103—104.
- 40 РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 35. Л.1. В.В. и О.П.Цысь, ссылаясь на сведения из Государственного архива Томской области, пишут о 29 учащихся. Согласимся с их мнением в том, что «разница в численности, представленная в отчетах тех или иных должностных лиц, возможно, объясняется различиями между списочным составом учащихся и реально посещавшими школу...» (Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 43, 282), а также в силу других объективных причин.
- ⁴¹ Нами допущена неточность при подсчете учащихся школы в 1837 г.: неверно указано на количество крестьянских детей — 1, а должно быть 2, при этом общая численность определена правильно (Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 103).
- ⁴² Цысь В.В. Первая Сургутская школа... С. 62. Эти сведения были использованы и впоследствии, см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 282.
- ⁴³ Таблица составлена по: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 6, 6 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 7.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 308. Л. 10. В.В.Цысь насчитывает — 67, см.: Цысь В.В. Первая Сургутская школа... С. 61.
- ⁴⁶ Таблица составлена по: РГИА. Ф. 833. Оп. 83. Д. 308. Л. 10.

⁴⁷ РГИА. Ф. 833. Оп. 83. Д. 308. Л. 10. В.В. и О.П. Цысь время вступления в должность А. Кайдалова относят к 1 марта, см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 232.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 35. Л. 7.

⁴⁹ Это только часть материалов этой проверки (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 35. Л. 7).

⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л.6, 6 об.

⁵¹ Действительно, А.А.Туполев вскоре был произведен в урядники, см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири... С. 232.

⁵² Например, из-за неразборчивости почерка нами фамилии учителей арифметики и геометрии Березовского уездного училища были прочитаны как Каменьков и Загурский, следует читать — Калмыков и Засурский.

⁵³ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 94.

⁵⁴ Этот план опубликован, см.: Митрофанов В.В. Из истории Березовского уездного училища... С. 84.

⁵⁵ Материалы дела см. в *Приложении 1*.

⁵⁶ Дмитрий Шапошников из купцов перешел в сословие мещан в 1845 г., см.: Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 221.

⁵⁷ Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 247. Здесь же называется, но, вероятно, с опiskeй, зарплата смотрителя училищ Березовского округа (он же штатный смотритель Березовского уездного училища) — 180 руб. 20 коп. серебром и бесплатная квартира (Там же. С. 247). Однако не совсем понятно, к какому времени относятся эти цифры. Нам известны другие: например, назначенному штатным смотрителем Березовского уездного училища в 1832 г. Николаю Яковлевичу Кайдалову было положено жалование в 400 руб., а законоучителю с 1832 г. иерею И.М.Заборовскому — 100 руб. (Кстати, в одном документе его рождение отнесено к 1804 г. На момент назначения на должность ему было 28 лет. В.В. и О.П.Цысь с некоторым сомнением указывают «около 1806 г. (по другим данным, около 1799 г.)», см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 198.). Учитель первого и приготовительного классов А.Кайдалов получал жалование в размере 300 руб. О том, что жалование у всех преподавателей было не одинаковым, говорят следующие сведения: в Тобольской губернской гимназии на 1835 г. жалование распределялось так: директор — 1 000 руб.; законоучитель — 375; по 750 руб. учителя математики и физики, логики, латинского языка; 700 — учителя иностранных языков; учитель рисования — 300 руб. (РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 90).

⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 4.

⁵⁹ Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 93—94; Он же. Из истории Березовского уездного училища... С. 84.

⁶⁰ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк / Н.А.Миненко. Новосибирск, 1975. С. 121—123.

⁶¹ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 41—42.

- ⁶² Абрамов Н.А. Георгий Яшуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845—1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 66.
- ⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 2.
- ⁶⁴ Там же. Л. 3.
- ⁶⁵ Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 2—3.
- ⁶⁶ Составлено по: Там же. Д. 90. Л. 10.
- ⁶⁷ Таблица составлена по: Там же. Д. 242. Л. 2—3.
- ⁶⁸ См.: *Приложение 2*.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 242. Л. 3.
- ⁷⁰ Березово (Очерки истории с древности до наших дней)... С. 242; Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 95—99.
- ⁷¹ Таблица составлена по: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 308. Л. 2—3.
- ⁷² Подробнее об этом см.: Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории... С. 97—99.
- ⁷³ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 308. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Л. 10.
- ⁷⁵ Таблица составлена по: Там же. Оп. 84. Д. 35. Л. 3—5.
- ⁷⁶ Франкер Л. Руководство к линейному рисованию. СПб., 1831.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 35. Л. 5.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Л. 5—6.
- ⁸⁰ Статистика о численности учеников за 1826, конец 1837, 1845, 1846, на 1 января 1849, 1853, 1858, 1859, 1862, 1864, 1879 гг. имеется (см: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 40).
- ⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 12. Л. 1, 4. В.В. и О.П.Цысь указывают на дату «в ночь на 17 июня», см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 38.
- ⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 12. Л. 1.
- ⁸³ Там же. Л. 2.
- ⁸⁴ Бланк. «Министерство Народного просвещения. Департамент. Отделение 2. Стол 1. 4 сентября 1847 № 8639. Господину Генерал-Губернатору Западной Сибири. Вследствие отношения Вашего сиятельства от 16 минувшего августа о найме дома Буторина на 2 года для Березовского уездного училища имею честь уведомить, что я одобряю данное Вами по данному предмету распоряжение. Граф Уваров» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 12. Л. 3).
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 12. Л. 4, 4 об.
- ⁸⁶ Таблица составлена по: Там же. Д. 108. Л. 2—3.
- ⁸⁷ Таблица составлена по: Там же. Д. 108. Л. 3—4.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 108. Л. 4 об.—5.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Об итогах обозрения школы в 1852 г. см.: Митрофанов В.В. Из истории Березовского уездного училища... С. 78.
- ⁹¹ Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири... С. 38.
- ⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 70.
- ⁹³ Там же. Л. 4.

⁹⁴ «Министр Народного Просвещения. Департамент. Отделение 2. Стол 1. 26 октября 1860 года. № 7120. Господину Министру Финансов.

Вследствие ходатайства г. Генерал-Губернатора Западной Сибири о разрешении исправления в доме, занимаемом Березовским уездным и приходским училищами и предложении Кяхтинского Градоначальника о возведении пристройки к дому Троицкосавского уездного училища, я нашел необходимым за неимением местных средств отнести потребный на упомянутые работы расход на строительную сумму вверенного мне Министерству. Посему имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою сделать распоряжение об отпуске в ведение Штатных Смотрителей упомянутых училищ из местных Окружных Казначейств: а) на Троицкосавское училище четыре тысяч пятисот руб. из 120 тыс. руб., оставленных по отзыву Вашему от 30 июня за № 3812 в Главном Казначействе для удовлетворения безотлагательных расходов по Министерству и б) на Березовское: 628 руб. 15 коп. из той же суммы и 97 руб. 31½ коп. из 30 тыс. руб., назначенных на починку и постройки училищных зданий в текущем году, итого семисот двадцати пяти рублей сорока пяти с половиною коп. серебром, а всего пяти тысяч двухсот двадцати шести рублей сорока шести с половиною копеек серебром. О последующем покорнейше прошу Вас, Милостивый государь, почтить меня уведомлением. Министр Народного Просвещения Е.Ковалевский» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 6, 6 об.)

⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 5.

⁹⁶ «Министерство Финансов. Департамент Государственного Казначейства. Бухгалтерия. Отделение 1. Стол 2. 15 ноября 1860 года. № 6904. О получении по билету заемного Банка под № 2390 5 128 руб. 15 копеек для отпуска оных Министерству Народного Просвещения.

Господину Министру Народного Просвещения.

На отношение Вашего Высокопревосходительства за № 7120 имею честь уведомить, что ныне же поручено Иркутской и Тобольской Казенным Палатам отпустить в ведение Штатных Смотрителей на возведение к зданию одного пристройки 4 500 руб. и Березовских уездного и приходского на исправление в доме оных 628 руб. 15 коп. всего 5 128 р. 15 к., кои отнесены расходом на счет 6 581 руб. 79 коп., остающихся в билете Заемного Банка под № 2390 на 120 тыс. руб., отложенном на удовлетворение безотлагательных по Министерству Народного Просвещения расходов. Министр Финансов» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 8—8 об.).

⁹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 229. Л. 9—9 об.

**Дело о самоубийстве учителя Березовского
уездного училища П.Калмыкова**

МНП. Департамент. Отделение 1. Стол 1. 6 июля 1843. № 4126.

Донесение с представлением копии с письма убийца Калмыкова исправляющий должность Tobольского гражданского губернатора Его Высокопревосходительству господину Министру народного просвещения. Директор училищ Tobольской губернии и Березовский городничий от 8 июня и 22 мая мне донесли, что учитель арифметики и геометрии Березовского уездного училища Платон Калмыков, который имел от роду 25 лет 16 числа мая в 5 часу пополудни без ведома штатного смотрителя отлучился в поле для стрельяния птиц, а 17 числа в 6 час пополудни найден на берегу реки Сосьвы в сажнях 50 от Богородской церкви застрелившимся. Полицейскому свидетельству оказалось, что выстрел был направлен в самое сердце и жеребий (продолговато вылитый из олова) пробил насквозь и тело, и сердце. О причине самоубийства его определенительно до исследования должно заключить, что это произошло от невоздержанной его жизни и накопившихся на нем долгов свыше 1 000 руб. ассигнациями, которых он не в состоянии был уплатить. После смерти Калмыкова найдено в квартире печатанное письмо, адресованное на имя Городничего в собственные руки и о нужном. Имея честь почтить донести Вашему высокопревосходительству долгом считаю поднести у сего на благорассмотрение Ваше копию с письма самоубийцы Калмыкова и объяснение на оное смотрителя Абрамова. Исправляющий должность гражданского губернатора Ладъженский.

Копия

Николай Васильевич,

По прошению Буторина и прочих, которые не замедлят явиться к Вам с просьбами бессовестно говоря, что у них вот то и то есть, прошу Вас покорнейше объявить, что я после себя оставляю им в добычу только мой гардероб, который состоит из двух пар платья, двух шинелей и охотничей куртки с броднями, больше ничего не имею, потому что если было что отцовское, то все употреблено на наше воспитание или им самим продано от необходимости. Прошу Вас заградите вход всем моим заимодавцам, я знаю, что сестра и маменька отдадут все, даже необходимое для них, если они попросят, но для чего ж обижать тех, кои убиты горем... Причину смерти Вы никогда не найдете, Вы можете без всякого шума приказать привести к ним... Нет, лучше закопайте скорее, чтоб они не видели, можете солгать им в утешение, только не позволяйте никому объявлять им, они убьют их... Рабочие языки могут говорить обо

мне как им вздумается, это по их части, но прошу — не перепугайте меня по смерти, вот я только могу сказать о себе: жить, печалиться, страдать, пить тоску и горе... Что же значит умирать. О, скажи мне.

Не кладите меня никуда кроме того места, где была дальняя моя скамейка: она в лесу, на яру от заручейной церкви. Спросите Дмитрия Пермякова, он, я думаю, знает, или Дехтерева, еще попросите от меня Николая Алексеевича Абрамова, чтоб он возвысил учителей во мнении общим, они достойны всякого сожаления, об них может всякий судить и рядить, как будто все директора или ученые. Вот хотя бы эта слепая животина Соколов. Скажите, за что Вы его цените дороже, чем всех учителей, эта свинья или подобная скареда может смеяться ненаказано над любым учителем, он пьет больше всех нас, но не его называют пьяницей, а он нас всех глупее, его слушают. Заговори учитель — этот мученик на земле — его перебивают или останавливают, одного ему не дают выговорить слова как будто из боязни, что он не по их скажет. Такого невежду (Соколова) против дам и всех умных людей я бы 1 000 раз вызвал на дуэль, но закон... Пожалуйста, таким невеждам показывайте, что он невежда, знающему говорите должное извините, наболтал и наделал столько препоручений, а сам не выполнил Вашего, верьте Богу, никак не могу лучше этого написать. 16 мая меня уже не будет, Вы найдете на яру за ручьем. Еще просьба: скажите мое последнее прости всем знакомым и пожелайте Г.И.Ещенкоу и К.А.Мамину иметь лучшую участь, нежели была моя доля в жизни, чтобы были счастливы все, кроме врагов моих — болтунам, хлопущам, сплетникам и сплетницам скажите, что я буду их ожидать в аду, чтобы они скорее навестили меня, а Вас почтенный Николай Васильевич с семейством Вашим желаю 100 лет прожить здорово и весело — и никогда не встречать печали и неудачи в Вашей жизни. Ваш доброжелатель П.Калмыков.

Копия

Объяснение на некоторые места в письме застрелившегося учителя Платона Калмыкова. Буторин и прочие (кредиторы). Буторин — казачий пятидесятник — 15 мая подал в Березовское полицейское управление прошение о взыскании с учителя Калмыкова 405 руб. ассигнациями, прочие мещанин Михаил Трофимов 29 апреля подал прошение штатному смотрителю училища о взыскании с того учителя 120 руб. ассигнациями, сверх того он состоял должным купцам Сургутскому 300 руб. и Шапошникову 150 руб. ассигнациями и др. Весь долг полагаем около 1 000 руб. «Причины моей смерти Вы никогда не узнаете». Хотя учитель Калмыков и выразился такими словами и скрывал причину самоубийства, однако ж (если по следствию не откроется другой причины), из вышесказанного письма можно считать вероятным, что долги далеко превысили

оклад его жалования за год, заставили его решиться на такой противозаконный и ужасный поступок, тем более, что письмо его начинается сказанием о кредиторах и вслед за мыслями о долгах и взыскании говорит о неизвестности причины самоубийства.

«Не кладите меня никуда кроме места, где была дальняя моя скамейка». Калмыков в прошлом году на крутом берегу Сосьвы близ города сделал в лесу две скамейки: не в дальнем расстоянии одна от другой и на них по временам сживал, возле ближней — застрелился.

Спросите Дм.Пермякова или Дехтерева. Первый приказчик купца Шапошникова, у коего (купца) квартировал Калмыков, а второй лекарский ученик. Попросите Николая Алексеевича Абрамова, чтобы он высил учителей во мнении общем. Учителя Калмыков и Ещенко в управлении училищем штатного смотрителя Боголюбова замеченные были в дурном поведении и нерадении к должности, а Калмыков сверх того в нетрезвости и связи с людьми неодобрительного поведения, а потому и были лишены расположения общества. С 12 марта 1842 г. им с прибытия в Березов штатным смотрителем Абрамова они начали исправляться в поведении и вследствие этого заслуживать доброе мнение благомыслящих людей и родителей учащихся. Учитель Калмыков, как видно, все еще сомневался в добром мнении общества, между тем, как прилежно оно переменилось уже об нем прежде не выгодное мнение и отзывы. Соколов — здешний помощник почмейстера, сам не выполнил Вашего (поручения) городничего за несколько дней как сказывал, просил учителя Калмыкова переписать формулярные списки и которые он не переписал. Штатный смотритель Н.Абрамов.

Министру стихи найденные

Копия

Мне душа твоя известна —
Ангел, в мире ты одна,
Моя ж участь горька, слезна
Лишь мучениями полна.
Ты невинна, что не любишь,
Я не винен, что люблю,
Ты не винна — но ты лучше,
Я не винен — но терплю.
Будет время и ты вспомнишь,
Что несчастен я с тобой.
Облегчить тогда захочешь
Скорбный лютый жребий мой.
Но уж поздно избавленья

Для того, кто не живет.
Долговременно мученье
Жизни нить его прервет.
Ты услышишь о несчастном,
От тебя он век страдал,
О конце его ужасном,
Он, страдая, умирал.
Ты услышишь, пожалеешь,
Слезы милые прольешь.
Тем его ты там утетишь,
Его муки облегчишь.

**Российский государственный исторический архив Ф. 735. Оп. 2.
Д. 417. Л. 2—6.**

Приложение 2

**О производстве бывшему законоучителю Томского уездного
училища священнику Заборовскому пенсии (1852)**

Бланк

Главное Управление Западной Сибири

О назначении пенсии бывшему законоучителю Березовского уездного
училища Заборовскому. 29 августа 1852 № 1539. Омск.

Милостивый государь, князь Платон Александрович!

Вследствие представления г. Управляющего Тобольской губернией препровождая при сем на благоусмотрение Вашего сиятельства формулярный список бывшего законоучителя Березовского уездного училища протоиерея Иоанна Заборовского и список сведений, составленный по форме приложений к 173 ст. Пенсионных Установлений, имею честь ходатайствовать о назначении Заборовскому на основании 282, 487 и 502 ст. Уст[ановления] пенсионного т. III издания 1842 г., пенсии в количестве 2/3 получаемого им жалования, причем, долгом считаю присовокупить, что к награждению сего священника пенсией препятствий со стороны епархиального начальства, как уведомил меня Управляющий губернию, нет. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего сиятельства преданным слугою.

Формулярный список о службе 1850 г.

Протоиерей Иоанн Матвеевич Заборовский, законоучитель Березовского уездного училища 45 лет, вероисповедания православного, получал

жалование 142 руб. 85½ коп. (расчет карандашом 95 руб. 30 коп) из духовного звания, имения благоприобретенного, родового нет как и у жены.

Окончил курс семинарского учения, уволен с аттестатом 1-го разряда и рукоположен в священники Тобольской Подгорной Романовской Петропавловской церкви 18 ноября 1828 г.

Переведен к Градо-Березовской Богородицкой церкви 1828 г. Определен присутствующим в Березовское духовное присутствие 28 01 1830.

Определен в Березовское уездное училище законоучителем 15 11 1832.

Определен по Березовскому уезду благочинным и награжден набедренником 20 08 1834.

Произведен в сан протоиерея к Градо-Березовскому Воскресенскому собору 15.07.1841.

Определен Первоприсутствующим в Духовное правление благочинным гражданских церквей и над Кондинским монастырем, так же поручено ему и крещение идолопоклонников всего Березовского округа по желанию их и по предварительном поставлении их в должностях православной веры, сотрудником попечительства и членом комитета 20.07.1841 г.

Высочайше пожалован Бархотною фиолетовою скуфью 26.04.1841. Утвержден благочинным Самаровской и Семиаровской церкви 20.10.1841. Объявлена Архипастырская признательность и благословение за открытие училища для остяцких детей в селе Ларьякском 8.03.1843.

Объявлена Архипастырская признательность и благословение за ревностное действование по предмету остяцких училищ 20.08.43 г.

Высочайше утвержден председательствующим в Березовский попечительский о тюрьмах комитет 27.12.1847 г.

Высочайше пожалован бархатной фиолетовой камиловкою 28.04.1848.

Исполнял должность благочинного над 5-ю церквями именно Казымскою, Сосвинскою, Кушеватовской, Обдорскою и 25.01. — 9.04.49 г. объявлена архипастырская признательность и благодарность за отличное старание о постройке церкви в Щокурских Юртах Сосвинского прихода и за благоразумное распоряжение 9.08.49 г.

Согласно прошения, от должности законоучителя уволен 1.03.1850 г. Женат, детей не имеет

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 84. Д. 109. Л. 1—6.

Глава 4

ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ КАК ИСТОЧНИК О СОСТАВЕ ВЫСШИХ ЧИНОВ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1870—1890-е гг.)

Послужные списки представляли собой основную форму учета и документирования прохождения государственной и общественной службы в Российской империи. По закону «все места и лица должны о службе каждого находящегося в их ведомстве чиновника и канцелярского служителя содержать особый акт, именуемый послужным (формулярным) списком»¹. Указом Правительствующего сената от 16 июля 1849 г. вводился единый формуляр списка, не подвергавшийся изменениям и действовавший вплоть до 1917 г.²

Этот исторический источник принадлежит к разряду особо ценных документов, которые по правилам делопроизводства составлялись «со всевозможной точностью». За ложно указанные в них сведения виновные лица подвергались дисциплинарной ответственности. Формы списков печатались типографским способом, а заполнялись, как правило, от руки. В них содержится большой блок вопросов по различным аспектам трудовой и семейной жизни служащих, что вызывает особый интерес к ним со стороны исследователей³. Однако формуляры высших чинов полицейских управлений Тобольской губернии дореволюционного периода до настоящего времени практически не подвергались специальному изучению.

По реформе 1867 г. в Тобольской губернии образовались одно городское (губернский Тобольск) и десять окружных (уездных) полицейских управлений⁴, за исключением заштатного Тюкалинска, в котором окружная полиция появилась, когда город был наделен статусом окружного центра, а округ по указу императора от 26 ноября 1876 г. был выделен из Омского округа. Правительственные учреждения данного округа были переведены из Омска в Тюкалинск⁵. Кроме того, из Березовского округа выделялся Сургутский, с образованием в обоих округах полицейских управлений.

Главой окружной полиции становился исправник, который назначался губернатором с утверждением МВД, вводилась новая должность — помощник исправника (заместитель), а должности городничего и письмоводителя упразднялись⁶. Исправник наделялся широкими функциональными полномочиями, далеко выходящими за пределы общественной безопасности, защиты жизни и здоровья граждан и охраны частной собственности:

1) он заведовал полицейскими служащими, решал кадровые вопросы — назначение, перемещение, награждение и наказание, прием и увольнение, профессиональная подготовка личного состава;

2) имел распорядительные полномочия — разработка и принятие приказов, положений, циркуляров, инструкций и прочей ведомственной документации;

3) имел председательские (представительские) полномочия. Например, исправник возглавлял тюремное отделение, окружной комитет общественного здравия; окружной оспенный комитет; окружное по воинской повинности присутствие; окружной распорядительный комитет; являлся членом различных комиссий, комитетов и присутствий;

4) выполнял следственно-розыскные функции — политическое дознание и сыск, заграничная и внутренняя агентура и секретное делопроизводство;

5) осуществлял надзорные функции — наблюдение за рабочим и крестьянским движением, массовыми выступлениями, антигосударственным и революционным движением, их профилактика и пресечение; за деятельностью легальных обществ и органов местного самоуправления. Более того, полномочия начальника окружной полиции распространялись на санитарно-противопожарный контроль, потребительский рынок, предпринимательство, природопользование, извозный промысел и др.

Помощник исправника назначался и увольнялся в том же порядке, что и глава окружной полиции. На помощника возлагался надзор за делопроизводством полицейского управления, он выполнял поручения исправника, а также замещал его в случае отсутствия по болезни, увольнения в отпуск или ухода в отставку.

Научный интерес представляет анализ кадрового состава руководства полицейских управлений в регионе (полицмейстеров,

исправников и их помощников), т.е. высших должностных лиц, осуществлявших политику правительства на местном уровне, обладавших всей полнотой власти и лично ответственных перед губернатором за обеспечение общественной безопасности во вверенных им районах (городах и округах). В этой связи исследовательское внимание может быть сосредоточено на послужных списках, заполнявшихся при поступлении (переводе, награждении) лица на государственную службу.

Список как источник представляет собой анкету в виде таблицы из XIV граф, куда вносились сведения как о службе, так и о частной жизни лица (своего рода личное дело), а именно фамилия, имя, отчество, чин, звания, происхождение, сословие, возраст, размер содержания, вероисповедание, наличие собственности, образование, семейное положение, сведения о переменах мест службы (по хронологии), об отпусках, награждениях, наложении штрафов, нахождении под следствием и др.⁷ Официальность данных документов, снабженных отметками о подлинности или копийности, заверительными надписями, ссылками на документы, свидетельствует о высоком уровне достоверности их данных, что дает широкие возможности для изучения социальной истории страны.

Обязанности по текущему ведению и хранению списков о службе руководящего состава возлагались на канцелярию полиции. Формуляры неоднократно переписывались, поэтому в архивных фондах нередко сохранялись несколько заполненных в разные годы форм на одного служащего. В связи с этим информационный потенциал источника зависит от момента его составления: если список заполнялся при поступлении на службу, он содержал минимум данных; если же на момент выхода в отставку или накануне смерти, в нем отражалась наиболее полная информация о должностном лице. Основные массивы источников сосредоточены в фондах Государственного архива Тюменской области и Государственного архива в г.Тобольске. В целом, в архивных фондах отложился обширный комплекс формулярных списков⁸.

Сегодня при анализе формуляров как массовых источников используются различные методы обработки информации, раскрывающие закономерные связи и зависимости между отдельными

явлениями и процессами. Наилучший эффект в данном случае дает метод контент-анализа как совокупность формализованных приемов анализа содержания текстов документов, предоставляющий возможность охватить большую часть их содержательных моментов, произвести подсчет, выявить характерные черты, измерить социальные тенденции, сравнить показатели, зафиксированные в источниках и сделать выводы. К тому же такие свойства списков, как типовая структура, неизменность формы на протяжении всего периода их использования, позволяют проследить все изменения в составе высших должностных лиц полиции по единой методике за 1867—1917 гг.

Содержательная часть списка начинается с идентификационных данных, т.е. фамилии, имени, отчества, чина, званий, сословия лица. Информация, заложенная в первой графе таблицы, дает возможность сразу решить несколько проблем, в частности, выяснить происхождение первых лиц полицейских управлений. Согласно спискам их сословная принадлежность была практически однородной и неизменной. Так, руководство полиции Тобольской губернии комплектовалось преимущественно выходцами из потомственного дворянства, чиновничества и обер-офицерских детей, причем родившихся в других регионах (Полтавская, Могилевская, Черниговская, Пермская губернии). Исключения, тем не менее, встречались, к примеру, Н.Н.Розанов — сын священника⁹. Хотя такие формулировки списков, как «сын чиновника 6 класса», «сын урядника», «из канцелярских детей», «сын губернского секретаря с правом почетного гражданина», «из писарских детей» и т.п., не дают точного представления о происхождении служащих. По спискам видно, что в 1890-е гг. в уездной полиции губернии стали появляться местные уроженцы, а также лица, не имевшие чинов и званий (см. табл. 3, 4). Очевидно, что это было вызвано нехваткой квалифицированных кадров.

Таблица 1

**Состав руководства полицейских управлений Тобольской губернии
на 1871, 1876 и 1879 гг.¹⁰**

Полицейское управление, должность	Фамилия, имя, отчество, чин, дата назначения		
	1871 г.	1876 г.	1879 г.
Тобольское городское: полицмейстер	Трусов Василий Ильич, титулярный советник, 20.07.1869	Трусов Василий Ильич, коллежский ассессор	Владимиров Сергей Александрович, коллежский ассессор, 23.01.1879
Тобольское окружное: исправник	Дзержинский Александр Петрович, коллежский ассессор, 12.08.1870	Дзержинский Александр Петрович, надворный советник	Дзержинский Александр Петрович, коллежский советник
помощник исправника	Заонегин Александр Петрович, коллежский ассессор	Розанов Николай Никитич, губернский секретарь, 30.06.1876	Попов Самуил Семенович, титулярный советник
Тюменское окружное: исправник	Игумнов Василий Константинович, титулярный советник, 17.07.1863	Игумнов Василий Константинович, коллежский ассессор	Прасолов Константин Ильич, коллежский советник, 26.06.1876
помощник исправника	Кевролев Александр Елизарович, титулярный советник, 19.10.1871	Немцов Иван Николаевич, титулярный советник	Красин Борис Иванович, коллежский секретарь, 04.06.1877
Тарское окружное: исправник	Гурин Дмитрий Иванович, надворный советник, 04.01.1868	Тимский Ефим Павлович, коллежский ассессор, 10.04.1874	Тимский Ефим Павлович, надворный советник
помощник исправника	Прасолов Константин Ильич, надворный советник, 13.03.1870	Покровский Денис Иванович, коллежский регистратор	Крохалев Александр Иванович, коллежский секретарь, 30.09.1876

Ишимское окружное: исправник	Гурин Николай Иванович, надворный советник, 11.09.1870	Толмачев Степан Капитонович, титулярный советник, 16.08.1875	Киселев Константин Иванович, губернский секретарь
помощник исправника	Немцов Иван Николаевич, коллежский секретарь, 16.10.1870	Куртуков Александр Петрович, титулярный советник, 09.10.1872	Арзамасов Павел Александрович, надворный советник
Туринское окружное: исправник	Серебренников Николай Федорович, коллежский асессор, 01.07.1871	Серебренников Николай Федорович, надворный советник	Кочергин Алексей Дмитриевич, коллежский асессор
помощник исправника	Куртуков Александр Петрович, губернский секретарь, 18.05.1871	Кевролев Александр Елизарович, титулярный советник, 16.08.1875	Кевролев Александр Елизарович, титулярный советник
Курганское окружное: исправник	Емельянов Лев Иванович, титулярный советник	Резанов Сергей Владимирович, коллежский асессор, 29.11.1872	Резанов Сергей Владимирович, коллежский асессор
помощник исправника	Тимский Ефим Павлович, титулярный советник	Серков Иван Андреевич, надворный советник, 16.08.1875	Серков Иван Андреевич, надворный советник
Ялуторовское окружное: исправник	Мефодьев Алексей Васильевич, титулярный советник, 30.04.1871	Мефодьев Алексей Васильевич, коллежский асессор	Розанов Николай Никитич, титулярный советник, 21.03.1878
помощник исправника	Серков Семен Андреевич, надворный советник	Костырко Федор Кириллович, коллежский асессор, 16.08.1875	Костырко Федор Кириллович, надворный советник
Березовское окружное: исправник	Андронов Аполон Иванович, надворный советник, 23.04.1870	Попов Никанор Васильевич, коллежский асессор, 24.10.1874	Попов Никанор Васильевич, надворный советник
помощник исправника	Лавровский Леонид	Гурин Дмитрий Иванович, помощник	Пальмов Алексей Алексеевич,

	Анатольевич, помощник исправника, коллежский секретарь	исправника, коллежский советник, 07.03.1874	титулярный советник
Сургутское окружное: исправник	Боярский Павел Федорович, титулярный советник, 05.03.1870	Боярский Павел Федорович, коллежский асессор	Немцов Иван Николаевич, коллежский асессор
помощник исправника	Покровский Денис Иванович, не имеющий чина	Попов Николай Александрович, коллежский секретарь, 13.06.1876	Покровский Андрей Алексеевич, коллежский секретарь, 13.04.1878
Тюкалинское окружное: исправник	не образовано	не образовано	Попов Тихон Михайлович, губернский секретарь
помощник исправника			Кондратович Владислав Константинович, коллежский асессор

Таблица 2

Состав руководства полицейских управлений Тобольской губернии на 1881, 1883 и 1886 гг.¹¹

Полицейское управление, должность	Фамилия, имя, отчество, чин		
	1881 г.	1883 г.	1886 г.
Тобольское городское: полицмейстер	Владимиров Сергей Александрович, коллежский асессор	Парфианович Иосиф Афанасьевич, коллежский секретарь	Пасынков Павел Петрович, надворный советник
Тобольское окружное: исправник	Попов Никанор Васильевич, надворный советник	Заонегин Александр Петрович, надворный советник (и.д.)	Павлинов Александр Алексеевич, коллежский ассессор
помощник исправника	Попов Самуил Семенович, титулярный советник	Оболтин Василий Акимович, губернский секретарь	Оболтин Василий Акимович, коллежский секретарь

Тюменское окружное: исправник	Соловьев Григорий Львович, коллежский асессор	Красин Борис Иванович, коллежский секретарь	Красин Борис Иванович, коллежский секретарь
помощник исправника	Красин Борис Иванович, коллежский секретарь	Кондратович Владислав Каэтанович, надворный советник	Разумовский Александр Иванович, титулярный советник
Тарское окружное: исправник	Козеродский Маврикий Генрихович, коллежский секретарь	Павлинов Александр Алексеевич, титулярный советник	Попов Константин Ардальонович, коллежский асессор
помощник исправника	Крохалев Александр Иванович, коллежский секретарь	Денисов Дмитрий Дмитриевич, коллежский секретарь	Денисов Дмитрий Дмитриевич, коллежский секретарь
Ишимское окружное: исправник	Киселев Константин Иванович, губернский секретарь	Розанов Николай Никитич, титулярный советник	Кондратович Владислав Каэтанович, надворный советник
помощник исправника	Арзамасов Павел Александрович, коллежский асессор	Костырко Федор Кириллович, надворный советник	Грехов Николай Николаевич, титулярный советник
Туринское окружное: исправник	Кочергин Алексей Дмитриевич, коллежский асессор	Навродский Доримедонт, титулярный советник	Заонегин Александр Петрович, надворный советник
помощник исправника	Кевролев Александр Елизарович, титулярный советник	Карамышев Николай Петрович, титулярный советник	Карамышев Николай Петрович, коллежский асессор
Курганское окружное: исправник	Резанов Сергей Владимирович, коллежский асессор	Попов Тихон Михайлович, титулярный советник	Розанов Николай Никитич, надворный советник
помощник исправника	Серков Иван Андреевич, надворный советник	Гибеде Прокопий Семенович, коллежский регистратор	Фон Зигер-Корн Фаддей Евсевьевич, губернский секретарь

Ялуторовское окружное: исправник	Розанов Николай Никитич, коллежский секретарь	Соловьев Григорий Львович, коллежский асессор	Филимонов Василий Федорович, титулярный советник
помощник исправника	Костырко Федор Кириллович, надворный советник	Белкин Степан Федорович, коллежский советник	Трофимов Иван Яковлевич, коллежский секретарь
Березовское окружное: исправник	Попов Тихон Михайлович, губернский секретарь	Никитин Василий Николаевич, коллежский секретарь	Никитин Василий Николаевич, коллежский секретарь
помощник исправника	Пальмов Алексей Алексеевич, титулярный советник	Богословский Александр Александрович, надворный советник	Бирюков Иван Васильевич, коллежский асессор
Сургутское окружное: исправник	Титов Алексей Васильевич, коллежский асессор (и.д.)	Попов Константин Ардалонович, титулярный советник	Симонов Алексей Егорович, титулярный советник
помощник исправника	Покровский Андрей Яковлевич, коллежский секретарь	Иноземцев Алексей Дмитриевич, надворный советник	Каверзин Алексей Афанасьевич, не имеющий чина
Тюкалинское окружное: исправник	Богословский Александр Александрович, надворный советник	Ильин Владимир Александрович, коллежский асессор	Гибедо Прокопий Семенович, губернский секретарь
помощник исправника	Кондратович Владислав Казганович, коллежский асессор	Ляпустин Алексей Иванович, титулярный советник	Кыштымов Николай Николаевич, коллежский регистратор

Сведения формуляров о вероисповедании раскрывают принадлежность лиц к различным формам религий. Изучение списков показало, что в подавляющем большинстве окружные исправники и их помощники были русскими и православными (до 90%). Конфессиональная принадлежность на всем этапе оставалась практически неизменной. Представителей других верований в органах полиции было крайне мало. В исследуемый период лишь главы Тобольского (А.П.Дзержинский) и Тарского (М.Г.Козеродский) окружных полицейских управлений исповедовали католицизм¹².

Бухарцы, евреи, иудеи и лица других нехристианских религий на командные посты не принимались, что отражало официальную политику правительства по отношению к национальным меньшинствам.

Таблица 3

Состав руководства полицейских управлений Тобольской губернии на 1890, 1894 и 1899 гг.¹³

Полицейское управление, должность	Фамилия, имя, отчество, чин, дата назначения		
	1890 г.	1894 г.	1899 г.
Тобольское городское: полицмейстер	Каверзин Александр Афанасьевич, коллежский регистратор	Каверзин Александр Афанасьевич, коллежский асессор	Каверзин Александр Афанасьевич, коллежский советник
Тобольское окружное: исправник	Павлинов Александр Алексеевич, надворный советник	Павлинов Александр Алексеевич, коллежский советник	Нагайбаков Ахмед-Мухтар Шагин-Гиреевич, коллежский асессор
помощник исправника	Карамышев Николай Петрович, надворный советник	Удольский Михаил Федорович, коллежский секретарь	Пятухов Вячеслав Михайлович, коллежский секретарь
Тюменское окружное: исправник	Попов Константин Ардальонович, надворный советник	Киселев Никифор Петрович, коллежский секретарь	Калугин Тимофей Федорович, поручик запаса
помощник исправника	Попов Александр Васильевич, коллежский регистратор	Евсеев Иринарх Владимирович, не имеющий чина	Каковский Эдуард-Максимлиан Антонович, коллежский регистратор
Тарское окружное: исправник	Гибедо Прокопий Семенович, коллежский секретарь	Гибедо Прокопий Семенович, титулярный советник	Гибедо Прокопий Семенович, надворный советник
помощник исправника	Бажанов Симон Петрович, губернский секретарь	Бажанов Симон Петрович, коллежский асессор	вакансия

Ишимское окружное: исправник	Грехов Николай Николаевич, надворный советник	Виноградский Иван Глебович, коллежский асессор	Виноградский Иван Глебович, надворный советник
помощник исправника	Пырьев Иван Анемполостович, титулярный советник	Зарембо Антон Александрович, не имеющий чина	Зарембо Антон Александрович, не имеющий чина
Туринское окружное: исправник	Разумовский Александр Иванович, коллежский асессор	Разумовский Александр Иванович, надворный советник	Разумовский Александр Иванович, коллежский советник
помощник исправника	Несмелов Александр Николаевич, коллежский регистратор (и.д.)	Попов Александр Васильевич, коллежский секретарь	Попов Александр Васильевич, коллежский асессор
Курганское окружное: исправник	Трофимов Иван Яковлевич, титулярный советник	Трофимов Иван Яковлевич, коллежский асессор	Трофимов Иван Яковлевич, коллежский советник
помощник исправника	Ухалов Матвей Семенович, титулярный советник	Калугин Александр Яковлевич, надворный советник	Калугин Александр Яковлевич, надворный советник
Ялуторовское окружное: исправник	Розанов Николай Никитич, коллежский советник	Фон Зигер-Корн Фаддей Евсевьевич, титулярный советник	Киселев Никифор Петрович, коллежский асессор
помощник исправника	Кыштымов Николай Николаевич, коллежский секретарь	Грозавич Николай Соломонович, подполковник	Росляков Порфирий Александрович, губернский секретарь
Березовское окружное: исправник	Кондратович Владислав Каэтанович, коллежский советник	Кондратович Владислав Каэтанович, коллежский советник	Смирнов Афанасий Доримович, статский советник
помощник исправника	Циммерман Евгений Викторович, не имеющий чина (и.д.)	Креков Владимир Павлович, титулярный советник	Кремер Вильгельм Оскарович, губернский секретарь

Сургутское окружное: исправник	Вакарин Михаил Егорович, коллежский секретарь	Серых Михаил Петрович, не имеющий чина (и.д.)	Евсеев Иринарх Владимирович, коллежский секретарь
помощник исправника	Вахнин Иван Васильевич, коллежский ассессор	Бордзиловский Викентий Антонович, надворный советник	Зброжек Ричард Иванович, коллежский ассессор
Тюкалинское окружное: исправник	Оболтин Василий Акимович, титулярный советник (и.д.)	Ухалов Матвей Семенович, надворный советник	Ухалов Матвей Семенович, коллежский советник
помощник исправника	Евреинов Алексей Тимофеевич, коллежский ассессор	Гирш Станислав Павлович, титулярный советник	Новосильцев Яков Дмитриевич, коллежский секретарь

В списке указывалась дата рождения или возраст служащего на момент его составления, для чего использовались записи метрических книг. Анализ возрастного состава руководства полиции свидетельствуют о том, что наиболее востребованной в момент назначения или перевода на должности исправников и их помощников являлась средняя возрастная группа (35—45 лет), например: В.А.Ильин — 35 лет (1885 г.); А.П.Дзержинский — 36 лет (1871 г.); А.Т.Тючиев — 37 лет (1871 г.); Н.Н.Розанов — 37 лет (1879 г.); Ф.К.Костырко — 37 лет (1876 г.); И.А.Парфианович — 38 лет (1882 г.); И.Я.Трофимов — 38 лет (1889 г.); Н.Н.Грехов — 40 лет (1892 г.); Н.П.Карамышев — 40 лет (1883 г.); А.И.Разумовский — 41 год (1892 г.); К.А.Попов — 42 года (1893 г.); Н.И.Гурин — 43 года (1871 г.); Н.Н.Розанов — 43 года (1887 г.); П.Ф.Боярский — 45 лет (1870 г.); хотя небольшие отклонения можно обнаружить: М.Г.Козеродский — 31 год (1882 г.); С.П.Бажанов — 49 лет (1892 г.); В.И.Трусов — 49 лет (1870 г.).

Данный фактор объясняется достаточно легко: лица младшего поколения не обладали должным профессиональным опытом, имели низкий чин для получения такой должности, вследствие чего предпочтение им не отдавалось, а чиновники в возрасте 55—60 лет переходили на более высокие посты, выходили на пенсию, в отставку, часто отказывались от этой службы по причине слабого здоровья и др. Тем не менее, средние возрастные показатели на всем протяжении изучаемого периода оставались неизменными.

Высокие информационные возможности послужных списков сосредоточены в графах об образовании, награждениях и перемещениях по службе. Более того, все записи этих граф строго датированы, имеют ссылки на соответствующие документы — мнения Госсювета, указы Сената, приказы, распоряжения, циркуляры министра внутренних дел и губернатора, с указанием их дат и номеров, что существенно повышает научную ценность источника, позволяет установить сроки службы, даты присвоений званий и знаков отличия, географию перемещений по должностям и регионам.

Согласно спискам среди начальников полицейских управлений необразованных людей не было. Однако в целом их образовательный уровень следует признать невысоким. В 1870—1880-е гг. ни один чин окружной полиции Тобольской губернии не имел оконченного высшего образования. В полицию приходили люди с различным образованием: педагогическим, медицинским, инженерным, военным и др. Например, А.В.Ильин обучался в Императорском Казанском университете, но полного курса не окончил и по приказу генерал-губернатора Западной Сибири был назначен учителем русского языка в Каинское уездное училище; Н.П.Карамышев окончил Казанскую фельдшерскую школу¹⁴.

Большинство чиновников офицерско-дворянского происхождения имели базовое образование, обучались в средних учебных заведениях. Скажем, Н.И.Гурин после 6 классов Полтавской губернской гимназии в 1845 г. поступил на службу в Полтавскую палату уголовного суда канцелярским служащим¹⁵. Исключения, тем не менее, встречались: П.Ф.Боярский и И.Я.Трофимов — имели домашнее воспитание, т.е. в учебных заведениях не обучались¹⁶. Высоко ценилось духовное образование: в 1876 г. 8 из 18 первых лиц (45%) являлись воспитанниками Тобольской и Пермской духовных семинарий. В частности, А.Т.Тючиев (туринский исправник) родился в семье священника, в 1856 г. окончил Тобольскую духовную семинарию и поступил в штат канцелярии Тобольского губернского правления, где служил столоначальником¹⁷.

Главной задачей формулярного списка являлось фиксирование хронологии прохождения службы. В нем обязательно записывались должности, на которые назначались лица с указанием числа,

месяца и года назначения. В списках чиновников сведения о служебных перемещениях переплетались с данными о присвоении чинов, званий и наград, а также о командировках. Согласно спискам в «классном» разрезе первые лица полицейских управлений Тобольской губернии имели чины: IV—VI классов — 14%, VII—IX классов — 51% и X—XIV — 30% (см. табл. 4).

Таблица 4

Классные чины исправников и их помощников, 1879, 1890, 1899 гг.

Полицейское управление	чины IV—VI кл.			чины VII—IX кл.			чины X—XIV кл.			без чина		
	1879	1890	1899	1879	1890	1899	1879	1890	1899	1879	1890	1899
Тобольское гор.	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Тобольское окр.	1	—	—	1	2	1	—	—	1	—	—	—
Березовское	—	1	1	2	—	—	—	—	1	—	1	—
Ишимское	—	—	—	1	2	1	1	—	—	—	—	1
Курганское	—	—	1	2	2	1	—	—	—	—	—	—
Сургутское	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Тарское	—	—	—	1	—	1	1	2	—	—	—	1
Туринское	—	—	1	2	1	1	—	1	—	—	—	—
Тюкалинское	—	—	1	1	2	—	1	—	1	—	—	—
Тюменское	1	—	—	—	1	—	1	1	2	—	—	—
Ялуторовское	—	1	—	2	—	1	—	1	1	—	—	—
Всего	2	2	5	14	11	7	5	7	7	—	1	2

При этом между должностью и классным чином зависимость не устанавливалась: помощник исправника мог иметь чин выше, чем исправник. Тем не менее, в 1870—1890-е гг. все исправники имели тот или иной чин (см. табл. 1—3). Пожалуй, единственным исключением стал Д.И.Покровский, на момент назначения помощником сургутского исправника еще не имевший чина¹⁸. В основном полицейские служащие имели гражданские чины. Редкими были случаи, когда в руководстве окружной полиции состояли военные чины (подполковники, капитаны, ротмистры, поручики и др.). Последние после выхода в отставку предпочтение отдавали службе в жандармских управлениях.

Установлено, что практически все начальники полиции и их помощники имели стаж работы в государственных и общественных учреждениях, например: Н.И.Гурин до полиции работал

в Тобольской казенной палате; В.К.Игумнов — в Кяхтинской таможне; Н.П.Карамышев — фельдшером в Тобольской и Омской больницах; И.А.Парфианович — редактором Томских губернских ведомостей; А.П.Дзержинский — в Витебской палате государственных имуществ; Н.Н.Грехов — в Курганском окружном суде; И.Я.Трофимов — на разных должностях почтово-телеграфного ведомства. В частности, В.И.Трусов согласно данным формуляра на «государеву» службу поступил 1 марта 1837 г., работал на разных должностях Тобольского губернского управления и только в 1869 г. получил назначение тобольским полицмейстером, которым проработал около 8 лет¹⁹. В списке С.П.Бажанова указано, что он перешел в полицию после церковной службы, был в сане священника с 1865—1879 гг.²⁰

Ряд высших чинов последовательно проходили карьерные ступеньки, состоя долгие годы в системе полицейского управления, скажем, земскими заседателями в округах региона (до упразднения этих должностей), становыми приставами и полицейскими (околоточными) надзирателями в разных городах. В частности, А.И.Разумовский с 1873 г. работал полицейским надзирателем г. Березова, после земским заседателем 3-го и 1-го участков Тюменского округа, затем в этой же должности в 4-м участке Курганского округа. В 1886 г. он получил назначение помощником тюменского исправника, в 1887 г. — сургутским исправником и в 1888 г. — туринским исправником, им прослужил более 13 лет²¹.

Сведения рассмотренных граф дополняются данными о военной службе чиновников. В списках полицейских такие записи встречаются нечасто. В формулярах отставных военных, продолживших службу в полиции, можно обнаружить данные об участии в Крымской войне и других военных конфликтах. В частности, Н.И.Гурин был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг.²²

Что касается срока службы на одном месте, то он был не велик. Характерной чертой данной службы являлась нестабильность, подвижность, изменчивость личного состава руководства полицейских управлений. Губернская администрация активно применяла внутреннюю ротацию состава, что связано с ограниченным кругом квалифицированных и опытных управленцев (особенно в малых окружных центрах). В среднем срок службы

составлял три-четыре года. К примеру, Н.Н.Розанов, принятый в 1876 г. помощником тобольского исправника, неоднократно переводился по округам: ялуторовский (1878 г.) — ишимский (1882 г.) — тюкалинский (1884 г.) — курганский (1885 г.) и вновь ялуторовский исправник (1889 г.), им прослужил до смерти в 1892 г.²³

Тем не менее, некоторым чиновникам удавалось сохранять свои посты в течение длительного периода, к примеру, тобольскому полицмейстеру А.А.Каверзину (1890—1900 гг.); исправникам: тарскому — П.С.Гибедо (1888—1901 гг.); туринскому — А.И.Разумовскому (1888—1901 гг.); тюменскому — В.К.Игумнову (1863—1876 гг.); курганскому — И.Я.Трофимову (1889—1901 гг.) и тобольскому — А.П.Дзержинскому (1870—1880 гг.), впоследствии назначенному томским полицмейстером²⁴. Вероятно, тобольские губернаторы не имели особых претензий к их службе.

Графы списков об отпусках и нахождении в отставке (гр. XII и XIII) дают возможность определить, когда завершилась служба того или иного чиновника. В частности, И.Я.Трофимов ушел в отставку 17 января 1901 г. с мундиром и с пенсией 980 руб. в год. Определением Правительствующего сената от 28 сентября 1900 г. признан в потомственном дворянском достоинстве, с правом внесения в дворянскую родословную книгу²⁵. Согласно списку П.Ф.Боярского, он находился в отставке с 1854—1863 гг., затем вернулся в штат Тобольского общего губернского управления²⁶. Кроме того, по данным списков можно установить продолжительность и периодичность отпусков. Типичными сроками увольнительных были 2 недели, 1 месяц и 2 месяца. Между тем, А.А.Каверзин в отпусках был: в 1883 г. — 7 дней, в 1884 г. — 1 месяц, в 1886 г. — 2 месяца, в 1891 г. — 3 недели²⁷; К.А.Попов по приказу генерал-губернатора Западной Сибири от 12 апреля 1874 г. был уволен в отпуск в г.Санкт-Петербург и за границу на 6 месяцев²⁸.

В первой графе формуляра обязательно указывались сведения о наградах, медалях, орденах и других знаках отличия, которыми удостоивались начальники окружных полицейских управлений. Причем некоторые из них оговаривались особо. Так, отдельные чиновники полиции имели комбинацию из нескольких званий, были титулованы чинами и знаками отличия. Многие из них

заслужили ордена Св. Станислава II и III степени, Св. Анны II и III ст., Св. Владимира IV ст., а также бронзовые медали на Андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. Ордена и медали давали право на льготные сроки выслуги пенсии, например, орден Св. Владимира IV ст. (25 лет беспорочной службы) — 7 лет за 5 лет. Весьма редким для полицейского было звание «почетный гражданин», которое присваивалось городским обществом. Однако такие примеры есть: 18 мая 1876 г. местные власти г.Тюкалинска удостоили этого звания Ф.К.Костырко (помощник ялуторовского исправника), за усердную службу земским заседателем Омского округа²⁹.

Согласно спискам чины полиции довольно часто получали благодарность от губернатора с формулировкой «за усердную службу», иногда с единовременной денежной премией (30—50 руб.). В частности, А.И.Разумовскому 15 августа 1888 г. была объявлена благодарность тобольским губернатором «за отличную распорядительность» при производстве обысков у состоящих под гласным надзором полиции в г.Туринске политических ссыльных; Н.Н.Розанову в 1871 г. — «за успешное распоряжение к прекращению пожара в селе Кугаевском»³⁰.

С другой стороны, весьма интересны записи списков о наличии у служащих штрафов, возбуждении против них следствий и привлечении к суду (гр. XI). Исправники и их помощники как государственные служащие также получали внушения, замечания и выговоры, подвергались штрафным санкциям. Хотя в большинстве формуляров указано, что чиновник наказаниям «не подвергался». Между тем, в некоторых списках были отметки о наложении штрафов. Случаи возбуждения следствия против чинов полиции все же имели место: П.Ф.Боярский в 1850 г. был предан суду за неправильные действия по службе. В 1846 г. В.И.Трусов также предавался суду за упущения во время службы секретарем в Курганском земском суде³¹. Справедливости ради надо заметить, что оба случая имели место до их назначения на полицейскую службу. По данным списка, Н.Н.Розанов привлекался к следствию по ст. 341 устава о наказаниях. Тобольский губернский суд определением от 5 октября 1887 г. не нашел в действиях исправника состава преступления и его оправдал³².

В формулярах не указывались следующие категории судебных приговоров: 1) оправдательные; 2) прекращенные вследствие примирения сторон; 3) вынесенные мировыми судьями в форме внушения, замечания, выговора и денежного взыскания. Вместе с тем, внесенные штрафные санкции не исключались даже в случае оправдания лица.

Послужные списки, наряду с социально-биографической информацией, содержат сведения о направлениях и итогах профессиональной деятельности чинов полиции. В частности, в списке М.Г.Козеродского есть записи о делах, бывших в его производстве, например: об утрате денег бухгалтером акцизного управления 1-го округа Западной Сибири; о пожарах и поджогах в г.Тобольске в октябре 1879 г.; о подложных документах, составленных бухгалтером дирекции училищ Тобольской губернии и др. Он командировался в г.Тюмень как председатель следственной комиссии о пожарах и поджогах в июне—июле 1880 г.³³

Кроме несения службы по должности, исправники являлись также председателями: уездных распорядительных комитетов; уездных комитетов общественного призрения, уездных присутствий по воинской повинности; директорами отделений попечительного о тюрьмах общества и др. По спискам можно установить отдельные факты действий исправников на указанных постах. В целом уездный исправник обладал всей полнотой административной власти на местном уровне. Например, курганский исправник И.Я.Трофимов за 12-летний срок службы участвовал в различных мероприятиях как в городе, так и уезде: так, при его участии строилась железная дорога, в 1895 г. была организована сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в г.Кургане, по его инициативе началось строительство третьей приходской церкви — храма во имя Св.Александра Невского, он приложил много сил для организации в уезде Первой всеобщей переписи населения в 1897 г., за что был награжден медалью. Отставной коллежский советник продолжил службу гласным Курганской городской думы и членом городской управы в 1906—1910 гг. Кроме того, несколько лет состоял церковным старостой при Александро-Невском храме³⁴.

Графы формуляров о семейном положении чиновников раскрывают целый ряд социально-демографических вопросов (брачность,

сословное происхождение жен, половозрастной состав семьи, имена членов семьи, их вероисповедание, смертность среди детей и др.). По спискам установлено, что более 90% полицейских начальников Тобольской губернии были женаты и имели в среднем 1—3 детей. Не встречаются браки, в которых муж и жена имели разную веру. В семьях некоторых чиновников воспитывались приемные дети. Формуляры содержат сведения не только о малолетних детях, но и взрослых отпрысках, уже не находящихся на иждивении у главы семейства. По исследуемым спискам не выявлено семей с большим количеством детей (более пяти), что можно объяснить трудностями полицейской службы, частыми переездами и, как правило, отсутствием у чинов полиции недвижимой собственности.

В связи с этим по спискам можно определить и имущественное положение исправников и их помощников, т.е. годовое содержание и принадлежавшую им недвижимость. Так, в 1870—1890-е гг. содержание начальникам окружных полицейских управлений устанавливалось за счет казны в равном размере: исправнику — 1 500 руб. в год (750 руб. жалование и 750 руб. столовые) + квартирные (от города); помощнику — 1 000 руб. в год (500 руб. жалование и 500 руб. столовые) + квартирные (от города). Такое содержание практически никто из местных чиновников, городских и торговых служащих не получал³⁵. При этом за многолетнюю службу в Сибири на классных должностях назначались дополнительные выплаты в размере до 1/2 жалования (250—375 руб.). При увольнении со службы чиновники, прослужившие в Сибири не менее 15 лет, имели право на льготную пенсию: 15 лет — 1/3 оклада, 20 лет — 1/2, 30 лет — в полном объеме.

Что касается недвижимости, то полицейские начальники, как правило, ее не имели. В их послужных списках указывалось, что «собственности не имеет». Хотя отдельные исправники (помощники) владели незначительной собственностью, в частности, В.И.Трусов имел деревянный дом в г.Тобольске; у И.Я.Трофимова в г.Кургане был одноэтажный деревянный дом, оцененный в 360 руб.³⁶ Большинство же чиновников с семьями проживали в казенных или городских квартирах (домах).

Подводя итог исследованию, следует заметить, что даже такой выборочный анализ формулярных списков позволяет рассмотреть основной блок содержащихся в них вопросов. По степени информативности послужные списки трудно сравнить с другими видами официальных источников. В них включены обширные и многогранные данные об исправниках и их помощниках, исследование которых позволяет выявить источники комплектования местного звена аппарата управления, численность, состав, социальные характеристики, особенности прохождения службы административных чиновников и в целом оценить политику правительства в области формирования чиновничества в досоветское время. По результатам анализа формуляров можно утверждать, что руководство полицейских управлений региона представляло собой достаточно замкнутый круг лиц. На ведущие посты назначались главным образом представители потомственного дворянства и обер-офицерства.

Изучение списков дает возможность представить целостный социальный портрет первых лиц правительства на местном уровне, административно-властной элиты, обладающей особым социальным статусом, от профессиональных и личных качеств которой во многом зависела эффективность действий государственного аппарата и общественная безопасность на местном уровне. Социальный состав высших чинов уездной полиции менялся незначительно. Такие черты, как происхождение чинов полиции, средний возраст, православие, имущественная состоятельность и титулованность чинами, наградами и званиями, можно считать устойчивыми (универсальными), присущими всему руководящему составу полицейских управлений региона. Однако комплексно проследить динамику изменений социальных характеристик всех чинов региональной полиции в дореволюционный период не представляется возможным, так как послужные списки сохранились не полностью и данные их отрывочны.

Примечания

¹ См.: Устав о службе по определению от Правительства. Т. 3. СПб., 1896. Ст. 802. С. 182.

² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. II. Т. XXIV. Отд. 2-е. СПб., 1850. Ст. 23401. С. 160—161.

³ См., напр.: Аршакиан М.А. Формулярные списки служащих и рабочих Алтайского (горного) округа XIX — начала XX в.: источники и методы изучения // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Т. 3. № 4. С. 11—14; Верхотурова Т.Г. Енисейская губернская администрация ведомства государственных имуществ (1897—1917): к социальному портрету сибирского чиновничества // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 12. Вып. 31. С. 15—24; Козельчук Т.В. Некоторые методологические проблемы использования формулярных списков при анализе российской бюрократии (на материалах чиновничества Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX в.) // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Тюмень, 2002. С. 20—29; Куликова И.С. Послужные списки священноцерковнослужителей Успенского собора Кремля как исторический источник (вторая половина XIX в. — 1915 г.) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1999. С. 209—213; Нардова В.А. Городские головы Санкт-Петербурга. 1873—1903 гг. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 21—33; Нархов Д.Ю. Формулярные списки как источник по социально-экономической структуре служащих горнозаводской промышленности капиталистического Урала // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1992. С. 84—95; Храмов А.Б. Формулярные списки как источник о социальном составе городских голов Тобольской губернии (1870—1917 гг.) // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2008. № 1. С. 22—30; Щетинина Г.И. Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84—96.

⁴ ПСЗ. Собр. II. Т. 42. Отд. I. СПб., 1867. № 44681. С. 879—880.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1286. Оп. 29. Д. 113. Л. 122.

⁶ Храмов А.Б. Реформа полиции Западной Сибири в 1867 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. С. 193—196.

⁷ См., напр.: Государственный архив (далее — ГА) в г.Тобольске. И-329. Оп. 2. Д. 252. Л. 94—100 а.

⁸ Послужные списки чиновников сосредоточены в: Государственный архив Тюменской области: Тюменская городская управа (Ф. И-1); Помощник начальника губернского жандармского управления в Тюменском, Туринском и Ялуторовском округах (Ф. И-239); ГА в г.Тобольске: Тобольское губернское жандармское управление (Ф. И-159); Тобольское губернское правление: 1788—1895 гг. (Ф. И-329); Тобольское общее губернское управление: 1823—1917 гг. (Ф. И-152); Тобольский губернатор: 1860—1917 гг. (Ф. И-479).

⁹ ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 312. Л. 3.

- ¹⁰. Сост. по: ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 242, 244, 246, 247, 252, 264, 270, 275.
- ¹¹. Сост. по: ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 283 А, 284, 286, 289, 297, 312.
- ¹². ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Д. 264. Л. 196; Д. 286. Л. 46 об.
- ¹³. Сост. по: ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 314, 315, 316; Ф. И-159. Оп. 1. Д. 74.
- ¹⁴. ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 289. Л. 2 об; Д. 297. Л. 16 об.
- ¹⁵. Там же. Д. 246. Л. 415—415 об.
- ¹⁶. Там же. Д. 252. Л. 94—94 об; Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 145 об.
- ¹⁷. Там же. Д. 246. Л. 267—267 об.
- ¹⁸. Там же. Д. 247. Л. 71.
- ¹⁹. Там же. Д. 264. Л. 196.
- ²⁰. Там же. Д. 315. Л. 125—125 об.
- ²¹. Там же. Л. 18—21; Д. 286. Л. 111, 128—129; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г.Тобольск, 1900. С. 25.
- ²². Там же. Д. 246. Л. 415—415 об.
- ²³. Там же. Д. 312. Л. 52—55; Д. 314. Л. 55.
- ²⁴. Памятная книжка Западной Сибири на 1881 г.Омск, 1881. С. 371.
- ²⁵. ГА в г.Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 145—145 об.
- ²⁶. Там же. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 252. Л. 95.
- ²⁷. Там же. Д. 315. Л. 282.
- ²⁸. Там же. Д. 316. Л. 3.
- ²⁹. Там же. Д. 270. Л. 14.
- ³⁰. Там же. Д. 315. Л. 18—21; Д. 312. Л. 3—12.
- ³¹. Там же. Д. 252. Л. 94; Д. 264. Л. 173—174.
- ³². Там же. Д. 312. Л. 94.
- ³³. Там же. Д. 286. Л. 46—57.
- ³⁴. Там же. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 145—149.
- ³⁵. Храмов А.Б. Положение служащих и рабочих Тюмени в начале XX века // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2011. С. 255.
- ³⁶. ГА в г.Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 264. Л. 172 об; Ф. И-152. Оп. 35. Д. 759. Л. 35—52.

Глава 5

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОСПИТАННИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРИ В ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.

Важность изучения материального положения воспитанников учебных заведений обусловлена тем, что именно условия жизни и быта студентов и учащихся во многом определяли их мировоззрение, настроения, господствующие в этой среде, что в конечном итоге влияло на поведение молодежи и обуславливало ее участие в общественном движении.

Основными источниками, по которым можно судить о материальном положении учащихся, являются фонды учебных заведений, содержащие сведения о доходах и расходах учащихся, протоколы заседаний педагогических советов, на которых обсуждались вопросы оказания учащимся материальной помощи; материалы периодической печати, обращавшей внимание на нужды учащихся; некоторые дополнительные сведения предоставляют периодически издававшиеся памятные книжки учебных округов.

Источники свидетельствуют о том, что материальное положение учащихся в первую очередь определялось благосостоянием их родителей. Поэтому удельный вес детей из обеспеченных семей был выше в гимназиях, где в большем количестве обучались сыновья и дочери лиц, принадлежащих к привилегированным сословиям. Выше здесь была и плата за обучение. В 1909 г., например, она составляла в мужских гимназиях Западно-Сибирского учебного округа 40—60 рублей в год, в женских (в зависимости от класса) — от 40 до 70 рублей, достигая в некоторых гимназиях и 100—120 рублей¹. Вплоть до 1917 г. размер платы за обучение в мужских гимназиях края практически не изменился, в то время как в женских гимназиях дифференциация платы за обучение несколько усилилась. Так, в Томской 4-й женской гимназии в 1916 г. ученицы всех классов платили за обучение 35 рублей в год, а в Новониколаевской женской гимназии размер оплаты колебался от 50 рублей в приготовительном классе до 150 рублей в 8-м (педагогическом)².

От платы за обучение в гимназиях освобождались 10% учащихся, что позволяло учиться в них и некоторому количеству детей малообеспеченных родителей. Для их поддержки при учебных заведениях создавались Общества вспомоществования нуждающимся ученикам, которые занимались благотворительной деятельностью, привлекая средства частных лиц, организаций и учреждений. В Иркутске, например, ученикам помогало в оплате обучения Общество для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири. Однако не стоит сбрасывать со счета и материальную поддержку нуждающихся учеников со стороны как частных лиц, так и местных властей. Так, в марте 1903 г. Иркутская городская управа внесла плату за обучение 6 учениц женской гимназии в размере 224 руб. 75 коп. и еще трем ученицам было выделено 54 руб. 75 коп. для закупки одежды, обуви, учебников и на «прожитье»³.

О наличии в гимназиях известного числа нуждающихся в материальной помощи учеников позволяют судить, в частности, протоколы педагогического совета Тюменской женской гимназии. В них отмечен случай попытки самоубийства ученицы 7 класса Корляковой, которая была освобождена от платы за обучение и даже получала ежемесячное пособие в размере 5 рублей от Общества вспомоществования нуждающимся гимназисткам. В связи с этим председатель педагогического совета гимназии заявил: «Педагогическим советом сразу же была сделана ошибка принятием в гимназию заведомо материально необеспеченной девочки... Гимназия переполнена без разбора детьми, не имеющими возможности при отсутствии средств учиться в среднем учебном заведении»⁴.

Удельный вес малообеспеченных среди гимназистов особенно возрос в годы Первой мировой войны, когда, с одной стороны, снизился жизненный уровень населения в целом, с другой стороны, во все учебные заведения империи были допущены дети участников войны и беженцев. Дети призванных на войну решениями Советов учебных заведений, как правило, освобождались от платы за обучение, а детям беженцев, согласно циркуляру Министерства народного просвещения, предоставлялись льготы по оплате⁵. О возрастании числа необеспеченных гимназистов свидетельствовала и сибирская периодическая печать. Так, в марте

1915 г. газета «Сибирская жизнь» сообщала, что общество вспомоществования недостаточным ученикам при Томской 1-й мужской гимназии оказало помощь в виде взноса платы за обучение 32 учащимся на общую сумму 540 руб. При этом особо подчеркивалось, что средства общества крайне ограничены⁶.

Увеличение количества учащихся, освобожденных от платы за обучение в годы войны, прослеживается и при анализе документов, отложившихся в фонде Тюменской женской гимназии Государственного архива Тюменской области. Данные фонда показывают, что число освобожденных от платы за обучение гимназисток возросло в 1-м полугодии 1915/1916 учебного года в основном за счет детей лиц, призванных на войну. Так, если в начале 1912 г. в Тюменской женской гимназии от платы были освобождены 94 гимназистки, то с началом Первой мировой войны число обучавшихся бесплатно увеличилось до 111, а к началу 1917 г. оно составило уже 151 человек. С 1914 г. вновь появились отказы в помощи по оплате обучения, связанные с недостатком денежных средств: в 1-м полугодии 1914/1915 учебного года было отказано 10 ученицам, в 1-м полугодии 1915/1916 учебного года — 7, во 2-м полугодии 1916/1917 учебного года — 8. О росте материальной необеспеченности учащихся говорит и увеличение количества детей, нуждавшихся в освобождении от платы: во 2-м полугодии 1912/1913 учебного года таковых насчитывалось 124, во 2-м полугодии 1916/1917 учебного года — 201. При этом общее число обучавшихся в Тюменской женской гимназии с 1911 г. по 1917 г. изменилось незначительно⁷.

В то же время введение льгот для детей воинов позволяло им продолжать обучение бесплатно, что способствовало снижению количества исключенных. Так, по сведениям, сохранившимся в протоколах педагогического совета Енисейской женской гимназии, поскольку дочери призванных были освобождены от платы за обучение, в 1915 г. ни одна ученица не была исключена за неплату⁸.

В других общеобразовательных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения, — реальных училищах — сословный состав учащихся изначально был иным, нежели в гимназиях. Здесь было меньше представителей привилегированных слоев общества, но больше детей мещан и крестьян.

Плата за обучение в реальных училищах Сибири составляла в 1909 г. 30—45 руб. в год, к 1916 г. она возросла до 40—60 руб.⁹ Условия освобождения от платы в реальных училищах были схожими с гимназиями, причем и здесь количество учеников, обучавшихся бесплатно, также стало увеличиваться в годы Первой мировой войны. В частности, если в Тюменском реальном училище в 1908 г. от платы были освобождены 40 учащихся, то в 1915 г. — 60¹⁰. В Красноярском реальном училище в 1915 г. от платы были освобождены 10% учащихся и 14 детей учителей¹¹.

Тяжелое материальное положение значительной части реалистов старались облегчить существовавшие практически при всех сибирских реальных училищах общества вспомоществования нуждающимся ученикам, которые выделяли деньги на взнос платы за обучение, на выдачу пособий, приобретение учебников и т.д. Однако они не могли помочь всем нуждавшимся в силу большого количества последних. Для помощи им общества вынуждены были изыскивать новые источники средств. Например, как сообщала сибирская печать, в Томске 15 октября 1915 г. в кинотеатре «Фурор» состоялись сеансы в пользу малообеспеченных учеников 2-го реального училища с целью сбора денег для оплаты обучения, покупки еды и обуви¹². В ряде случаев общества вспомоществования создавались в рамках нескольких учебных заведений. Так, в 1915 г. был утвержден устав Общества вспомоществования ученикам Красноярского реального училища и женской прогимназии. Обществом вспомоществования была внесена плата за 6 учеников. Материальную помощь красноярским реалистам оказывали и иные общественные организации. Например, Взаимным обществом страхования от огня было выделено пособие в размере 120 руб. для одного из учеников Красноярского реального училища¹³.

В несколько лучшем положении находились учащиеся коммерческих училищ. Плата за обучение здесь была достаточно высока, что определяло преобладание среди родителей учеников лиц, связанных с торгово-предпринимательской деятельностью или состоящих на государственной службе. Поэтому доля несостоятельных учащихся здесь была ниже, чем в реальных училищах. Так, в декабре 1914 г. педагогический совет Тюменского частного коммерческого училища Колокольниковых постановил из

своих средств оплатить обучение 4 учеников (при общем количестве обучающихся 262 человека) и рекомендовал Обществу вспомоществования учащимся оказать помощь еще 24 ученикам для оплаты обучения и завтраков¹⁴.

В ряде других средних профессиональных учебных заведений, где преимущественно обучались дети небогатых мещан, мелких чиновников и крестьян, плата за обучение была более умеренной. В некоторых учебных заведениях можно было обучаться за государственный счет, о чем свидетельствуют материалы сибирской печати и фонды самих учебных заведений. Например, в Омском землемерном училище все ученики делились на стипендиатов, освобожденных от платы за обучение и получавших стипендию 15 рублей в месяц из казенных средств, и так называемых «своекоштных», плативших за обучение 20 рублей в год¹⁵. В Красноярском землемерном училище в 1910/11 учебном году обучалось около 30 стипендиатов и 40 своекоштных. В 1912/13 учебном году количество стипендиатов увеличилось до 40, а своекоштных до 96—97 человек¹⁶. В Омском сельскохозяйственном училище плата за обучение составляла 40 рублей в год. Казенных стипендий здесь не было, но значительная часть учащихся получала стипендии земские, городские и войсковые¹⁷. В Красноярской фельдшерской школе, согласно протоколам заседания педагогического совета за 1904 г., принятым на 1 курс 20 ученицам была предоставлена стипендия в размере 15 руб. в месяц. Педсовет шел навстречу ученицам и в вопросе освобождения от платы за обучение, удовлетворив в 1904 г. прошения 20 учениц¹⁸.

Необходимость развития системы начального образования в стране в условиях модернизации способствовала тому, что значительная помощь со стороны государства оказывалась учащимся в учительских семинариях и институтах. Так, в Красноярской учительской семинарии в 80-е гг. XIX в. имелось 20 стипендий в размере 80 руб. в год, кроме того, учащимся предоставлялись бесплатные книги и учебные пособия. При этом выпускники семинарии обязаны были отслужить не менее 4 лет в начальных школах Енисейской губернии. Если же казеннокоштный ученик покидал семинарию до ее окончания, то он был обязан вернуть выплаченную стипендию, так же как и в случае, если он не отработывал после окончания 4 года в должности сельского учителя¹⁹.

Вместе с тем, сохранявшаяся нехватка учителей начальной школы вынуждала государство увеличивать количество предоставляемых в учительских семинариях стипендий. Поэтому в 1906 г. в Красноярской учительской семинарии было уже 60 казенных стипендий по 144 руб. каждая²⁰.

В Омской учительской семинарии были учреждены 23 государственные стипендии, позволявшие большинству семинаристов учиться бесплатно. В 1914 г. из 24 выпускников семинарии 23 являлись казенными стипендиатами, а самостоятельно оплачивал обучение только 1 человек²¹. За счет государства можно было получить образование и в Омском учительском институте. Однако в таком случае после окончания института выпускник обязан был отработать в системе Министерства народного просвещения по 2 года за 1 год бесплатного обучения. Для обучавшихся здесь за свой счет плата в 1916 г. составляла 40 руб. в год²².

За счет средств государственного казначейства содержались и воспитанники Иркутского учительского института, открытого в 1909 г. Согласно материалам фонда данного учебного заведения, находящегося в Государственном архиве Иркутской области, для учащихся института была учреждена стипендия в размере 200 руб. в год, которые выдавались ежемесячно равными частями по 16 руб. 66 коп. Тем не менее, в силу дороговизны в условиях начавшейся мировой войны этого было явно недостаточно, поэтому педагог, «желая оказать воспитанникам некоторую материальную помощь и дать им возможность иметь здоровый и недорогой стол, исходатайствовал перед попечителем учебного округа разрешение на устройство в институте столовой для воспитанников на льготных условиях». Сначала воспитанники за столовую платили 7 руб. в месяц, с середины 1915 г. — 8, а в 1916 г. — 13,5 руб. В то же время в 1916 г. плата за обучение для самокоштных учеников института составляла 40 руб. в год, но со второй половины 1916/17 учебного года все самокоштные воспитанники были зачислены казенными стипендиатами²³.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении исследователей источники свидетельствуют о том, что учреждение большого числа стипендий (казенных, местных властей, общественных, частных) позволяло значительной части их воспитанников получить образование бесплатно с последующей отработкой лет получения

стипендии. Но несмотря на помощь государства, общественных организаций и частных лиц, значительная часть учеников средних специальных и профессиональных учебных заведений все равно находилась фактически за чертой бедности в силу принадлежности их родителей к малообеспеченным слоям населения. Об этом говорилось, в частности, в отчете Омской учительской семинарии за 1898 г.: «Все воспитанники, за исключением единичных случаев, дети родителей совершенно бедных, которые не только не в состоянии оказать им какой-либо материальной помощи, но даже иногда... живущих своими семьями на 10-рублевую стипендию своих сыновей-семинаристов». Педагоги отмечали, что воспитанники зачастую питаются лишь хлебом и чаем, подрабатывают «грошовыми уроками, прислуживанием в церкви за плату в несколько копеек... Холод, теснота и испорченный воздух, слабое освещение, плохое и малое питание — обыкновенные явления в домашней жизни воспитанников. Эти условия являются главными причинами заболеваний воспитанников»²⁴. Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия влекли за собой многочисленные физические болезни школьного юношества, а ослабленное здоровье являлось благоприятной почвой для формирования кризисных настроений в среде учащейся молодежи. Поэтому в 1904 г. педагогический совет Омской учительской семинарии вынужден был констатировать: «В общем материальная необеспеченность этих молодых людей, занятых кроме прямых обязанностей еще даванием уроков и пр., ...отражается на всем складе их жизни... У юношей замечается какое-то недовольство жизнью, некоторая переутомленность»²⁵.

На нужды учащихся часто обращали внимание общественности и местные газеты. Например, в мае 1910 г. в газете «Омский телеграф» сообщалось об исключении 2 учеников из Омской учительской семинарии за невзнос платы за обучение. Особо отмечалось, что «многие из воспитанников этого училища, благодаря крайней недостаточности материальных средств, вынуждены жить на пище святого Антония»²⁶. В томской газете «Сибирская жизнь» в декабре 1913 г. указывалось, что организаторами вечера в пользу малообеспеченных учеников — детей служащих Сибирской железной дороги — получено около 200 прошений о выдаче пособий на сумму 10 тыс. руб. Из них более 100 прошений

учащихся средних и низших учебных заведений было удовлетворено²⁷.

На страницах сибирской периодической печати содержится немало сведений и о материальном положении студентов томских вузов. Кроме того, важными источниками, на основании которых может быть проведен анализ условий жизни и быта студенческой молодежи, являются ежегодно публиковавшиеся отчеты о состоянии и деятельности вузов; материалы студенческих переписей; материалы фондов учебных заведений, содержащие прошения об оказании материальной помощи; сведения, размещаемые на страницах студенческих периодических изданий; воспоминания.

Величина студенческого бюджета определяла отнесение его владельца к одной из трех категорий: «неимущие», «среднеобеспеченные», «обеспеченные». Такой принцип разделения студенчества в зависимости от материального положения был предложен профессором Н.Х.Бунге, который в 1872 г. провел первую в России перепись студентов Киевского университета с целью выяснения их материального положения²⁸. В дальнейшем подобные переписи проводились в различных университетских городах. В Томске эта работа была проделана студентами под руководством преподавателя местного университета М.Н.Соболева в 1901 г.

По полученным в ходе переписи данным доход студентов университета и технологического института колебался в пределах от сумм менее 50 руб. до сумм более 500 руб. При этом в Томском университете подавляющее большинство опрошенных студентов (77,3%) имело доход от 50 до 200 руб. В Томском технологическом институте амплитуда отклонений от среднего уровня достатка была больше, и здесь доля относительно более обеспеченных (с доходом от 200 руб. и выше) составляла около 40%, тогда как в университете таких студентов было чуть больше 20%. Однако подавляющее число студентов обоих вузов довольствовалось суммой менее 300 руб. А исследование М.Н.Соболева показало, что при годовом доходе около 100 руб. студенты находились за чертой бедности, около 200 руб. — еле сводили концы с концами, экономя на всем, и только доход в 300—400 руб. позволял существовать сравнительно нормально.

Таким образом, согласно данным проведенной переписи преобладающей категорией в Томском университете были малообеспеченные студенты (52,2%), к среднеобеспеченным относилось 42%, и только 6% могли считаться полностью обеспеченными. Основной причиной сложившейся ситуации в значительной степени являлось то, что среди заполнивших анкеты было 57,4% семинаристов. В Томском технологическом институте преобладали представители средних городских слоев и выходцы из купечества (57,2%). Поэтому здесь соотношение категорий было иным: 37% составляли «несостоятельные» студенты, среднеобеспеченных было 50%, а высокообеспеченных — 13%²⁹.

Одной из самых крупных статей расхода в достаточно скудном у большинства студентов бюджете была плата за обучение в высшем учебном заведении. В Томском университете и Томском технологическом институте она составляла около 100 рублей в год, делясь на плату в пользу вуза (50 рублей) и гонорарную плату в пользу тех профессоров, чьи занятия студенты посещали.

По существовавшим правилам от взноса платы могли освободиться не более 15% студентов, обучение которых оплачивало государство. Кроме освобождения от платы студенты могли рассчитывать на получение стипендий, пособий или ссуд. Они выдавались как из средств казны, так и из благотворительных сумм.

Количество и размер казенных стипендий в томских вузах с течением времени, по сути, не менялись, составляя в начале XX в. 50 стипендий в технологическом институте и 20 в университете по 300 руб. каждая. Согласно Правилам для студентов казенные стипендиаты Томского университета должны были отработать в Сибири 1,5 года за каждый год пользования стипендией или возратить всю сумму в случае прекращения обучения в университете³⁰. Пользование частными стипендиями таких обязательств не накладывало, но некоторые стипендии учредители тоже предоставляли на особых условиях. В частности, стипендии Переселенческого управления, которые предназначались для ряда студентов медицинского факультета университета, должны были отрабатываться стипендиатами в переселенческих организациях из расчета 1 год работы за 1 год пользования стипендией³¹.

Томский университет как первый сибирский вуз пользовался особо большой поддержкой благотворителей. Многие студенты

получали также стипендии городских и общественных управлений, стипендии казачьего войска и т.д. В 1913 г., например, в Томском университете существовало 145 стипендий различных видов³². Помимо стипендий студенты могли получать пособия и ссуды, причем последние подлежали возврату. Всего же в 1909/10 учебном году в университете освобождением от платы за обучение, стипендиями, пособиями и ссудами пользовались 379 студентов в первом полугодии и 342 студента во втором полугодии. При этом общая сумма помощи студентам составила 55 424 руб. 73 коп., то есть при общем количестве обучающихся 1 088 человек на одного студента приходилось 50 руб. 94 коп.³³

В Томском технологическом институте, где поддержка благодетелей была не столь существенна, меньшей была и общая сумма стипендий и пособий. В 1909/10 учебном году она составляла 35 931 руб. 94 коп. В институте обучалось больше студентов (1 474 человек), поэтому на одного обучавшегося здесь приходилось всего 24 руб. 37 коп.³⁴ Бедственное материальное положение значительной части студентов технологического института было одной из причин их активного участия в забастовочном движении.

Стипендии, пособия и ссуды были не только средством материальной поддержки студентов, но и тем инструментом, с помощью которого правительство рассчитывало обеспечить их политическую лояльность. Основными условиями получения стипендии были хорошая успеваемость и примерное поведение. С 1907 г. по правилам Министерства народного просвещения казенная стипендия выдавалась только тем студентам, кто имел успеваемость не менее 4,5 баллов. В Томском технологическом институте претендент на казенную стипендию должен был иметь не менее 12 зачетов в течение года, на пособие — не менее 8. За несоблюдение правил поведения студенты лишались государственной поддержки. Так, в 1908 г. в телеграмме министра народного просвещения, направленной Совету Томского технологического института в связи со студенческими волнениями, предлагалось прекратить выдачу стипендий всем студентам, голосовавшим за забастовку³⁵. Часть студентов Томского университета была лишена стипендий в 1910 г. за участие в бойкоте профессора Михайловского, а в 1912 г. — за неявку на занятия в годовщину смерти Л.Н.Толстого³⁶.

С усилением студенческих волнений в 1911 г. министр народного просвещения Л.А.Кассо сократил годичный срок освобождения от платы за обучение до половины года, чтобы пресечь использование этой льготы «нарушителями порядка» и усилить контроль за «неблагонадежными» студентами³⁷. Кроме того, в 1913 г. Министерство народного просвещения фактически узаконило необходимость предоставлять для получения материальной помощи свидетельство о благонадежности от полицейского управления, хотя этого и не требовалось согласно правилам о назначении стипендий и пособий. Теперь сведения о благонадежности должны были собираться полицией у квартирных хозяев и педелей (низших служащих вузовской инспекции. — *О.И.*), затем поступать в канцелярию начальника губернии, а он направлял их администрации высших учебных заведений. В результате в Томском университете из-за ложного сообщения педелей о сходке многие студенты осенью 1913 г. стипендии не получили. Она была выдана после долгого разбирательства и только с согласия губернатора³⁸.

Стремление властей поставить материальную поддержку студенчества в зависимость от его политической благонадежности приводило к тому, что в годы студенческих волнений поддержка вузовской молодежи из средств государственного казначейства резко сокращалась. Так, анализ ежегодных отчетов о состоянии Томского университета показывает, что в связи с волнениями 1911 г. помощь государства студенчеству сократилась, и в 1911—1914 гг. на одного студента приходилось уже только около 17 руб. ежегодно.

Данные выплаты могли позволить части студентов получить образование, но они не могли поддержать всех нуждавшихся. В силу недостатка средств значительное количество просьб об оказании материальной помощи отклонялось. Например, в 1913 г. Комитетом по студенческим делам Томского технологического института было рассмотрено 230 прошений о назначении казенных стипендий, предоставлении бесплатных мест и выдаче единовременных пособий для взноса платы за обучение. Из всех рассмотренных ходатайств 78 было отклонено³⁹. Отчеты учебных заведений свидетельствуют о том, что в Томском университете из

70% нуждавшихся студентов материальную помощь получали только 44%, в технологическом институте — 23%.

В силу этого значительное количество студентов ежегодно исключалось из вузов за неоплату обучения. Так, по данным сибирской печати из Томского технологического института по этой причине было исключено в январе 1910 г. 300 человек, в январе 1911 г. — 250, в 1915 г. — 77⁴⁰. В Томском университете из-за привлечения большого количества благотворительных средств до 1916 г. студенты, не имевшие возможности самостоятельно оплатить обучение, не отчислялись. Но резкое падение уровня жизни в связи с Первой мировой войной привело к тому, что в 1916 г. из университета за невзнос платы были исключены 24 человека⁴¹.

Отчисление воспитанников высших учебных заведений по указанным причинам воспринималось ими как действие властей, направленное на удаление из высшей школы самых бедных, а следовательно, и самых недовольных студентов. Исключения студентов зачастую вызывали проявления корпоративной солидарности и провоцировали активные проявления протеста, поэтому желаемого эффекта успокоения молодежи эта мера не имела. Объясняя подобное поведение студентов, журнал «Сибирские вопросы» писал: «Странно требовать, чтобы люди безропотно шли на дно: они непременно станут бороться с теми, кто их туда толкает»⁴².

Увеличение в составе томского студенчества доли выходцев из малообеспеченных слоев общества приводило к тому, что количество нуждающихся студентов постоянно возрастало. Особенно тяжелым стало материальное положение вузовской молодежи после принятия правительством ряда репрессивных мер в ответ на студенческие волнения 1910—1911 гг. По данным опроса, проведенного в 1910 г. среди студентов-омичей, получавших образование в различных вузах страны, студент для поддержания своего существования должен был иметь не менее 30 рублей в месяц. Но неимущие студенты, самостоятельно обеспечивавшие себя, могли заработать уроками 10—15 рублей в месяц, что не соответствовало даже прожиточному минимуму⁴³. В журнале «Сибирские вопросы» в 1911 г. отмечалось, что русское студенчество всегда было малообеспеченным, но в последнее время лишения достигли предела. Журнал связывал это с деятельностью министра народного

просвещения Шварца, который предоставил право проведения благотворительных вечеров только студентам-академистам (т.е. членам проправительственных студенческих организаций. — *О.И.*), хотя именно средства, полученные от устройства вечеров, поддерживали значительную часть необеспеченных студентов⁴⁴. Об этом же свидетельствовала заметка, помещенная в газете «Омский телеграф» в феврале 1911 г. В ней сообщалось о том, что на заседании общества вспомоществования учащимся томских вузов решено было отложить выдачу ссуд студентам, так как в этом году не было концерта, и в кассе общества имеется всего 300 руб., а прошений подано на 2,5 тыс. руб.⁴⁵

Зачастую не имея возможности жить на средства родителей, многие представители вузовской молодежи вынуждены были зарабатывать на жизнь самостоятельно, совмещая при этом учебу с работой. Так, согласно переписи М.Н.Соболева в осеннем семестре 1901 г. из числа опрошенных 392 студентов университета 213 подрабатывали, давая уроки, участвуя в церковном хоре или работая в различных учреждениях. При этом среднемесячный заработок работающих студентов составлял 22 руб. 38 коп., а среднее число рабочих часов в неделю достигало 18,7. Некоторые виды подработок отнимали у студента по 5 часов в день, что было несовместимо с учебой. В технологическом институте (по неполным данным) из 202 опрошенных работали 89 человек, и среднемесячный заработок составлял 17 руб. 31 коп.⁴⁶

Возможность же получения заработка студентами в Томске была довольно затруднительна. Учитывая большое количество ищущих работу (например, в 1908 г. ректор Томского университета отмечал, что большинство студентов содержит себя самостоятельно⁴⁷) и малое количество вакансий, студенты соглашались на низкооплачиваемый труд, такой как репетиторство, получая при этом в среднем 20 копеек в час⁴⁸. Совмещать копеечные заработки с учебой в институте было невозможно, поэтому многих студентов отчисляли не только за неуплату, но и за превышение срока пребывания в вузе. Высокооплачиваемая работа была редкостью. В частности, студенты медицинского факультета Томского университета, выезжавшие в Маньчжурию на борьбу с чумой, получали 300 рублей подъемных и 300 рублей жалованья ежемесячно⁴⁹.

Но подобные источники доходов были скорее исключением, нежели правилом.

При этом значительное число студентов снимало жилье, плата за которое колебалась от 5 до 18 руб. в месяц. Некоторые студенты при опросе 1901 г. детально указывали статьи своих расходов. Например, один из студентов Томского университета, получая доход 88 руб. за 3 месяца, отмечал, что квартира ему обходится в 6 руб. в месяц, обед — 5 руб., чай, сахар, хлеб — 3 руб., баня и стирка белья — 1 руб. 25 коп., освещение — 45 коп., мелкие расходы составили 1 руб. 50 коп. То есть всего в месяц на самое необходимое уходило 17 руб. 20 коп.⁵⁰ Примерно такой же была структура расходов томских студентов и в предшествующий период. Так, согласно воспоминаниям Л.И.Рубинштейна, бывшего в числе студентов-медиков Томского университета первого набора, в 1888 г. снять в городе комнату со столом стоило 12 руб. в месяц, проживание в общежитии с питанием обходилось дешевле — 10 руб. в месяц⁵¹. Пожалуй, 15—17 руб. в месяц и были нижней планкой ежемесячных расходов томского студента. Средняя же величина расходов составляла у студентов университета — 22 руб. 25 коп., технологического института — 25 руб. 53 коп. в месяц⁵². Но не все воспитанники томских вузов могли позволить себе даже такие траты.

Согласно сведениям опрошенных в 1901 г. 338 студентов университета и 180 студентов технологического института (в это число не вошли живущие у родителей и женатые студенты), многие из них существовали на гораздо более скромные суммы — среди студентов томских вузов преобладали те, чьи ежемесячные расходы не превышали 16—25 руб. При этом число необеспеченных было выше в университете, а количество студентов, которые могли позволить себе тратить более 30 руб. в месяц, — в технологическом институте.

Материальную помощь студентам оказывали благотворители, общества вспомоществования учащимся вузов, однако она была явно недостаточна, поэтому в среде студенчества создавались собственные экономические организации. Наиболее значимыми среди них были землячества, которые формировали свои средства за счет устройства вечеров, сбора членских взносов и пожертвований. Основное место в деятельности землячеств занимала

материальная взаимопомощь через выдачу ссуд, покупку учебных книг и т.д. Например, по данным газеты «Омский вестник», Омское землячество в Томске за 5 лет своего существования выдало ссуд на 2 798 руб. 81 коп.⁵³

Другой формой объединения студентов с целью финансовой поддержки в начале XX в. стали кооперативы. Так, в 1909 г. журнал «Сибирский студент» сообщал, что в технологическом институте студенческий технический кружок открыл свою лавку по продаже канцелярских принадлежностей. К 1914 г. ее оборот составил 15 тыс. руб. в год⁵⁴. Кооперация могла улучшить материальное положение части студенчества, но широкого распространения она не получила. В 1910 г. в Томске разрабатывался устав студенческого кооператива, в который должны были войти студенты всех вузов города, однако данный устав не был утвержден Министерством народного просвещения. Власти опасались объединения студентов, и поэтому смешанные студенческие организации, включавшие в себя учащихся из разных учебных заведений, не допускались⁵⁵.

В 1916 г. группе студентов Томского университета также не было разрешено учредить потребительскую лавку на кооперативных началах. Проректор университета отказал студентам на основании того, что «существование томского студенчества следует признать довольно благоприятным», поскольку малообеспеченные студенты ежегодно пользуются казенными и частными стипендиями, пособиями, ссудами, получают пособия от Общества вспомоществования учащихся, землячеств либо обеспечивают себя репетиторством. Поэтому проректор, правда, оперируя данными предвоенного периода, утверждал: «Всякий действительно нуждающийся студент имеет полную возможность сносно устроить свою жизнь на время прохождения им университетского курса. И если, несмотря на это, некоторые из них, вдобавок совместно со студентами технологического института, задаются идеей учреждения данного кооперативного общества, надо полагать, в этом случае ими руководят интересы более научного или общесоциального характера, чем материальная необеспеченность. А, кроме того, говоря вообще, считаю положительно несовместимым высокое звание студента с торгашескими занятиями»⁵⁶.

Тем не менее, правительство все же в ряде случаев шло на уступки в отношении организации студенческих экономических обществ. Так, в 1915 г. при Обществе вспомоществования учащимся вузов г.Томска открылось студенческое страховое агентство, в котором студенты работали агентами, а прибыль, полученная от заключенной сделки, делилась поровну между агентом и Обществом вспомоществования⁵⁷.

Сибирская печать из года в год помещала заметки о материальной нужде многих томских студентов. «Томское студенчество никогда, быть может, не переживало такого тяжелого кризиса»,— писала газета «Сибирская жизнь» в конце 1913 г.⁵⁸ В начале 1914 г. в той же газете появилась заметка следующего содержания: «Заставьте попробуйте студента-немца или француза пройти в русский мороз в таком пальтишке, в каком русский студент ходит., покормите-ка их “обедом” за 6 копеек... Ни один студент в мире не живет так, как он»⁵⁹. Оценивая результаты проведенного в 1913 г. анкетирования среди томских студентов, журнал «Сибирский студент» отмечал: «Анкета... доказала, что студенчество переживает страшный кризис во всех отношениях... 80% студенчества состоит из трудового, демократического элемента общественных слоев и при всем желании не имеет бюджета, совершенно обеспечивающего его на время прохождения курса высших учебных заведений. Бюджет студента не более 15—25 рублей и нередко студент испытывает страшную нужду и доходит до нищеты. Данные анкеты показывают, что томские студенты, в количестве 75%, не могут найти заработка при всей своей нужде в нем»⁶⁰.

Для облегчения поиска работы с октября 1913 г. в Томске было открыто студенческое бюро труда, куда за полгода обратился 161 студент, 57 из них были трудоустроены. Студентам предлагалось работать репетиторами, чертежниками, комиссионерами, оспопрививателями и т.п.⁶¹ Средний заработок при этом составлял 12 руб. в месяц, что тоже не соответствовало даже прожиточному минимуму. С целью оказания материальной поддержки нуждавшимся студентам в Томске действовала и студенческая столовая, обед в которой стоил около 15 коп. В 1914 г. ее ежедневно посещали свыше 800 человек. Наименее обеспеченным студентам выдавались абонементы на бесплатные обеды (например, в сентябре и октябре 1914 г. их получили 82 человека)⁶². Кроме того, при

Томском университете действовало и студенческое общежитие, где плата за проживание была ниже, чем на частных квартирах, но рассчитано оно было только на 75 человек⁶³.

Резкое вздорожание стоимости жизни в годы Первой мировой войны привело к еще более значительному ухудшению материального положения томской вузовской молодежи. С ростом цен даже в дешевой студенческой столовой стоимость обеда возросла до 20—30 коп. в 1915 г. и 40 коп. в 1916 г.⁶⁴ В связи с массовым притоком беженцев до 10—15 руб. в месяц увеличилась и стоимость самого дешевого жилья⁶⁵, а студенческое общежитие было закрыто и передано для военных нужд. Газета «Утро Сибири» отмечала: «Ныне студенты особенно страдают от дороговизны: приличный обед около 15 рублей (в месяц. — *О.И.*), очень вздорожали комнаты. Чтобы прожить, нужно ежемесячно не менее 50 рублей, а нормальный студенческий бюджет — 25—30 рублей в месяц»⁶⁶. «Сибирская жизнь» в 1916 г. сообщала, что «нужда молодежи возросла до крайности. Только одних прошений о ссудах в Общество вспомоществования поступило на 2 754 рубля», «нужда среди учащихся огромна. Нет средств не только на обучение, но и на жизнь»⁶⁷. В этих условиях все больше студентов вынуждены были искать заработок, но предложений со стороны работодателей было мало. В 1916 г. студенческое бюро труда впервые организовало подраздел физического труда, отмечая, что «до нынешнего года нужда студенчества не доходила до такой степени»⁶⁸.

Учитывая рост материальной необеспеченности вузовской молодежи в годы войны и снижение размеров благотворительной помощи, правительство предприняло ряд мер для предупреждения студенческих выступлений. В первую очередь была увеличена помощь студентам из государственных средств. Так, анализ сведений, содержащихся в ежегодных отчетах о состоянии Томского университета, показывает, что в 1916 г. выплаты из средств казны и благотворителей здесь составили 59 руб. 40 коп. в расчете на одного студента, тогда как в 1911—1914 гг. эта сумма не превышала 17 руб. По представлению министра народного просвещения Совет министров в 1916 г. выделил 17 900 руб. в качестве пособия на содержание студенческих столовых в Варшавском, Юрьевском и Томском университетах⁶⁹. Смягчены были

и требования к претендентам на стипендию. Например, в 1916 г. Комитет по студенческим делам в Томском технологическом институте предоставил «не имеющим 12 зачетов, но заслуживающим пособия» студентам 40 казенных стипендий, выделил 16 бесплатных мест и 14 пособий для взноса платы за обучение⁷⁰.

Следует отметить, что и сама плата за обучение в вузах в 1916 г. была значительно снижена в связи с отменой гонорарной платы, которая вносилась студентами в пользу профессоров. Соответственно, в Томском университете и Томском технологическом институте плата за обучение сократилась до 50 руб. в год, а частные стипендии возросли на 20—25 руб.⁷¹ Параллельно с этим увеличилось и число студентов, обучавшихся бесплатно. Так, согласно распоряжению Министерства народного просвещения студенты, уходящие на войну, по усмотрению руководства вуза освобождались от платы за обучение, и за ними сохранялась стипендия⁷². Советы вузов, следуя правительственным циркулярам, не взимали плату с тех студентов, чьи родственники служили в действующей армии. И все же указанные меры не могли радикально изменить положение вузовской молодежи. Источники свидетельствуют о том, что катастрофический рост необеспеченности студенчества в годы войны наряду с отменой отсрочки по призыву студентов в армию стали основными причинами заметного подъема студенческого движения к началу 1917 г.

Примечания

¹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. Томск, 1909. С. 50—201.

² Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916. С. 168, 174.

³ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 236. Л. 30.

⁴ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТюМО). Ф. И-55. Оп. 1. Д. 5. Л. 10—11.

⁵ ГАТюМО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 201. Л. 72.

⁶ Сибирская жизнь. 1915. 31 марта.

⁷ ГАТюМО. Ф. И-55. Оп. 1. Д. 7. Л. 22—24, 56—57, 71—73, 105—108.

⁸ ГАИО. Ф. 63. Оп. 5. Д. 18. Л. 32.

⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. С. 70—81; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. С. 120—137.

- ¹⁰ ГАГюМО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Д. 39. Л. 33—34.
- ¹¹ Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 855. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
- ¹² Сибирская жизнь. 1915. 13 окт.
- ¹³ ГАКК. Ф. 855. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
- ¹⁴ ГАГюМО. Ф. И-92. Оп. 1. Д. 10. Л. 35—36.
- ¹⁵ Омский телеграф. 1911. 10 июля.
- ¹⁶ ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 3. Л. 124, 155.
- ¹⁷ Омский вестник. 1912. 13 окт.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. 640. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.
- ¹⁹ ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 9. Л. 51.
- ²⁰ ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 326. Л. 26.
- ²¹ Омский вестник. 1914. 19 июня.
- ²² Омский телеграф. 1916. 16 дек.; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. С. 300.
- ²³ ГАИО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 5. Л. 1—6, 16.
- ²⁴ Исторический архив Омской области (далее — ГУ «ИсА»). Ф. 115. Оп. 1. Д. 53. Л. 11—12.
- ²⁵ ГУ «ИсА». Ф. 115. Оп. 1. Д. 68. Л. 31—32.
- ²⁶ Омский телеграф. 1910. 19 мая.
- ²⁷ Сибирская жизнь. 1913. 10 дек.
- ²⁸ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 265.
- ²⁹ Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902. С. 7.
- ³⁰ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 494. Л. 72.
- ³¹ Омский вестник. 1912. 2 нояб.
- ³² Сибирский студент. 1914. № 2. Стб. 78.
- ³³ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. Томск, 1911. С. 37—38.
- ³⁴ Отчет о состоянии и деятельности Томского технологического института имени Николая II за 1909 г. Томск, 1910. Прил. IV—V.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 160.
- ³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 706. Л. 19; Оп. 201. Д. 200. Л. 16—17.
- ³⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 300.
- ³⁸ Сибирская жизнь. 1913. 30 нояб.
- ³⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2852. Л. 21.
- ⁴⁰ Омский вестник. 1910. 20 янв.; 1911. 12 янв.; Сибирская жизнь. 1915. 14 нояб.
- ⁴¹ Сибирская жизнь. 1916. 22 дек.
- ⁴² Сибирские вопросы. 1911. № 2—3. С. 76—77.
- ⁴³ Омский телеграф. 1911. 3 янв.
- ⁴⁴ Сибирские вопросы. 1911. № 2—3. С. 76—77.
- ⁴⁵ Омский телеграф. 1911. 16 февр.

- ⁴⁶ Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. С. 28—32.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2182. Л. 218.
- ⁴⁸ Рубинштейн Л.И. Воспоминания // Творчество. Юбилейный сборник. Томск, 1938. С. 79—86; Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. С. 28—30.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 486. Л. 9.
- ⁵⁰ Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. С. 43—44.
- ⁵¹ Рубинштейн Л.И. Воспоминания. С. 79—86.
- ⁵² Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. С. 37.
- ⁵³ Омский вестник. 1912. 10 июня.
- ⁵⁴ Сибирский студент. 1914. № 1. Стб. 48.
- ⁵⁵ Сибирский студент. 1915. № 3—4. Стб. 49—50.
- ⁵⁶ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1 Д. 686. Л. 226—227.
- ⁵⁷ Сибирский студент. 1915. № 3—4. Стб. 65—68.
- ⁵⁸ Сибирская жизнь. 1913. 29 дек.
- ⁵⁹ Сибирская жизнь. 1914. 8 февр.
- ⁶⁰ Сибирский студент. 1914. № 1. Стб. 43—44.
- ⁶¹ Сибирская жизнь. 1914. 21 февр.
- ⁶² Сибирская жизнь. 1914. 30 окт.
- ⁶³ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. С. 47.
- ⁶⁴ Сибирская жизнь. 1915. 28 апр.; 1916. 7 сент.
- ⁶⁵ Сибирская жизнь. 1916. 21 авг.
- ⁶⁶ Утро Сибири. 1916. 1 сент.
- ⁶⁷ Сибирская жизнь. 1916. 22 окт.; 16 дек.
- ⁶⁸ Сибирская жизнь. 1916. 24 нояб.
- ⁶⁹ Утро Сибири. 1916. 28 сент.
- ⁷⁰ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3199. Л. 68.
- ⁷¹ Сибирская жизнь. 1917. 28 янв.
- ⁷² Сибирская жизнь. 1915. 4 февр.

Глава 6

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА КОЛХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (конец 1920-х—1930-е гг.)

В 1930-е гг. в результате коллективизации в СССР была создана колхозно-совхозная система, которая на последующие десятилетия стала основным производителем продовольствия для населения и сельскохозяйственного сырья для промышленности. История колхозов имеет свои героические и трагические страницы, периоды взлетов и падений, динамичного развития и кризисов. Результаты деятельности колхозов, особенно в свете современного состояния сельского хозяйства России, можно оценивать с разных позиций. Тем не менее, неоспоримым остается тот факт, что в начале 1980-х гг. власть вынуждена признать наличие серьезных проблем в агропромышленном комплексе, что и нашло свое отражение в принятии Продовольственной программы СССР в 1982 г.

Безусловно, кризисное состояние сельского хозяйства в СССР в начале 1980-х гг. было обусловлено целым комплексом причин, которые исследовались в рамках разных отраслей научного знания. Так, известный экономист-аграрник, академик РАСХН В.В.Милосердов среди причин тяжелого состояния сельского хозяйства в XX в. называл потребительское отношение к нему руководства страны, некомпетентность руководства аграрной сферой, игнорирование при решении аграрных вопросов интересов тех, кто живет и работает в деревне¹.

Аграрная реформа 1990-х гг., сопровождавшаяся сменой форм собственности, приватизацией и разгосударствлением, сплошной фермеризацией, отказом государства от поддержки аграрного сектора и от колхозно-совхозной системы, не решила проблем, накопленных в сельском хозяйстве к концу XX в. Наоборот, в результате реформ 1990-х гг. «кризис аграрной экономики достиг такого размера, когда ее возрождение становится все менее вероятным и возможным»².

По мнению представителей управленческой науки, причины кризисного состояния экономики в современной России лежат в развале системы управления, в крайне низком, дилетантском

уровне культуры управления во всех сферах общественной жизни — от высших, государственных иерархических уровней до управления предприятиями, организациями и фирмами³.

Учитывая, что объективная оценка явлений действительности возможна только при условии рассмотрения их сквозь призму прошлого опыта, актуальным представляется рассмотрение системы и аппарата управления в аграрном секторе народного хозяйства в исторической ретроспективе. Понимая неосуществимость решения такой задачи в рамках одного исследования, ограничимся более узкими хронологическими и территориальными рамками, определим предмет и задачи исследования.

В центре внимания автора — изучение процесса становления и развития управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России с конца 1920-х до конца 1930-х гг.

Под аппаратом управления в современной науке понимается как система органов управления, совокупность организаций, обеспечивающих управление в той или иной области, так и совокупность работников (руководителей, специалистов, технических исполнителей) какой-либо организации, выполняющих управленческую работу⁴.

Одним из итогов коллективизации сельского хозяйства стало его огосударствление, что потребовало создания государственной системы управления колхозами. Это поставило перед нами задачу выявления основных звеньев этой системы, их места и роли в процессе управления колхозами, проблем в реализации управленческих функций, обусловивших определенное качество управленческой деятельности. Особое внимание уделяется региональному звену управления. Исследование аппарата управления колхозами в то же время предполагает и задачу анализа количественных и качественных характеристик руководящих кадров самих колхозов. В 1930-е гг. власть, являясь «не просто регулятором, но конструктором социальности»⁵, взяла под свой контроль процесс формирования управленческих кадров колхозов. Изучение этого процесса, успехи и проблемы на этом пути является третьей задачей, решаемой автором в исследовании.

Хронологические рамки исследования охватывают период российской истории с конца 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.). Именно в эти годы была осуществлена

коллективизация сельского хозяйства (1927—1939 гг.), сформировалась модель государственной системы управления колхозами. В некоторых случаях логика исследования потребовала обращения к документальному материалу начала 1920-х гг.

Европейский Север России — исторически сложившийся регион, включающий в настоящее время территорию Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, а также Республик Коми и Карелии. Территория Европейского Севера составляет 1 293,9 тыс. кв. км.

К началу изучаемого периода Европейский Север — это традиционно сельский регион, где аграрное производство являлось одной из основных отраслей экономики. Неблагоприятные природно-географические условия обусловили потребляющий характер сельскохозяйственного производства. В силу этого регион был отнесен лишь к третьей очереди коллективизации, что предопределило ее более медленные темпы. В 1930-е гг. в регионе активно развивалась лесная промышленность, которую колхозы были призваны обеспечить трудовыми, продовольственными и иными ресурсами. В промышленном отношении руководители региона позиционировали его как «всесоюзную лесопилку», «золотовалютный цех страны», в сельскохозяйственном — как «социалистическую фабрику по производству молока и мяса». Традиционная система расселения обусловила небольшие размеры колхозов и, исходя из этого, специфику управления коллективными хозяйствами.

Административно-территориальное деление региона в первой трети XX в. неоднократно менялось. До 1917 г. здесь существовали Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии⁶. К началу 1920-х гг. — ко времени завершения Гражданской войны — в регионе образовались Архангельская, Вологодская⁷, Северодвинская⁸, Череповецкая губернии⁹, Карельская трудовая коммуна и Коми автономная область. С 1929 по 1936 гг. на Европейском Севере РСФСР существовали две крупные административные единицы — Карельская АССР и Северный край.

Карельская автономная советская социалистическая республика (КАССР) с центром в г.Петрозаводск была создана 25 июля 1923 г. из Карельской Трудовой коммуны, существовавшей с 1920 г. После административной реформы в составе КАССР

насчитывалось 26 районов. В последующие годы число их сократилось до 18 районов в 1929 г. и вновь увеличилось до 26 в 1940 г. уже в рамках Карело-Финской ССР.

Карельская АССР располагалась на северо-западе СССР. Ее северная граница в 1920—1930-е гг. проходила почти по 68 параллели, южная — по 61 параллели. Территория КАССР составляла 146 тыс. кв. км (без учета внутренних вод Онежского и Ладожского озер, самых крупных озер в Европе). КАССР с севера на юг протянулась почти на 800 км, с запада на восток — 330 км. Часть территории республики находилась за Полярным кругом¹⁰.

27 мая 1938 г. была образована Мурманская область¹¹, к которой по мирному договору с Финляндией от 12 марта 1940 г. была присоединена часть полуострова Рыбачий. 31 марта 1940 г., после завершения советско-финляндской войны, 6-я сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о преобразовании Карельской АССР в союзную Карело-Финскую ССР (КФССР). В состав Карелии передавалась основная часть территории, отошедшей от Финляндии к СССР по мирному договору от 12 марта 1940 г., на которой были образованы 7 новых районов. В результате этого территория республики вновь увеличилась до 135, 8 тыс. кв. км, а количество районов до 26¹¹. Карело-Финская ССР просуществовала до 16 июня 1956 г., после чего снова была преобразована в Карельскую АССР.

Северный край с центром в г.Архангельск был создан 14 января 1929 г. в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области. Коми (Зырян) автономная область была образована 22 августа 1921 г. В 1929—1930 гг. в составе Северного края насчитывалось четыре округа: Архангельский, Вологодский, Няндомский и Северо-Двинский, а также автономная область Коми (Зырян). В июле 1929 г. из состава Архангельского округа и Коми АО была выделена тундровая полоса в качестве особого национального Ненецкого (или Самодедского) округа. Таким образом, в Северном крае оказалось пять округов. В июле 1930 г. округа в Северном крае были упразднены как «лишнее передаточное звено», и установлена административно-территориальная система: край — район — сельсовет. Права автономной области Коми и Ненецкого национального округа сохранялись в полном объеме¹³.

Северный край занимал северо-восточный угол европейской части СССР. В грубых контурах поверхность края представляла собой равнину между Уральским хребтом и последними отрогами Балтийского щита, протяженностью в 1 000 км по долготе и широте. По грунтовым трактам протяженность Северного края составляла с севера на юг 1 700 км, с запада на восток — 2 000 км. Площадь Северного края вместе с островами Ледовитого океана (Земля Франца-Иосифа, Новая земля, Вайгач, Колгуев и др.) составляла 1 118 тыс. кв. км, без островов — около 1 млн. кв. км.¹⁴

В 1936 г. на базе Северного края была образована Северная область, из состава которой 5 декабря 1936 г. выделилась Коми автономная область, преобразованная в Коми АССР. 23 сентября 1937 г. из Северной области были созданы Архангельская и Вологодская области. В состав последней вошли и 18 восточных районов Ленинградской области, входившие ранее в Череповецкую губернию, затем Череповецкий округ Ленинградской области, а также 4 района бывшего Лодейно-Польского округа Ленинградской области.

Важнейшим условием всестороннего исследования поставленной в главе проблемы является формирование адекватной источниковой базы, позволяющей осветить разные стороны интегрирующего нас исследуемого явления.

Источниковая база исследования включает как опубликованные материалы, так и неопубликованные архивные документы, извлеченные из фондов федерального (РГАЭ) и региональных архивохранилищ (ГААО, ОДСПИ ГААО, ГАВО, ВОАНПИ, НА РК). Большинство опубликованных материалов достаточно давно введено в научный оборот. Исключение составляют серии документальных сборников документов, вышедшие в последние годы. Прежде всего, речь идет о пятитомном издании, подготовленном коллективом российских и зарубежных историков под редакцией В.П.Данилова «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы»¹⁵. Вторая по значимости для настоящего исследования серия — «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1919—1939. Документы и материалы», также подготовленная коллективом российских и зарубежных историков под редакцией А.Береловича и В.П.Данилова¹⁶. Количество документов, отражающих в этих сборниках

систему управления колхозами непосредственно на Европейском Севере России, очень невелико. Но документы по другим регионам позволяют рассматривать процессы, происходившие на севере, в контексте всей страны. Кроме того, в сборниках опубликованы ранее закрытые материалы совещаний в ЦК ВКП(б) по вопросам сельского хозяйства, что позволяет проследить усилия партийной власти по формированию соответствующего ее представлений управленческого аппарата колхозов. Недостаток документов по Северу в упомянутых выше сериях отчасти компенсируется сборниками документов, подготовленных коллективами историков и архивистов Карелии¹⁷.

Для систематизации выявленных источников используем традиционные классификационные схемы.

Важное значение для понимания выработки требований власти к управленцам колхозной системы в целом и руководящему звену колхозов в особенности имеют **речи и выступления лидеров партии и государства** (И.В.Сталина, Я.А.Яковлева, Л.М.Кагановича и др.), партийных и советских руководителей исследуемого региона (В.Иванова, Д.Конторина, Г.Огородникова и др.). Они позволили увидеть не только процесс формирования системы управления колхозами, но и требования, предъявляемые к аппарату управления колхозами. Речи и доклады местных партийных и советских руководителей важны еще и потому, что подспудно отражают стиль и методы управления, бытовавшие в те годы на региональном уровне, образцы которых, безусловно, заимствовались и управленческим аппаратом колхозов.

Из нормативных документов (законодательные акты, постановления, резолюции, решения, инструкции, положения, уставы и др.) партийных, государственных и хозяйственных органов, структурных подразделений их аппаратов, которые по уровню принятия решений подразделяются на центральные и местные¹⁸, особый интерес представляют постановления и решения партийных органов, направленные на формирование компетентного и лояльного к власти аппарата, обеспечение его стабильности.

Делопроизводственные документы включают организационно-распорядительную документацию (стенограммы, протоколы), плановые документы, деловую переписку (письма, телеграммы, докладные и аналитические записки, обоснования,

заключении, рецензии и др.) и информационно-отчетные документы (отчеты, доклады, справки, информации и др.). Для характеристики управленческого аппарата колхозной системы и колхозов особенно ценны документы партийных органов, которые не просто венчали пирамиду управления, а составляли ее «костяк». Особое значение имеют информационные и докладные записки инструкторов партийных комитетов, а также уполномоченных партийных комитетов и исполкомов, направляемых в районы и колхозы для контроля над ходом сельскохозяйственных кампаний. Хотя их отличает определенная идеологическая заданность, в совокупности с другими документами они позволяют составить достаточно достоверную картину состояния колхозов, их управленческого аппарата, выявить проблемы в системе и процессе управления.

Стенограммы совещаний при партийных и земельных органах по вопросам сельского хозяйства, в отличие от аналитических и информационных записок, но с учетом процесса составления стенограммы, позволяют услышать «живые» голоса колхозных управленцев, они в наибольшей степени приближены к человеку эпохи.

Помимо документов партийных органов были использованы блоки делопроизводственной документации различных ведомств, являвшихся звеньями системы государственного управления колхозами и отвечавших за их состояние — колхозных органов (Колхозцентра, колхозсоюзов), земельных органов (Наркомата земледелия, земельных управлений), контролирующих органов — рабоче-крестьянской инспекции и репрессивных органов — ОГПУ-НКВД.

Особый интерес представляют материалы обследований колхозов специальными комиссиями в составе представителей районных (областных, краевых) партийных и советских органов. Как правило, подобные проверки были реакцией власти на заявления колхозников на имя региональных (республиканских, союзных) партийных и советских лидеров о негативных явлениях колхозной жизни, и прежде всего о неудовлетворительном качестве управленческой деятельности колхозных руководителей.

Отдельную группу составляет переписка ударников сельскохозяйственного производства с партийными комитетами и земельными

отделами. Это своего рода письма-анкеты, в которых содержатся ответы на вопросы, поставленные властными структурами, о состоянии дел в колхозах, в том числе и о качестве колхозного руководства.

Представление о количественных и качественных параметрах колхозных управленцев позволили составить **статистические источники**. Материалы Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. содержат сведения о количестве разных категорий управленцев, их образовательном уровне, гендерном балансе. Материалы разработок сводных годовых отчетов колхозов позволяют анализировать половозрастную структуру управленческого аппарата колхозов, партийность, время нахождения на руководящем посту, расходы на содержание аппарата. Исследователи, анализирувавшие этот вид источников, подчеркивают высокий уровень его репрезентативности¹⁹. Представляют интерес и учетные карточки на председателей колхозов Северного края за 1935 г., которые помимо сведений личного характера (возраст, партийность, грамотность, социальное происхождение, семейное положение и т.д.), содержат информацию об экономических параметрах конкретного колхоза. К сожалению, незначительное количество учетных карточек, выявленных в архивном фонде Северного краевого земельного управления, позволяет использовать их только в качестве иллюстративного материала.

Важную группу источников составили материалы **периодической печати** — журналы, издававшиеся в 1930-е гг. в Северном крае и Карельской АССР. Несмотря на идеологическую ограниченность этих изданий, они дают интересный и разнообразный материал о проблемах в системе управления колхозами, среди управленческого аппарата как государственных структур, осуществлявших руководство колхозами, так и непосредственно в самих колхозах, в рамках принятой тогда и допускаемой цензурой «критики и самокритики».

Наличие широкой источниковой базы и всего комплекса изученной литературы позволяет решить задачи исследования в достаточно полном объеме, а также убеждает нас в сложности и масштабности заявленной темы.

Примечания

¹ Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России — XX век. М., 2002. С. 9.

² Там же. С. 8.

³ Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: Учебник для вузов. М., 2004. С. 3—4.

⁴ Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 48.

⁵ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. М., 2000. С. 92. См. также: Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001; Технологии власти (философско-политический анализ). М., 1995.

⁶ Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии были созданы указом Павла I от 12 декабря 1796 г. из Архангельского, Вологодского и Олонецкого наместничеств. См.: Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX вв.: Справочник. Архангельск, 1997. С. 29, 62, 71.

⁷ После выделения пяти уездов из Вологодской губернии во вновь образованную Северо-Двинскую губернию в ней остались пять западных и юго-западных уездов: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский. В 1919 г. к Вологодской губернии был присоединен Каргопольский уезд бывшей Олонецкой губернии. В 1924 г. Грязовецкий уезд был ликвидирован, а составлявшие его волости отошли к Вологодскому уезду.

⁸ Северо-Двинская губерния создана в июне 1918 г. из пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии: Никольского, Велико-Устюгского, Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского.

⁹ Череповецкая губерния была создана в июле 1918 г. из пяти северо-восточных уездов бывшей Новгородской губернии: Белозерского, Кирилловского, Тихвинского, Устюженского, Череповецкого. В 1927 г. территория Череповецкой губернии вошла в качестве Череповецкого округа в состав Ленинградской области.

¹⁰ Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997. С. 11.

¹¹ Ранее входила в качестве Мурманского округа в Ленинградскую область.

¹² Неизвестная Карелия. 1921—1940. Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск, 1997. С. 344.

¹³ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области... С. 113—114.

¹⁴ О советском хозяйственном и культурном строительстве Северного края. Материалы к докладу Севкрайисполкома на 4-й сессии ВЦИК 15-го созыва. Декабрь 1933 г. Архангельск, 1933. С. 3.

¹⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000; Т. 4. 1934—1936. М., 2002.

¹⁶ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. 1930—1934 гг. Кн. 2. 1932—1934 гг. М., 2005.

¹⁷ Народное хозяйство Карелии. 1926 г. — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940. Петрозаводск, 1997.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 1898—1971. Т. 5. М., 1984; Т. 6. М., 1985; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1929—1937. М., 1929—1937, Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929—1937. М., 1929—1937.

¹⁹ Мошков Ю.А. Годовые отчеты колхозов 1930-х годов — ценнейший источник по истории развития колхозной системы в СССР // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 136—139.

Глава 7

ДОКУМЕНТЫ ОБЛАСТНЫХ АРХИВОВ О СОСТОЯНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ханты-Мансийский национальный округ в годы войны занимал территорию площадью 57 500 тыс. га с населением более 90 тыс. человек, 52 советами, 298 колхозами¹. Сельскохозяйственное производство в довоенный период в округе было создано исключительно трудом ссыльных крестьян, которые в условиях, неблагоприятных для земледелия и кормопроизводства, заложили основы общественного сельского хозяйства в регионе.

Развитие сельскохозяйственного производства в районах, малопригодных, а подчас и вовсе непригодных с природно-климатической стороны для аграрного сектора, является феноменальным явлением в истории мировой сельскохозяйственной практики и нуждается в изучении и осмыслении. Изучение истории сельскохозяйственного развития ХМНО в годы войны является актуальным еще и потому, что до настоящего времени не создано ни одной комплексной работы по данной проблеме.

Автором в течение последних пяти лет осуществляется исследование истории аграрного развития округа в годы Великой Отечественной войны. Опубликованы статьи, тезисы докладов, разделы в коллективных монографиях, данное исследование вступает в завершающую стадию и должно стать первой обобщающей и комплексной работой по указанной теме в отечественной историографии. Объект исследования — формирование экономики мобилизационного типа в годы Великой Отечественной войны в ХМНО. Исторический опыт титанической деятельности миллионов масс по эффективной перестройке экономики уникален и поучителен в мировой истории, его уроки имеют неопределимое значение для исторического воспитания людей и преобразований в современных условиях России. Предмет исследования — сельское хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы

Великой Отечественной войны (1941—1945). Территориальные рамки исследования охватывают ХМАО в его современных границах. Хронологические рамки исследования распространяются на период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.). Научная новизна предпринятого исследования обусловлена рядом признаков: представлена попытка комплексного исследования проблем аграрного развития территории в период 1941—1945 гг., что не предпринималось отечественными учеными; выявлены особенности проведения аграрных мероприятий; вскрыты проблемы развития отраслей сельскохозяйственного производства; введен в научный оборот новый корпус документальных источников, извлеченных из фондов архивов различных уровней.

В данной публикации автор представляет обзор источников, извлеченных из государственных архивов Омской и Тюменской областей.

С января 1935 г. по август 1944 г. округ находился в составе Омской области, поэтому большое число документов хранится именно в Омске. Документы казенного учреждения «Исторический архив Омской области» представлены фондами объединенных архивов: партийного и государственного. Фонд Омского Облисполкома — Ф. 437 — содержит большое количество документов, в том числе и по истории Ханты-Мансийского национального округа. Изучены дела, содержащие постановления и телеграммы СНК СССР и ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству (в их числе: о крайне медленном развертывании прополочных работ в области 1942 г.; о завершении обмолота хлебов 1941 г.; о плохой подготовке к севу 1942 г. и др.). В них отражена напряженная обстановка, существовавшая в сельском хозяйстве, и меры, которые предпринимала центральная власть. Например, 16 марта 1942 г. было принято постановление Омского обкома ВКП (б) и облисполкома в связи с телеграммой СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О завершении обмолота урожая 1941 г.». В документе подчеркивалось, что необходимо завершить обмолот не позднее 10 апреля. В ХМНО обмолот был не закончен. По состоянию на 10 марта оставалось не обмолоченных хлебов с площади 282 га³.

Большая группа дел представлена решениями Омского облисполкома по сельскохозяйственным вопросам, в числе которых: об обеспечении овсом лошадей, перегоняемых из Ханты-Мансийского

округа; о подготовке кадров для МТС ХМНО, об обеспечении запчастями ремонта тракторов, задания по ремонту; о мероприятиях по организации зимовки скота в колхозах ХМНО; о военнo-хозяйственном плане посевных площадей; сводки и справки о поставках сельхозпродукции из округа, о выполнении планов заготовок сельхозпродуктов; о мобилизации населения на сельхозработы; сведения об урожайности. На основе документов установлено, что особенно угрожающее снижение урожайности произошло в 1943 г. Средний урожай по данным колхозов округа составлял по озимой ржи 3,5 ц, яровой пшенице — 4,4, овсу — 4,4, ячменю — 4,5, картофелю — 48,4. Расширение площади посева за этот год уже не могло компенсировать снижение урожайности. Валовая продукция за 1943 г. была ниже предыдущих лет. Средняя урожайность составила 4,5 ц по зерновым (вместо 11 ц по плану) и 40 ц картофеля (вместо 90 ц по плану)⁴.

В указанном архиве отложились «Конъюнктурные обзоры», «Общая характеристика хозяйства ХМНО», в которых содержатся сведения о валовой продукции сельского хозяйства, производстве сельхозпродукции на душу населения, сведения об освоении сельхозугодий; динамика роста посевных площадей и урожайность, количественные показатели рабочей силы, основные агротехнические мероприятия и их сроки, сведения о численности животноводства и продуктивности, статистика заготовок, колхозов и сельскохозяйственных артелей.

Протоколы заседаний Омского облисполкома содержат планы развития производства в колхозах; планы по развитию животноводства, сведения о продуктивности скота в округе; планы посевов зерновых, картофеля и овощей; сведения об объемах тракторных работ в МТС, а также планы заготовки дров для газогенераторных тракторов.

По документам Омского облисполкома (протокольная часть) можно получить сведения о планах посевов для ХМНО. Так, на 1942 г. планировалось всего посеять 10 940 га, в том числе озимых — 4 440 га и яровых — 6 500 га, а также технических культур — 500 га, картофеля — 200 га⁵.

Большой массив документов представляют совместные постановления Обкома и Облисполкома (содержат планы сельскохозяйственных работ на 1943 г., сведения о размерах посевов технических

культур, картофеля и овощей). Например, Омский обком ВКП(б) и Омский облисполком 29 октября 1941 г. приняли постановление «О мероприятиях по получению дополнительных источников семенного материала картофеля»⁶. Постановление доводилось до всех административных единиц области. ХМНО не стал исключением. В решении облисполкома по данному вопросу указывалось, что с каждого центнера картофеля можно получить 8 кг срезанных верхушек⁷. 17 ноября вопрос был заслушан на объединенном заседании окрисполкома и бюро ОК ВКП(б), а протокол заседания окрисполкома № 36 от 29 ноября 1941 г. вновь отразил рассмотрение вопроса «О мероприятиях по получению дополнительных источников семенного материала картофеля».

Документы **Ф. 1699 «Областное земельное управление»** также содержат сведения о сельском хозяйстве ХМНО. Изучены дела по следующим тематическим группам:

1. Управления землеустройства (здесь содержатся годовые отчеты за 1941, 1942 гг.).

2. Омское областное ветеринарное управление (сводки о выполнении плана противозооэпизоотических мероприятий, статистика о состоянии эпизоотической обстановки в округе).

3. Приказы по Омскому областному земельному управлению (о работе МТС, о приемке и разработке годовых отчетов колхозов, об упорядочении учета, хранения и распределения трудовых книжек, о премировании лучших работников МТС, о переводе тракторов СХТЗ на газогенераторное топливо, об обучении колхозников в зимний период) 1943 г., о подготовке кадров массовой квалификации для сельского хозяйства в 1942 г., о подготовке к весеннему севу 1942 г., о хранении тракторов и техники в МТС, о распределении доходов и состоянии годовых отчетов в колхозах, об обязательных поставках хлеба государству и др.

В числе наиболее важных документов — источники, извлеченные из **Ф. 1088 «Омская областная плановая комиссия»**. В них представлены контрольные цифры развития народного хозяйства ХМНО на 1944 г., где наряду с плановыми показателями отражены сведения о развитии сельского хозяйства округа в 1943 г.

Фонд П-17 «Омский обком ВКП (б)» содержит следующие документы:

1. Приказы и распоряжения СНК СССР;

2. Постановления ЦК ВКП (б) по вопросам сельского хозяйства Омской области. Например, 26 августа 1942 г. бюро Омского обкома ВКП (б) приняло постановление о развитии сельского хозяйства в северных округах (Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском) — это была программа развития на 1943—1944 гг.⁸ Планировалось в Югре освоить новых земель: в 1942 г. — 5 800 га, в 1943 г. — 7 000 га, в 1944 г. — 10 000 га⁹. Данные протокола № 238 заседания бюро обкома ВКП (б) от 26 августа 1942 г. свидетельствуют о планах освоения новых земель в Ханты-Мансийском округе: в 1942 г. — 5 300 га, в 1943 г. — 7 500, в 1944 г. — 10 000 га, а всего за три года — **22 800 га**¹⁰. По другим данным планировалось расширение посевных площадей в Югре в следующем виде: 1943 г. — 19 000 га, 1944 г. — 25 600 га, 1945 г. — 35 000 га¹¹. Вероятно, областное руководство весьма слабо представляло, что это за регион, каковы его возможности для освоения новых земель, особенности природных условий и т.д., поскольку указанные планы были абсолютно нереальны. В указанном документе приводились контрольные цифры по посевным площадям различных культур.

3. Документы Экономического совета при СНК;

4. Отчет Омского обкома ВКП (б) за 1940—1943 гг.;

5. Справка о результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б) за июнь 1944 г.¹²

6. Сводки о размерах пахотных угодий, количестве колхозов, валовой продукции сельского хозяйства, размерах посевов по видам сельскохозяйственных культур;

7. Документы о техническом оснащении МТС;

8. Статистика животноводства, количество ферм в колхозах округа, продуктивность.

9. Документы о подготовке сельскохозяйственных кадров;

10. Отчет Ханты-Мансийского окружкома о работе за 1944 г.

Изучение документов указанных фондов Исторического архива Омской области позволило исследовать состояние сельского хозяйства северных территорий в составе Омской области (1941—1944 гг.), проанализировать сельскохозяйственные показатели, восполнить пробелы в части статистики валовых сборов и коллективного производства, выявить проблемы развития в аграрном секторе.

14 августа 1944 г. Ханты-Мансийский национальный округ отошел к Тюменской области. Площадь новой области составила 1 435,2 тыс. кв. км¹³. Площадь ХМНО составляла 523,1 тыс. кв. км, или более 36% общей территории Тюменской области¹⁴. Ценные документы хранятся в архивах Тюменской области. Для нас наиболее важен Ф. П 107 «Ханты-Мансийский окружком ВКП (б)» Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Изучены все **протоколы заседания бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)** за период с июня 1941 по август 1945 гг. В них отражены и вопросы развития сельского хозяйства. Наиболее часто рассматриваемые вопросы: посевные кампании¹⁵ и обеспечение семенами¹⁶, проблемы в работе МТС округа¹⁷, в том числе о работе политотделов¹⁸; состояние животноводства¹⁹, поставки сельхозпродукции, о выполнении трудовых²⁰ и распределении доходов; планы подготовки кадров массовой квалификации для сельского хозяйства²¹; о создании и поставках сельхозпродукции в различные фонды²². **Постановления заседаний бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)** содержат различную информацию о состоянии сельского хозяйства (статистика, анализ проблем, меры по их устранению)²³.

Изучены **протоколы заседаний пленумов Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)** за годы войны²⁴. Здесь содержатся статистические сведения о развитии сельского хозяйства, сравнение плановых показателей с их выполнением, анализ причин невыполнения. Вопросам сельского хозяйства был посвящен специальный пленум Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б), состоявшийся 11 марта 1944 г. На пленуме было заслушано Постановление ЦК ВКП(Б) «О мерах подъема сельского хозяйства Омской области» и итоги XIV Пленума Омского обкома ВКП(б). Здесь же был представлен подробный доклад о состоянии сельского хозяйства в округе. Приводились сведения об освоении новых земель, планах и результатах посевной кампании, уборке хлебов и потерях, урожайности, о проблемах агротехники, о состоянии животноводства и т.д.²⁵ Большой интерес в материалах пленумов представляют выступления в прениях по докладу секретаря окружкома. Стенограммы пленумов содержат объективную картину происходящего, внутреннюю обстановку, конъюнктурный подход,

попытку решить проблему, не имея для этого порой никаких средств и возможностей. Порой эти документы позволяют представить весь драматизм положения в сельском хозяйстве севера²⁶.

Автором изучены все **протоколы окружных партийных конференций, состоявшихся в ХМНО в годы войны**. В них отражены итоговые показатели развития сельского хозяйства за определенный период²⁷. В материалах окружных партконференций содержатся доклады о работе окружкома²⁸, дающие представление о развитии сельского хозяйства.

В фонде содержатся отчет о работе Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за период 1943—44 гг.²⁹, **отчет о работе Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за 1943 и первый квартал 1944 гг.**³⁰ Эти документы ценны тем, что в них заключены обобщенные данные по основным отраслям сельского хозяйства, сельскохозяйственному производству, трудовым ресурсам, МТС, объемам заготовок, кадрам и т.д.

Весьма ценным является **«Доклад о работе Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) на заседании бюро Омского обкома ВКП(б) 5 июля 1944 г.»**, где представлены итоги развития округа за годы войны, объясняются проблемы, высказываются просьбы и пожелания в адрес обкома партии³¹. Этот документ ценен и тем, что содержит показатели динамики развития сельскохозяйственного производства.

Статистические сведения достаточно полно представлены в делах с тематической подборкой документов. Так, в Д. 805 «Общая характеристика развития народного хозяйства округа» содержатся источники о размерах сельскохозяйственных угодий, численности рабочей силы в сельском хозяйстве, валовой продукции. В Д. 806 «Общественное животноводство» содержатся документы, характеризующие состояние отрасли, продуктивность, объемы производства сельхозпродукции, сведения о наличии животноводческих построек, справки по выбраковке скота, наличии племенного скота в колхозах округа и многое другое.

В фонде обнаружены справки окружной прокуратуры, санкционировавшей привлечение к уголовной ответственности колхозного актива по районам округа за 1941 г.³², а также документы, свидетельствующие о голоде колхозного населения в Самаровском

районе, вынужденного в этой связи употреблять в пищу трупы павших от бескормицы животных³³.

В целом, документы Ф. 107 «Ханты-Мансийский окружком ВКП(б)» позволяют реконструировать не только руководство сельским хозяйством, но и выявить его реальные показатели, производственные процессы, проблемы.

В Государственном архиве Тюменской области изучено несколько документов Ф. Р-814 «Тюменский облисполком». Прочтены протоколы заседаний и решения, а также стенограмма I сессии Тюменского областного совета депутатов трудящихся первого созыва от 24 ноября 1944 г.³⁴ Изучение указанных документов позволило представить сложный процесс образования Тюменской области, условия, в которых ей предстояло выстроить отношения с национальными округами.

Изученный комплекс документов по аграрному развитию Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны существенно дополнил и расширил источниковую базу исследования, что позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

Примечания

¹ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (далее — КУ «ИсА ОО»). Ф. 437. Оп. 21. Д. 130. Л. 31.

² Агротехника для колхозов и совхозов Омской области. Омск, 1944. С. 5.

³ КУ «ИсА ОО». Ф. 437. Оп. 14. Д. 379. Л. 118.

⁴ Там же. Оп. 21. Д. 147. Л. 19 об.

⁵ Там же. Оп. 14. Д. 379. Л. 65.

⁶ Там же. Оп. 9. Д. 834. Л. 13.

⁷ Там же.

⁸ КУ «ИсА ОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3252. Л. 24.

⁹ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 183.

¹⁰ КУ «ИсА ОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3252. Л. 24.

¹¹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 183.

¹² КУ «ИсА ОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 19.

¹³ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 198.

¹⁴ Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти. Статистический сборник. Омск, 1967. С. 27.

¹⁵ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории». Ф. П 107. Оп. 1. Д. 689. Л. 118.

- ¹⁶ Там же. Д. 632. Л. 15.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же. Д. 634. Л. 182.
¹⁹ Там же. Д. 632. Л. 40—41.
²⁰ Там же. Л. 63.
²¹ Там же. Д. 689. Л. 131.
²² Там же. Л. 144.
²³ Там же. Д. 821. Л. 7—8.
²⁴ Там же. Д. 630, 631, 686—688, 750, 752, 754, 755, 827.
²⁵ Там же. Д. 751. Л. 1—25.
²⁶ Там же. Д. 827. Л. 3—11.
²⁷ Там же. Д. 683. Л. 35.
²⁸ Там же. Д. 824, 825.
²⁹ Там же. Д. 763.
³⁰ Там же. Д. 764.
³¹ Там же. Д. 765.
³² Там же. Д. 641. Л. 6.
³³ Там же. Л. 7.
³⁴ Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 213.

Глава 8

ОБРАЗОВАНИЕ КОМИ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XX в.: ИЗ АРХИВОВ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ

Этнокультурная группа коми-ижемцев на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в XX в. сумела адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Немалую роль в этом сыграло повышение образовательного уровня этноса, умение представителей коми-зырян овладевать знаниями. Коми-ижемцев в XIX и до середины XX в. называли на данной территории зырянами, начиная с 60-х гг. их национальность в паспортах записана в основном как коми-зыряне, коми.

Общеизвестно, что в 30-х гг. XX столетия шла усиленная борьба с безграмотностью населения региона. Вместе с тем, из материалов I окружного Остяко-Вогульского национального съезда советов, проходившего в г.Ханты-Мансийске в январе 1932 г., известно, что грамотность зырян составляла 27,1%, остяков — 2,5%, вогулов — 5,6%, ненцев — 0,6%, русских — 42,0%¹. Процесс образования коми-зырян на протяжении столетия можно разделить на три этапа:

- первый — ликвидация безграмотности — 30-е гг.;
- второй — получение семилетнего образования — 50-е гг.;
- третий — получение среднего, средне-специального и высшего образования — 60—90-е гг. XX в. — начало XXI в.

Информация об образовании коми-зырян хранится в документах архивов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов и неразрывно связана с местами их компактного проживания на данной территории. В ЯНАО — это Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа, г.Салехард, отдел по делам архивов администрации Шурышкарского района, п.Мужи. В ХМАО — это Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа, г.Ханты-Мансийск, архивный отдел администрации Березовского района в пгт.Березово, архивный отдел администрации Белоярского района в г.Белоярский.

В 1935 г. в ЯНАО обучался 2071 школьник, из них 246 коми, 157 ненцев, 240 хантов. Процент охвата обучением детей этих национальностей составлял: коми — 60%, ненцы — 20%, ханты

— 10%². Информация о детях коми, обучающихся в школах ЯНАО, учителях, директорах коми содержится в материалах Государственного архива ЯНАО: Ф. 98. Д. 584 «Отдел народного образования исполнительного комитета Ямало-Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся 1934—1993 гг.», Ф. 120. Д. 434 «Отдел народного образования исполнительного комитета Салехардского Совета депутатов трудящихся». Наибольшее количество детей коми обучалось в Салехардской средней школе № 1. В Д. 126 Ф. 111 за 1938—1999 гг. содержатся списки учеников этой школы, отчеты об их успеваемости, заболеваниях, сведения об участии в общественной школьной работе, списки кадрового состава учителей за 50 лет. До 70-х гг. в списках стабильно указывается национальность детей и учителей, в последующие годы национальность коми-зырян можно определить только по фамильному составу, характерному для коми-ижемцев. Сведения о количестве студентов коми-зырян, обучающихся в педагогическом техникуме, медицинском училище, зооветтехникуме, культпросветучилище Салехарда, за период с 1935 г. по конец 90-х гг. можно найти в Ф. 184 (Д. 176), Ф. 84 (Д. 143), Ф. 103 (Д. 446), Ф. 61 (Д. 355)³.

Одним из важных источников для выявления уровня образования коми-зырян являются книги похозяйственного учета населенных пунктов, где до сих пор компактно проживают представители этноса, — п.Саранпауль, п.Казым, п.Мужи, г.Салехард. В результате исследований похозяйственных книг удалось выяснить, что первый «Статистический учет Форма № 1» был утвержден в 1937 г. Постановлением СССР № 392 от 26 октября и назывался «Похозяйственная книга основных производственных показателей хозяйств колхозников на 1938—1939 гг. (По этой же форме учитываются хозяйства рабочих и служащих)». Хозяйство характеризовалось в 8 разделах, кроме данных о членах семьи (ФИО, год рождения, национальность, образование, родственные отношения, место работы, учебы) указывались сведения о земельных участках, посевах, скоте, постройках, даже о пчеловодстве. Имелись разделы — «Самообложение», «Различные отметки», в последнем делались отметки о ссылке, нахождении в заключении. В 7-м разделе отмечалось задание по развитию животноводства. В 1954 г. ЦСУ СССР была утверждена новая форма

№ 1 «Похозяйственная книга № __ сельского совета районов Крайнего Севера (оседлых, полуоседлых) на __ год», в которой информация о составе семьи и хозяйстве составляла 23 пункта. Были введены новые разделы, такие как «Оленеводство», «Собаководство», «Основной промысловый инвентарь».

В начале 80-х гг. в книги учета хозяйств были добавлены следующее графы: I. Список членов семьи с указанием даты рождения, пола, национальности, последующего изменения образования, информации о месте работы, прибытии, причинах выбытия из населенного пункта. II. Скот, имеющийся в личной собственности хозяйства, с указанием наличия крупного рогатого скота, лошадей, свиней, коз, овец, птицы. III. Постройки, являющиеся личной собственностью хозяйства (дом, баня, стайка). IV. Земля, находящаяся в личном пользовании хозяйства. V. Наличие и поступление средств самообложения (обычно не заполняется). У ряда хозяйств имелись вкладыши под названием «Продолжение лицевого счета Похозяйственной книги для районов Крайнего Севера; Сельский учет Ф. 1», где были разделы: VI. Оленеводство; VII. Собаководство; VIII. Основной промышленный инвентарь: охотничий, рыболовецкий.

В 1990 г. в книге по учету хозяйств название V раздела было изменено на «Технические средства, являющиеся собственностью хозяйства», где учитывалось наличие грузовых, легковых автомобилей, мотоблоков, снегоходов, моторов, моторных лодок⁴.

Книги похозяйственного учета населенных пунктов сельской местности, где компактно проживают коми, хранятся в следующих фондах архивов: с.Саранпауль (Ф. 21, оп. 2), п.Березово (Ф. 14), с.Няксимволь (Ф. 26) — в архивном отделе администрации Березовского района с 1937 по 1966 гг.; книги похозяйственного учета с.Мужи — в отделе по делам архивов администрации Шурышкарского района (Ф. 21, оп. 3); с.Восяхово — в администрации поселения; с.Казым с 1950 по 1982 гг. — в администрации поселения под номерами 1—10, 10.2.

Современные средства массовой информации к празднованию определенных юбилеев дают иногда сведения об уровне образования коренных народов в прошлом веке. Так, в газете «Северная панорама» Шурышкарского района за 1987 г. есть информация о том, что в районе в 1932/1933 учебном году было 8 туземных

школ, 2 русско-зырянских, 2 школы для спецпереселенцев. В них обучалось 598 детей: коми-зыряне — 200 человек, русские — 338, ханты — 33, ненцы — 9, прочие — 19. В 1937 г. в 13 школах обучалось 730 детей, кроме того, было 3 интерната.

Школы находились в Мужах — 2, в Горках — 2, в Азовы, Восяхово, Лопхари, Шурышкарах, Питляре, Овгорте, Ямгорте (начальная), Войкаре. В 1930 г. в Мужах школа, построенная на средства купца из п.Березово С.Т.Окунева, была реорганизована в семилетнюю школу промысловой молодежи. В Овгорте и Восяхово директорами школ были коми-зыряне Н.А.Кожевин, Ю.Н.Афонасьев, Г.М.Артеева. В архиве районного историко-краеведческого музея сохранился документ, относящийся к нормативным документам сферы образования 1943 г. — «Правила для учащихся», утвержденные Совнаркомом. В нем изложено 20 правил. Кроме необходимости «упорно и настойчиво овладевать знаниями», дети обязаны были «все домашние уроки выполнять самому», «не употреблять бранных и грубых выражений, не курить, не играть в игры на деньги и вещи», «иметь всегда при себе ученический билет» и т.д. За нарушение применялись наказания, вплоть до исключения из школы.

В 1986—1990 гг., по данным одной из похозяйственных книг с.Мужи Шурышкарского района, из 117 взрослых коми-зырян (старше 18 лет), проживавших на ул. Советской в старой части села, не имели образования 7 человек, имели начальное образование 17 человек, неоконченное среднее — 40, среднее общеобразовательное — 24, среднее специальное — 23, высшее образование — 6 человек⁵.

По данным двух похозяйственных книг 2007—2011 гг. из 106 проживающих на той же улице коми-зырян высшее образование имеют 12 человек (8 женщин, 4 мужчин), среднее специальное — 30 человек (17 женщин, 13 мужчин), среднее общеобразовательное — 40 человек (18 женщин, 22 мужчины), неполное среднее — 16 человек (7 женщин, 9 мужчин), начальное — 9 человек (3 женщины, 6 мужчин)⁶.

На основании этих данных можно сделать вывод о том, что коми-зыряне в начале XXI в. имеют в основном среднее и среднее специальное образование, причем уровень образования у женщин выше, чем у мужчин. Причиной снижения количества людей,

имеющих неполное среднее и начальное образование, является уход из жизни старого поколения. Более полные данные об образовательном уровне коми-зырян с. Мужы Шурышкарского района (по результатам исследования похозяйственных книг 2007—2011 гг.) приведена в статье Н.А. Лискевич «Особенности этнокультурного развития коми с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа»⁷.

В 1968 г. в целом по Шурышкарскому району малограмотных остался 1 человек в Шурышкарском сельсовете и 2 человека в Кушеватском сельсовете⁸.

Вплоть до 1976 г. за успехи ребенка в учебе, прилежании, общественной работе и труде директорами школ выдавалась «Благодарность родителям»⁹.

В военные годы существовала форма отчетности № ОШ-1, утвержденная УНХУ РСФСР № 19-70. В ней указывался национальный состав учащихся и учителей. Так, среди учителей русских было 43 человека, украинцев — 2, хантов и ненцев — по одному, учителей коми — 8. Заведующей РОНО была Филиппова (русская), из 18 сотрудников отдела образования четверо были коми¹⁰.

Показателем качества работы учителей являются списки награжденных учителей и педагогов, получивших звание «Заслуженный учитель школы РСФСР», «Отличник просвещения». Таких в 1983 г. было 23 человека, из них коми — 5 человек, русских — 12, хантов — 1, белорусов — 1. В 1991 г. действовало 9 средних школ, 3 национальные школы, в которых обучалось более двух тысяч детей. В районе насчитывалось 244 учителя и воспитателя, из них трое имели звание «Заслуженный учитель РСФСР», все по национальности коми; отличников народного образования — 9 человек, из них 5 коми; награждены орденами и медалями — 15 человек¹¹. В с. Мужы с 2005 г. действует общеобразовательная школа, где обучаются 694 ученика, работают 63 преподавателя. Язык и литературу коми изучают в начальных классах. Звание «Отличник народного образования» из числа коми имеют учителя П.М. Попова, А.П. Витязева, М.С. Конева, Я.В. Хозяинов¹³. Язык коми в мужевской школе более 10 лет преподавала Н.И. Вокуева.

В Ф. 100 Государственного архива ХМАО—Югры хранится нормативный документ 1930 г. Методическое письмо № 2 для сельсоветов «О проведении социалистического соревнования между ОДН РСФСР и ОДН УССР», выпущенное Центральным советом общества «Долой неграмотность» (ОДН). В письме содержится информация о мероприятиях по ликвидации безграмотности среди взрослого населения на территории России начала 30-х гг. Также представляет интерес документ с предложением от ЦК ВЛКСМ сельским советам выписывать двухнедельный популярный общественно-политический журнал «За грамоту» с приложением в 15 страниц, который выпускался уже 4-й год¹⁴. К этому периоду можно отнести информацию, которая найдена в «Книге приказов Березовского РОНО за 1937 г.»: «Попова П.П. считать инспектором по ликбезу с окладом 250 рублей». Из этого следует, что во всех РОНО округа была введена должность инспектора по ликвидации безграмотности среди населения¹⁵.

Рост количества школ и улучшение образовательного уровня учащихся Березовского района ХМАО отражен в статистическом сборнике, посвященном 50-летию образования СССР, «Народное хозяйство Березовского района в годы пятилеток»⁴.

Количество школ и обучающихся с 1913 по 1970 гг.

Год	Количество школ	Количество учителей	Количество учащихся
1913	4	13	—
1931	17	61	—
1940	26	110	2 687
1950	44	160	3 406
1960	29	273	3 688
1970	24	345	5 251

Наблюдается значительный рост и школ, и количества учеников. Из Ф. 14л архива, содержащего приказы о назначении учителей-воспитателей интернатов на должность, уходе в отпуск, направлении на курсы учителей и, наконец, начислении заработной платы, удалось выявить количество учителей коми в Березовском районе за 1937—1967 гг.

**Количество учителей коми в Березовском районе в 1937—1967 гг.¹⁶
(по ведомости начисления заработной платы учителям
Березовского района)**

Год	Количество школ	Всего учителей	Учителей коми	Мужчин	Женщин
1937	—	134	17	12	5
1947	35	—	7	—	7
1957	—	49	12	6	6
1967	17	261	44	5	39

Источником для составления таблицы послужил Ф. 14л. Архивного отдела администрации Березовского района.

Количество учителей коми-зырян определялось в основном по фамилиям, характерным для коми-ижемцев, оно составляло 13% от общего числа учителей. Система образования района в 1967 г. была представлена школами в Ванзевате, Полновате, Ломбовоже, Ванзетуре, Кимкьясуе, Няксимволе, Устреме, Щекурье, Анееве, Игриме (средняя и вечерняя), Саранпауле, Тугиянах, Сартынье, Демино и тремя школами в Березове (начальная, средняя и школа рабочей молодежи)¹⁷. Необходимо отметить также, что из 17 директоров школ 13 были коми-зырянами: П.Г.Афонасьев, А.Н.Дуркина, И.Ф.Пермяков, Т.К.Канева, А.Н.Канева, Г.А.Артеева, Т.А.Истомина, К.П.Печеркина, П.Г.Афонасьева, А.И.Кузнецов, Л.Т.Чупрова, А.Ф.Кожевина, Т.Г.Канева¹⁸. В основном это директора национальных школ района. Для учителей национальных школ этого периода было важным владение языками народов ханты и манси. Их знали в основном учителя коми-зыряне, жившие много лет в этой инокультурной среде. Знание языков жителей Крайнего Севера усиливало посредническую роль учителей коми в системе образования детей коренных национальностей региона.

Некоторое представление об образовании детей коми-зырян в Березовском районе может дать Ф. 39, Оп. 1 «Отдел народного образования Березовского района. 1935—1995 годы». В Д. 9 за 1947 г. обнаружена Форма ОШ-1 «Статистический отчет о количестве и составе учащихся массовых школ», утвержденная статистическим управлением с 1946 г. В ней имеется графа «Распределение учащихся по родному языку», где отмечено, что в школах района «зырянский язык» считают родным 119 детей 1—4-го

классов и только 38 учеников 5—7-х классов. В 1958 г. данная графа директорами не заполнена, в последующие годы такой графы в форме ОШ-1 нет, хотя сама форма существовала до 1983 г.

В 1947 г. в с.Саранпауль Березовского района в 1—4 классах обучалось 20 таких детей коми-зырян, в Сартынье — 28, в Березово — 33; в 5—7 классах: в с.Няксимволь — 20, в Игриме — 11, в Березово — 9¹⁹.

Основным направлением в работе учреждений народного образования с конца 70-х гг. XX в. становится развитие системы среднего образования. Так, в «Анализе работы Березовского РО-НО за 1977/78 учебный год» написано: «Считать главным направлением работу по проведению в жизнь положения Конституции СССР о развитии всеобщего обязательного среднего образования, неукоснительного выполнения закона о среднем всеобуче»²⁰.

Главным источником для исследования уровня образования коми в XX в. являются похозяйственные книги. В Ф. 21 Архивного отдела администрации Березовского района хранятся похозяйственные книги Саранпаульского сельского совета с 1947 по 1966 гг. Их анализ отражен в таблице.

**Уровень образования коми-зырян с.Саранпауль
(от 18 лет и старше) 1951, 1966 гг.**

Годы	Неграмотные	Малограмотные	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее
	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж
1951	18/22	22/22	58/56	5/4	—	—
1966	17/26	18/31	131/134	6/5	3/8	0/1

В большинстве граф «образование» у коми отмечено «начальное», это означает, что на первом этапе получения образования к 1951 г. коми справились успешно. В 1966 г. у большинства коми-зырян Саранпауля имелось 7-летнее образование, что сегодня приравнивается к неполному среднему. Уровень образования у женщин и мужчин почти одинаковый²¹.

Представление об уровне образования коми-зырян с.Казым Березовского (ныне Белоярского) района также дают похозяйственные книги. В книгах 1—3, 9 описаны хозяйства жителей села за 1958—1960 гг. Информация о хозяйствах 80-х гг. содержится в книгах 1—3 за 1980—1982 гг. В Ф. 4 Архивного отдела администрации

Белоярского района также имеются интересные материалы. Он содержит протоколы заседаний исполкома Казымского сельского совета. В одном из протоколов 1950 г. есть запись: «Успешное осуществление всеобщего обязательного семилетнего образования приближает нас к решению важнейшей задачи, поставленной товарищем Сталиным на 18 съезде партии. Мы хотим сделать всех рабочих и крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем». В связи с этим исполкомом принято решение: «Обязать депутатов сельского совета и председателя колхоза обеспечить к 25 августа явку детей в школу, а также взять шефство над школами казымской территории»²². Документы свидетельствуют о том, что данная задача была решена: вплоть до 80-х гг. большинство коми-зырян села Казым имели неоконченное среднее, т.е. семилетнее образование, что подтверждают данные следующей таблицы, составленной по результатам исследования похозяйственных книг.

Образование коми-зырян с. Мужики от 18 лет и старше²³

Годы	Неграмотные	Малограмотные	Н/сред	Сред.	Ср/спец	Выс	Выех уч-ся	Всего
	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	м/ж	
1958— 1960	16/16	5/7	45/28	2/0	0/1	0/0	0	126
1980	1/0	1/1	44/40	15/14	12/16	0/4	3/6	148

Как видим, к 60-му г. осталось только 32 неграмотных из 126, однако ни у кого не было высшего образования. Большинство имело четырехклассное и семилетнее образование. Через 20 лет, к 1980 г., с уходом из жизни старшего поколения сокращается количество неграмотных и малограмотных.

По социальной принадлежности коми-зыряне составляли класс рабочих: оленеводы, пастухи, чумработницы, колхозники, звероводы зверофермы, рыбаки, охотники. Элементом адаптации к новым социальным и экономическим условиям можно считать освоение коми-зырянами новых профессий. Редко встречаются такие профессии, как бульдозерист, тракторист Казымской нефтеразведочной экспедиции, работники торговли, метеослужбы, связи, зоотехники, воспитатели, учителя, медсестры.

Итог повышения образовательного уровня коми-зырян в автономных округах к началу XXI в. подведен по Всероссийской переписи населения 2002 г. У коми ХМАО в возрасте от 15 лет и старше послевузовское образование имеют 2 человека, высшее — 230, неполное высшее — 54, среднее — 878, начальное профессиональное — 221, среднее профессиональное — 453, основное — 421, начальное — 268, не имеют начального образования — 30, неграмотных — 18 человек. У той же возрастной группы коми-зырян ЯНАО: послевузовское — 5 человек, высшее — 379, неполное высшее — 79, среднее профессиональное — 1 423, начальное профессиональное — 531, среднее — 882, основное — 860, начальное — 466, не имеет начального образования — 134, неграмотных — 89 человек.

Таким образом, информация, содержащаяся в фондах государственных, а также музейных архивов ХМАО и ЯНАО, говорит о том, что в течение столетия произошли значительные положительные изменения в образовательном уровне коми-зырян Северного Зауралья. Вместе с тем наибольшую информативность в данном направлении имеют похозяйственные книги населенных пунктов, где компактно проживают коми-зыряне. Рост уровня их образования, периоды роста во многом зависели от выполнения нормативных актов правительства России в целом, которые также находятся в материалах архивов.

Примечания

¹ Материалы Первого окружного Остяко-Вогульского национального съезда советов. 11.01.1932 г. // Государственный архив общественных политических организаций Тюменской области. Ф. п-107. Оп. 1. Д. 22. Л. 25, 27—28.

² Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Сб. документов 1922—1941 гг. Тюмень, 1994. С. 191—194, 221, 230, 251, 290 // Архивный отдел администрации Березовского района.

³ Краткий справочник по фондам Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа // Администрация ЯНАО. Управление по делам архивов. Салехард, 2005. С. 51—56.

⁴ Анализ выполнен на основании исследования автором образцов похозяйственных книг разных лет, находящихся в архивах.

⁵ Похозяйственная книга № 2 Мужевского сельского совета на 1986—1990 гг. Л. 1—141 // Администрация МО «Село Мужы Шурышкарского района». Отдел по работе с населением.

⁶ Похозяйственная книга № 1, 2, 3. Администрация Мужевское 2007—2011 гг. ул. Советская с № 1, 25. Л. 1—169, ул. Советская, № 2. Л. 1—82, ул. Советская № 3, Л. 1—9 // Администрация с. Мужевское.

⁷ Лискевич Н.А. Особенности этнокультурного развития коми с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2009. № 9. С. 133—143.

⁸ Социалистическое соревнование сельских советов Шурышкарского района за 1967 г. // Отдел по делам архива МО «Шурышкарский район». Ф. 17. Оп. 1 Д. 762. Л. 48.

⁹ Об образовании // Архив Мужевского районного историко-краеведческого музея. Д. 71, 72, 149, 128.

¹⁰ Отчет об итогах приема в школу в 1940/41 уч. году // Отдел по делам архива МО «Шурышкарский район». Ф. 37. Образование. Оп. 1. Д. 32а.

¹¹ Сведения о качественном составе учителей и воспитателей Шурышкарского района // Там же. Д. 179. Л. 13.

¹² Электоральный паспорт МО «Мужевское сельское поселение». 01.09.2008 г. // Администрация с. Мужевское.

¹³ Архивный отдел администрации Березовского района. Вне фонда.

¹⁴ Протоколы заседаний Сургутского РИК 1930 г. // Государственный архив ХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 47. Л. 23.

¹⁵ Книга приказов Березовского РОНО 1.01.1937—4.08.1937 гг. // Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 14 л. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹⁶ Книга приказов. Ведомости начисления зарплаты учителям // Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 14 л. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 6, 10, 13, 17; Д. 40. Л. 10, 21, 25—27, 38, 41; Д. 190. Л. 5, 15, 21, 25, 32, 36, 39, 40, 46; Д. 161. Л. 2; Д. 346. Л. 48—358.

¹⁷ Ведомости начисления зарплаты учителям // Там же. Д. 364.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Статистический отчет о количестве и составе учащихся массовых школ // Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 39. Отдел народного образования. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 6, 9 об., 10, 12, 16, 19, 39; Д. 82. Д. 150.

²⁰ Анализ работы Березовского РОНО за 1977/78 учебный год. Отдел народного образования // Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 39. Оп. 2. Д. 240. Л. 24.

²¹ Похозяйственные книги Саранпаульского сельского совета // Архивный отдел администрации Березовского района. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2—3, 5, 7; Оп. 2. Д. 108—110.

²² Протоколы заседаний Казымского сельского совета 1950—1951 гг. // Архивный отдел администрации Белоярского района. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

²³ Книги похозяйственного учета с. Казым Казымского сельского совета 1958—1960, 1980 гг. // Администрация поселения Казым.

²⁴ Всероссийская перепись населения 2002 г. М., 2004. Т. 4. Кн. 2: Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 1494—1496.

Глава 9

«Я БЫЛ, Я ВИДЕЛ, Я ДЕЛАЛ»: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О НЕФТИ И ОСВОЕНИИ СЕВЕРА СИБИРИ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Странной предстает человеческая память: помня о многом, забываем главное — опыт предшественников и цену, уплаченную за его приобретение. Особенно наглядно это проявилось в вопросе сохранения уникальных страниц истории освоения нефтяных богатств Сибири, где судьбы людей и эпохальные события XX столетия оказались в едином русле общенациональных интересов страны в переломные эпохи ее развития. По прошествии десятилетий обнаруживаются такие провалы в памяти, восполнить которые призваны не только исторические исследования, но и так называемые «источники личного происхождения» — воспоминания не просто современников, но «архитекторов» тех событий. Правда, до недавнего времени к этой группе источников «серьезная» историческая наука относилась весьма скептически.

Но общеизвестно: прошлое обнаруживает свое присутствие в настоящем самыми различными способами и, прежде всего, в виде определенной «перекодировки» коллективной памяти с сохранением письменных свидетельств о нем в форме создаваемых по «горячим событийным следам» дневников, записок, писем. Либо — с ретроспективной дистанцией в «одну человеческую жизнь» на уровне воспоминаний и мемуаров, где соседствуют авторская наблюдательность, избирательный характер отношения к фиксируемым фактам и событиям, смена настроений, моральные и этические установки, умение быть интересным собеседником. И если талант рассказчика сочетается с психологически тонкими его наблюдениями, аналитически грамотными прогнозами, подтвержденными самой жизнью, юмором и отсутствием желания свести «счеты» с кем-то из современников с помощью листа бумаги — у такого жанра есть будущее и благодарные читатели¹.

Сегодня наступило иное время — эпоха «дозированного» героизма; умения считать чужие и свои деньги, порой не всегда заработанные честно; высокомерного скепсиса по отношению к

тем, кто стал «синхронизатором» перемен здесь, на Севере, в далекие 50—80-е гг. XX в. Эта временная проекция, как фантом, сегодня едва различима, поскольку ушли не просто люди — исчезла за гранью времен память о тех, кто может «от первого лица» рассказать «о времени и о себе». Поэтому так важны опубликованные в разные годы страницы «тетраду» тех, кто находился у истоков легендарных свершений: партийные и советские руководители, крупные производственники, умевшие не только профессионально грамотно принимать управленческие решения, но и ценить человека труда, тепло вспоминая о нем спустя столько лет и отдавая долг уважения на страницах своих записей².

Сейчас издается много центральных и местных журналов, книг, мемуарной литературы, появляются проекты по изучению устного и нарративного (повествовательно-мемуарного) наследия прошлого и самой исторической памяти не только на общероссийском, но и региональном уровнях, в том числе, в Нижневартовске, столице всемирно известного Самоглора. История его рождения спрятана в глубине веков, в том числе и традициях взаимоотношений центра и российских окраин, прежде всего Сибири.

С особой остротой эта проблема заявила о себе именно сегодня. Хотя еще в начале XIX в. «хорошо информированные» современники понимали, что дисбаланс в развитии регионов чреват множеством серьезных осложнений для развития государственности. Так, участник посольства в Китай небезызвестный Ф.Ф.Вигель довольно проницательно оценивал характер отношения правительства к этому гигантскому краю: «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами..; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится»³.

При обращении к историческому опыту дореволюционной России становится очевидной противоречивость основ правительственной политики в отношении роли и места сибирских территорий в составе империи, импульс чему был векторно задан в конце XIX в. процессом хозяйственного их освоения. Правда, еще в 60-е гг. XIX в. «прорезался голос» сибирского «сепаратизма»

и областнических настроений, ставших реакцией на принятие центром антиинституциональных, зачастую просто некомпетентных решений (в силу крайней неосведомленности о реальном положении дел на местах), при этом жестко регламентировавших действия местных властей.

Вполне объясним и причинный механизм, «накручивавший» противоречия на маховик системы регионального управления. Его суть крылась в традиционализме подхода к данному вопросу, перешедшему в наследство «аппаратным бюрократам» уже новейшего времени: *власть стремилась решить целый ряд масштабных проблем Европейской России именно за счет Сибири*. Неэффективность военно-бюрократических методов управления этим регионом в условиях мощного проникновения торгового и промышленного капитала периода строительства Сибирской железной дороги, а затем и аграрного курса П.А.Столыпина приводили к столкновению интересов центра и сибирских территорий. Поэтому ускорение экономического освоения края требовало и коренного пересмотра всей системы управления Сибири, вопрос о статусе которой стал одним из центральных в развернувшихся научных дискуссиях дореволюционного периода. Труды правоведа Н.С.Коркунова, исследования П.П.Семенова-Тян-Шанского, исторические сочинения сибирских «областников» и краеведов на многие десятилетия определили полемический накал данной проблематики.

XX в. открыл неисчерпаемый потенциал сырьевых и производственных возможностей (в первую очередь нефти) так называемых «окраин», что стало определяющим техногенным и геополитическим фактором развития всей цивилизации. Современная «нефтяная» ретроспекция берет свое начало со второй половины XIX в., когда в августе 1859 г. в долине Западной Пенсильвании отставной полковник Дрейк нашел нефть, что положило начало не только нефтяной лихорадке, но и эпохи торжества нефти. В том числе в России.

Одним из забытых ныне имен является имя Виктора Ивановича Рагозина (1833—1903), пионера русского нефтяного предпринимательства, знаменитого промышленника, изобретателя, блестящего ученого и инженера-технолога, заложившего научные основания в великую науку преобразования нефтяного сырья в

фактор стратегического значения. Именно он построил в Нижегородской губернии первые специализированные нефтезаводы — в Балахне (1876) и Константиново (1879). А в начале 70-х гг. XIX в. совершил настоящее научное открытие в собственной домашней лаборатории, получив впервые в мире минеральное смазочное масло — новый продукт из нефтяных остатков! По подсчетам этого энтузиаста до 70% нефтяного сырья выбрасывалось и бездумно сжигалось, между тем как именно оно, по его убеждению, являлось товаром куда более ценным, чем получаемый из него керосин. И лишь в конце XIX в. с изобретением двигателя внутреннего сгорания, работающего на бензине, нефтяная индустрия получила новые рынки, миллиардные прибыли с рождением новой цивилизации и первыми династиями миллиардеров. У истоков этих процессов тогда и оказался торговец керосином Джон Д.Рокфеллер-старший.

Вместе с тем, история нефтяного дела обязана Виктору Ивановичу Рагозину куда большим, чем просто получение «нефтяных дивидендов». Он *первым в мире организовал наливную перевозку нефтяных остатков и самой нефти в морских и речных судах*. Л.Э.Нобель впоследствии лишь развил эту идею, транспортируя сырье в баржах и железнодорожных цистернах. А началось все с того, что Рагозин для пробы залил нефть в старый деревянный бочонок и спустил его на воду.

Однако самое главное, что сумел понять и оценить этот поистине великий ум, — нерасторжимость развития российского предпринимательства с просветительской деятельностью, серьезным вниманием к нему государства, повышением общего уровня культуры. В своих «Записках» он отмечает: «Создалась культура, и все, мало-помалу, применяется к лучшему, все цветет и развивается. Погибла культура, и города разрушаются, появляются в них болезни, поля зарастают». *«В мировом рынке, — уверен В.И.Рагозин, — только знание и есть сила действительная».* При этом, подчеркивал ученый, «мы богаты сырьем, бедны знаниями, мы можем создать большую промышленность, но требуем поддержки и внимания правительства». Он требовал от властей твердой законодательной базы для воплощения его идеи о *полной утилизации отходов*: «Теперь эта (нефтяная) промышленность поставлена на верный и истинный путь ... и теперь нужны только

меры законодательные, крупные и решительные, насколько рационален, крупен и решителен переворот в ее переработке». Ему принадлежит инициатива, обращенная к правительству, по поддержанию российского престижа в нефтяном деле, агрессивную конкуренцию которому на южных *российских промыслах* составлял американский капитал, действуя не всегда чисто плотно и с корыстного попустительства местных властей⁴.

Подлинный триумф нефтяного освоения территорий состоялся в XX-м столетии на фоне развертывания трех великих детерминант — рождения нефти как величайшей из всех мировых индустрий; нефти как товара с уникальными потребительскими возможностями диктата национальных и мировых стратегий борьбы за мировое лидерство и, наконец, нефти как фактора превращения мира в «общество углеводородов», где была «потеснена ночь и удлинился рабочий день». Ни в одном другом бизнесе, уверен Дэниел Ергин, автор нашумевшей в свое время книги «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», так ярко и четко не проявлялся смысл риска и вознаграждения, влияние удачи и судьбы: «И если мы заглянем в XXI-е столетие, то осознаем, — подчеркивает автор, — что в нем господство в равной мере будет определяться как микропроцессором, так и бочкой нефти»⁵. И как показывают современные события, он не ошибся в своем прогнозе.

Спустя сто лет после открытия американского нефтяного Клондайка началось освоение уникальных нефтяных месторождений Сибири. Самой удивительной страницей этой истории стал Самотлор, получивший мировое признание как «нефтяная жемчужина России», «легенда века», «фонтаны черного золота». «Тюменская правда» от 4 апреля 1969 г. торжественно известила мир о пуске первой эксплуатационной скважины Самотлорского нефтяного месторождения под номером 200. Это подвело черту под «активным скепсисом» специалистов — противников нефте-разведок в нашем регионе, развернувших нашумевшую дискуссию о бесперспективности самих работ, даже несмотря на первую нефть Шаима и результаты начального этапа мегионских буровых работ.

Как вспоминает первый секретарь Нижневартовского горкома КПСС, а затем первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома

КПСС, Герой Социалистического Труда Василий Васильевич Бахиллов, в 1965 г. геофизики вышли на Самотлор, а геологи «отбили точку» рядом с этим озером, в болоте. Бурение поручили бригаде бывшего фронтовика-танкиста Г.И.Норкина, которая отправилась к Самотлору в декабре, преодолев 30 км пути от Мегиона до Нижневартовска за 30 дней, и тридцать раз тонула в болотах. Вся местность на 90 процентов представляла водной гладью. Никакими словами, говорит автор, не описать трудностей, выпавших на долю бригады первооткрывателей большой самотлорской нефти. А проходку уникальной скважины Самотлора № 200 начала бригада С.А.Повха 27 января 1968 г. при 44 градусах мороза, что было «естественным рабочим моментом», на который рабочие не обращали никакого внимания. Главной была уникальная скважина⁶.

И если еще в 1964 г. обозреватель британского еженедельника «Экономист» скептически оценивал итоги сибирских нефтеразведок с вопросительным знаком: «Русские убеждены в том, что сибирская земля наполнена нефтью и что они нашли третье Баку?», то спустя всего три года американский журнал «Бизнес уик» процитировал слова побывавшего тогда в СССР крупного западного политика: «Ткните пальцем в любом месте Сибири, и из отверстия пойдет либо газ, либо нефть»⁷.

Уникальные богатства России потрясали воображение специалистов всего мира. В восьмом томе «Летописи Севера», подготовленной Центральным научно-исследовательским институтом при Госплане РСФСР, констатировалось: по самым скромным подсчетам выигрыш от использования уникальных ресурсов севера Тюменской области оценивается в несколько десятков миллиардов рублей. И достаточно нелогичным (с позиций сегодняшнего дня) стал вывод: «что свидетельствует о высокой народнохозяйственной эффективности освоения нефти и газа». К сожалению, впоследствии эти надежды не оправдались и стали тайной полишинеля, о которых тогда в СССР не принято было говорить вслух, но о чем знал весь мир: мы «неэффективно» проели свои с таким трудом заработанные нефтедоллары.

В том же докладе ЦНИИ Госплана РСФСР оптимистично заявлялось: «Освоение региона продолжается ускоренными темпами». Темпы натиска техногенной цивилизации действительно впечатляли. Этот штурм больше напоминал военные действия с

приведением в полную боевую готовность всей массы разнообразной, согнанной со всей страны техники, в буквальном смысле «пропахавшей» Север и изуродовавшей его в те годы до неузнаваемости. Нефть становилась проклятием Югории⁸.

Жесткий политический заказ КПСС и столь же серьезные «исторические издержки» погони за «большой сибирской нефтью» в развернувшейся панораме битвы за энергоносители оставляют «за кадром» саму атмосферу не выдуманной, а реальной жизни, где соседствовала романтика первооткрывательства со сверхчеловеческим испытаниям на прочность и мужеством простых «работяг» и тех руководителей, кому «было что терять», покидая уютные кабинеты областных центров. Это стало доминантой жизненного выбора целых поколений советских людей разных национальностей и возрастов, приехавших из различных республик страны. И прежде всего, конечно, молодежи, искренне откликнувшейся на призыв времени и судьбы. Последняя «писалась» сумасшедшими морозами, примитивными социальными благами, мошкой, неблагоустроенными балками, а также массовыми молодежными свадьбами, рождением первенцев, демографическим взрывом, с лихвой компенсируя отсутствие житейского комфорта там, где пульсировала энергия молодости и желания состояться в деле. В книге «Чудо XX века» бывший крупный партийный руководитель Сергей Дмитриевич Великопольский вспоминает: «Мы были влюблены в этот край, верили в наше дело, чувствовали личную причастность к происходившим переменам, росли и мужали вместе со становлением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Вот почему северянином становятся однажды и на всю оставшуюся жизнь»⁹.

Правда, и цена, уплаченная за такое сверхнапряжение, оказалась необычайно высокой: «северная ... нефть и газ отбирают столько здоровья и сил, что преждевременный уход из жизни становится жестокой нормой. Такие руководители, как Роман Иванович Кузоваткин, отдавшие себя без остатка государственному делу, достойны уважения и долгой памяти. В том числе — на уровне увековечивания имени в названии улицы нашего города. А также сохранения в памяти знаменитого девиза Р.И.Кузоваткина: “Я был, я видел, я делал”»¹⁰.

Ушедшая в прошлое легендарная эпоха рождала редкое для сегодняшнего дня понимание самоценности человеческой личности, раскрывающейся через высокое мужское достоинство в труде, что ценилось тогда необычайно высоко. При вручении в 1971 г. Геннадия Михайловичу Левину ордена Ленина и золотой медали Героя Социалистического Труда, а остальным членам его бригады различных наград (что стало само по себе прецедентом в нефтяной практике награждений) легендарный В.И.Муравленко сказал о бригадире: «В этом человеке удивительно гармонично сочетаются мужская красота и профессиональное мастерство, юношеский задор и зрелое понимание своего долга, рабочая честь, большая скромность и доброта»¹¹.

Находившийся в самой гуще всех исторических событий региона почетный гражданин Нижневартовского района Владимир Дмитриевич Салмин в написанных им очерках по истории Нижневартовского района раскрывает калейдоскоп характеров, отношений к жизни тех, чьи имена становились легендой в далекие 60-е гг. еще при жизни, например, начальника Главтюменьгеологии Юрия Григорьевича Эрвье, Владимира Алексеевича Абазарова, возглавившего Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Последний на вопрос о том, как ему, только что приехавшему южанину, понравилась Сибирь, ответил: «Человеком почувствовал себя на Севере». По словам автора, «было в характере этого человека что-то яростное. Работал он самозабвенно, не жалея сил и времени. А какой завидной для руководителя дисциплиной он отличался!... Когда переходил на другое место работы, весь коллектив, расставаясь с ним, жалел, что теряет его»¹².

«Летят годы, меняется жизнь, но память остается, — говорит С.Д.Великопольский. — Разве можно забыть, когда, возвращаясь с Самоглора в Нижневартовск, председатель Госплана, известный нефтяник, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Н.К.Байбаков, подъезжая к переезду железной дороги Тюмень-Сургут-Нижневартовск, попросил меня остановить автобус, в котором находилось более десятка руководителей округа, области и страны. Мы остановились, — вспоминает автор. — Я вышел вместе с Байбаковым, остальные остались в автобусе. Подойдя к железнодорожному полотну, Николай Константинович снял каракулеву папаху и низко поклонился,

постоял молча, потом сказал мне: “Эта дорога к большой нефти — память о судьбах десятков и сотен тысяч людей. О тех, кто создавал в рекордно короткие сроки главную энергетическую базу страны, основу экономики России. Это память о тех, кто ушел в вечность, оставив потомкам города, дороги, нефтепромыслы”. Вот так, несколько необычно, Н.К.Байбаков отдал дань нашему поколению, с которым жил и работал»¹³.

Подводя итоги, следует заметить, что воспоминания не всегда выдерживают испытание читательским вниманием, которое сегодня явно избаловано глянцевыми обложками-пустышками. Однако именно «живой голос истории» способен рассказать намного больше, чем многотомные сочинения профессионала, перед которым стоят пусть и благородные, но совершенно иные задачи. Тем более что сегодня, как и сто пятьдесят лет назад, нефть подтверждает свою способность создавать или разделять нации, а ее власть зависит от цены за баррель.

Именно она выявила все самое лучшее и худшее в нашей цивилизации, став благом и палачом, театральным подиумом трагических и дорогостоящих ошибок, ареной состязания творчества и самоотверженности, смекалки и технических ноу-хау, алчности и благородства, коррупции и тяжелого физического труда. Во имя этого амока проливаются моря крови, разжигаются войны, как сегодня на Ближнем Востоке. Наш век — это время, где каждая грань цивилизации оказалась «оплавленной» в горниле заволаживающей алхимии нефти. Но неужели навсегда ушел в прошлое человеческий потенциал покорителей нефтяных фонтанов Сибири, умевший умирять не только политические амбиции, охлаждать горячие головы карьеристов, но и шлифовать собственную земную природу, явив России феномен формулы: *«Я был, я видел, я делал»*.

Примечания

¹ См.: Сапожникова Н.В. и др. Эхо несостоявшегося детства: «говорящая» Книга Памяти. 2-е изд. Нижневартовск, 2011. С. 25—36, 38—40, 47—52.

² Бахилев В.В. Дорога к нефти. Свердловск, 1975; Салмин В.Д. Нас собрал Самотлор. Сургут, 1998; Великопольский С.Д. Чудо XX века. Книга воспоминаний. Тюмень, 2001; Козлов В. Первопроходцы. Очерки истории разведочных

работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах. Екатеринбург, 2003. Кн. 1; Екатеринбург, 2005. Кн. 2, и др.

³ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Ч. 2. С. 197.

⁴ Наследие. «В мировом рынке только знание и есть сила действительная» // Гермес. 1994. № 1. С. 12.

⁵ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999. С. 15—17.

⁶ Бахилев В.В. Дорога к нефти. С. 62, 63, 86.

⁷ Цит. по: Бахилев В.В. Дорога к нефти. С. 26—27; За сокровищами Девона. Казань, 1968. С. 109.

⁸ Сапожникова Н.В. В страну Югорию... // Нижневартовский район. Страницы истории. Очерки, исторические справки, фотодокументы. Нижневартовск, 1998. С. 4.

⁹ Великопольский С.Д. Чудо XX века. Книга воспоминаний. Тюмень, 2001. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 129.

¹¹ Там же. С. 157, 158.

¹² Салмин В.Д. Нас собрал Самоглот. Очерки, посвященные 70-летию истории Нижневартовского района. Сургут, 1998. С. 17, 19.

¹³ Великопольский С.Д. Чудо XX века. С. 7.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

ПЕРВЫЕ ЗАПИСКИ АНГЛИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX — НАЧАЛА XXI вв.¹

Регулярные русско-английские отношения, которые установились в середине XVI столетия, нашли отражение в многочисленных записках англичан о России. Более того, эти записки с 1550-х гг. начинают явно преобладать среди посвященных «Московии» сочинений иностранцев¹. Как можно считать вслед за О.В.Дмитриевой, путевым заметкам и воспоминаниям англичан мы во многом обязаны уникальными сведениями о повседневной жизни, быте и нравах русского народа².

В 1938 г. вышло в свет (в переводе Ю.В.Готье и с введением Г.А.Новицкого) издание 17 сочинений англичан о поездках в Россию и (через ее территорию) в азиатские страны в XVI в. (Х.Уиллоуби, Р.Ченслера, А.Дженкинсона, У.Берроу, С.Берроу, А.Пэта и Ч.Джекмена, Х.Берроу, Т.Соутэма и Дж.Спарка, Т.Олкока, Дж.Рени, Р.Чини, Р.Джонсона, А.Китчина, А.Эдуардса, Л.Чэпмэна, Т.Бэннистера, Дж.Дэкета).

А.Н.Медушевский подобно С.М.Середонину видит в записках англичан о России XVI в. «целостный комплекс источников, объединенных их происхождением, замыслом, условиями создания, наконец, определенным единством традиции взгляда на Россию»³. Мемуары англичан, интересные тем, что написаны людьми, принадлежавшими уже не феодальной эпохе⁴, внесли свою лепту в формирование стереотипного образа русских в Англии, хотя помимо таких источников, он складывался и на основе устных показаний английских купцов⁵. В сочинениях англичан, указывал Н.В.Бочкарев, больше всего внимания уделено интересовавшим их экономическим вопросам; «еще подробнее явления русской хозяйственной жизни освещены в записках торговых агентов английской компании» (Ченслер, Дженкинсон, Горсей и др.)⁶.

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4218.2012.6

Как замечал В.Трапезников, в описаниях англичан отразились быт, нравы, экономика России, имеются любопытные сведения о Русском Севере, например, Вологде⁷.

Из довольно многочисленной группы создателей английской «Россики» второй половины XVI в. выделяется несколько, свидетельства которых являются наиболее важными: Р.Ченслер, А.Дженкинсон (ездивший в «Московию» пять раз в 1557—1572 гг.), Т.Рандольф, совершивший путешествие в 1568—1569 гг., Дж.Боус, побывавший в русской столице, хотя и с весьма плачевными результатами, в 1583—1584 гг., Дж.Горсей и Дж.Флетчер⁸. В оценке А.А.Севастьяновой, «если записки Ченслера, Дженкинсона, Рандольфа были скорее путевыми и посольскими дневниками, то сочинения Горсея и Флетчера можно назвать трактатами о России второй половины XVI — начала XVII в.»⁹

Начало русской теме в сочинениях английских путешественников XVI—XVII вв. положило описание путешествия Р.Ченслера (1553—1554 гг.) — одно из наиболее ценных свидетельств иностранцев о Московском государстве¹⁰.

По словам Г.А.Новицкого, Р.Ченслер оказался на высоте всех тех требований, которые ставила перед экспедицией 1553 г. инструкция лондонских «купцов-предпринимателей». Опытный моряк, пишет историк, показал себя не менее опытным, пронырливым купцом-разведчиком, быстро сумевшим оглядеться вокруг себя и собрать все те сведения, которые могли более всего заинтересовать его лондонских хозяев. Он сразу уловил новые явления в экономике Московской Руси XVI в.: рост связей с рынком и довольно значительное для того времени развитие внутренней торговли, что ярко выступает в кратком, но очень насыщенном описании Ченслером «Московии»¹¹. То, что Ченслер проявил острый интерес к русскому рынку, оценил выгоду прямых торговых связей с Россией, отмечалось и другими исследователями¹².

На взгляд М.Малина и М.И.Радовского, если Р.Ченслер и не был первым из англичан, кто вступил в деловые отношения с русскими, то ему, несомненно, принадлежит пальма первенства в широком ознакомлении английского общества с Московским государством, о состоянии которого он знал по непосредственным наблюдениям. В глазах М.Малина, Ченслер являлся не только отважным мореплавателем, но и одаренным писателем. В его сочинении

приводятся сведения о политической, экономической, бытовой и религиозной сферах жизни русского народа. В записках Д.Хесса, спутника Ченслера в его первом путешествии в Россию, говорится о системе мер, весов, денежном обращении, торговле с иностранными купцами в России, пошлинах, а также о том, что торговлей занимается сам царь¹³.

О поездке Ченслера остался рассказ, записанный по латыни К.Адамсом. В этом рассказе, считает М.А.Алпатов, на первый план выступает непосредственность человека, впервые увидевшего диковинную страну. Сама экспедиция в Россию представлялась ему как чисто коммерческое предприятие английских купцов, некая одиссея за пределы привычного цивилизованного мира¹⁴.

Первое, что Ченслер тут заметил, были большие возможности для английской торговли. Но Москва, которую он больше всего наблюдал, интересовала его не столько как торговый центр, полагал М.А.Алпатов, сколько как русская столица. В России Ченслер нашел нерушимый порядок и высоко это оценил. На взгляд одного из первых англичан, побывавших в «Московии», ее могущество выражается в большой армии и той роскоши, которую позволяют себе царь и дворянство. М.А.Алпатову бросается в глаза то обстоятельство, что Ченслер подчеркивал, с одной стороны, прочность единой державы в России и богатство ее государя, а с другой — наличие бедности¹⁵.

Возражая М.А.Алпатову, Т.Л.Лабутина полагает, что «именно Флетчер представил наиболее объективную и достоверную картину русского государства во второй половине XVI века», хотя обошел вниманием духовную культуру народа, ибо англичанам удобно было представить Россию варварской для оправдания своих колониальных притязаний¹⁶.

В оценке А.Н.Медушевского главным предметом внимания Р.Ченслера, сделавшего «первое описание Московского государства для своих сограждан», стал «тот круг явлений, который был непосредственно связан с торговлей»¹⁷.

М.М.Денисова отмечала, что в записках Ченслера как основной род русских войск выделяется конница, но автор «совсем проглядел пехоту и стрельцов»¹⁸.

По определению Д.П.Глазковой, сочинение Ченслера состоит из двух частей — первая написана по-латыни К.Адамсом — о ходе экспедиции до прибытия в Россию, а вторая — это описание самой «Московии» в виде частного письма Ченслера¹⁹. Он перечисляет производимые в России товары и подчеркивает, что «повседневная жизнь самого царя не отличается какими-либо излишествами», пишет об удивительной выносливости русских и их небывалой скрытой силе. Но автора удивляет повиновение и смирение русских, их природная склонность к обману. Рассказ Ченслера важен для изучения нравов, обычаев и культуры. Им описаны почти все стороны жизни русского народа, а некоторый субъективизм автора даже привлекателен, отражая мнение человека о стране, куда попал впервые и о которой прежде не слышал²⁰.

Еще С.Ф.Платонов замечал, что наблюдательный и образованный А.Дженкинсон проявил одинаковые способности к дипломатической, коммерческой и научной деятельности. Его географические наблюдения и измерения, этнографические описания, торговые справки, дипломатические переговоры принесли громадную пользу английскому правительству и тем торговым организациям, с которыми он был связан²¹.

Как думается Н.Т.Накашидзе, А.Дженкинсон являлся, несомненно, одним из самых умных и расторопных представителей Англии в России. Будучи одновременно и путешественником, и тонким наблюдателем, и торговым агентом, и неплохим дипломатом, он мог оказывать большие услуги своим соотечественникам²². В записках Дженкинсона речь идет о транзитной торговле через русские земли. В энциклопедической статье о Дженкинсоне указано, что его описание путешествий — важный источник по истории взаимоотношений России с Англией, Бухарой, Хивой и Ираном²³. На взгляд А.Н.Медушевского, Дженкинсон, «повидимому, вел записи своих путешествий, чем объясняется большая конкретность его сведений», вплоть до определения «широт многих мест Московского государства»²⁴.

Карта Московии, составленная, как обычно считается, в 1562 г. Дженкинсоном, пользовалась широкой известностью и авторитетностью; в 1570 г. она была включена в европейский географический атлас «Зрелище мира земного»²⁵. Эта карта, выдержавшая множество изданий, создана в основном по сведениям, собранным

или в России, или известным до его приезда туда, отмечал М.Малин²⁶. Б.А.Рыбаков же полагал, что карта Дженкинсона — не 1562, а 1557—1558 или 1559—1560 гг., а ее протооригинал — чертеж 1497 г., который англичанину дали или позволили скопировать²⁷.

По мнению И.И.Любименко, на карте, составленной Дженкинсоном, впервые содержится точный чертеж Белого моря и северного побережья России, включая острова Вайгач и Новую Землю²⁸. Как отмечалось С.В.Бахрушиным и Н.В.Устюговым, Дженкинсон, пользуясь русскими источниками, на своей карте указал Мангазею²⁹.

С точки зрения М.А.Алпатова, А.Дженкинсон сыграл крупнейшую роль в англо-русских отношениях 50—60-х гг. XVI в. Он, будучи сторонником союза с Россией, основное внимание уделил в своих записках связям ее с Англией, прежде всего крупному конфликту между ними, который пришлось улаживать самому этому послу во время заключительной поездки в Москву. (Происхождение конфликта было связано с теми надеждами, которые Грозный возлагал на Англию. Он вовсе не исключал победу боярства, и на случай такого неблагоприятного для себя исхода решил негласно запросить правительство Елизаветы I, как оно поведет себя, если русскому царю придется искать убежище в Англии). При этом социальный строй России Дженкинсона не интересует, утверждал М.А.Алпатов³⁰.

Наблюдения Д.Турбервилля, который служил в посольстве Т.Рандольфа, за бытом, занятиями, климатом, природными условиями А.А.Севастьянова находит полезными для изучения формирования английского стереотипа России XVI в. Русскими письменными и, вероятно, устными свидетельствами Турбервилль не пользовался. Знание им русского языка, даже разговорного, вызывает у исследовательницы большие сомнения. Правда, Турбервилль вводит в свои послания отдельные русские слова обиходного значения, но количество их очень невелико. Похожую запись некоторых таких слов другим англичанином — Р.Джемсом, побывавшим в России в начале XVII в., — Б.А.Ларин счел проявлением его контактов с английской колонией в России. Точно также и для Турбервилля, думается А.А.Севастьяновой, источником информации могли быть сами англичане. В глазах

А.А.Севастьяновой, секретарь посольства Т.Рандольфа изучал Россию «без выраженных меркантильных целей»³¹. Его описания тенденциозны, он резко отрицательно отзываясь о нравах и политическом строе России, но наблюдения Д.Турбервилля важны там, где передаются «непосредственные впечатления без оценочных суждений и морализирования», например, о жизни крестьян, домостроительстве³².

По замечанию А.А.Севастьяновой, Турбервилль обвиняет всех «москвитов» в склонности к порокам, невежественности и грубости. Он рассказывает о скотоводстве в условиях суровых русских зим и расходится с той идеализированной картиной провинции, которую рисует в своих записках о поездке в «Московию» Рандольф³³.

Эти записки, указывает М.А.Алпатов, распадаются на две «разнотемные» части: описание самого путешествия и рассказ о дипломатической миссии³⁴.

С точки зрения А.Н.Медушевского, взгляд на Россию «первых английских путешественников в известной мере определил тот круг вопросов и явлений, которые затем становились предметом более пристального рассмотрения»³⁵.

Одно из центральных мест среди записок англичан о России принадлежит сочинениям Джерома Горсея.

Незаурядный представитель той профессии купцов и дипломатов, которая получила широкое распространение в пору, когда международные связи Англии приобретали все более широкий размах³⁶, Горсей находился в России по коммерческим и дипломатическим делам почти два десятилетия. Он стал своего рода посредником между Московским государством и Англией: ездил к королеве Елизавете с поручениями от Грозного и Бориса Годунова, действовал от их имени при британском дворе. По словам М.А.Алпатова, никто из предшественников Горсея не пробыл в России столько времени, как он, никто из них не написал так много о России, как он³⁷.

В записках Горсея причудливо сочетаются ценные свидетельства очевидца или хорошо осведомленного лица и явные преувеличения, если не фантазии автора, путаница в последовательности событий. При этом, рассказывая о функционировании государственных учреждений в России, сословной и должностной

принадлежности русских, Горсей пользуется английскими терминами, по наблюдению А.А.Севастьяновой, не закрепляя их за определенными понятиями и описываемыми явлениями³⁸.

Нелестные зачастую характеристики личности автора в историографии не повлияли на популярность его сочинений: записки Дж.Горсея давно, со времен Н.М.Карамзина, стали настольной книгой исследователей российской истории второй половины XVI в. в силу уникальности многих сведений о политической борьбе времени Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова, о состоянии русско-английских отношений той поры. Записки привлекают к себе внимание как свидетельства осведомленного наблюдателя либо человека, оказавшегося в самой гуще тех событий в России 70—80-х гг. XVI в., о которых русские источники умалчивают или повествуют весьма тенденциозно³⁹. Но уникальность ряда сообщений Горсея во многом порождает расхождения исследователей в трактовках этих известий. В ряде случаев, указывает А.А.Севастьянова, правильной интерпретации мешают неточности перевода⁴⁰.

Я.С.Лурье считал произведения Дж.Горсея «важнейшим источником русской истории конца XVI в.» и отклонял ранее высказанные соображения о том, что при создании записок преследовались сугубо личные цели — опровергнуть обвинения, возмущавшие на автора со стороны «Московской компании», жалобы которой ученому казались чрезвычайно пристрастными⁴¹. Доводы Я.С.Лурье в представлении А.А.Севастьяновой не позволяют рассматривать весь текст записок лишь как попытку автора оправдать свои действия в России⁴².

В записках Горсея, указывал М.И.Радовский, есть данные о культурных связях, да и сам английский дипломат и предприниматель преподавал латынь Ф.Н.Романову⁴³. По наблюдению Я.С.Лурье (затем повторенному Р.Г.Скрынниковым), Горсей и Флетчер расходятся в определении конкретного характера непопулярных, но доходных мероприятий царя, из-за которых он передал власть Симеону Бекбулатовичу⁴⁴. Г.Д.Бурдей обращал внимание на мысль Дж.Горсея о связи между переменами в опричных порядках и набегами Девлет-Гирея на русские земли⁴⁵.

На взгляд М.А.Алпатов, Горсей пытается подвести итог правлению первого русского царя, и создателю записок нельзя отказать в

стремлении объективно разобраться в такой чрезвычайно сложной проблеме, как место Грозного в русской истории, по которой не утихли споры даже в современной науке.

Близкий одно время к царскому двору англичанин не пожалел красок, чтобы изобразить жестокость Ивана IV. Для этого у Горсея было достаточно материала как у современника и человека, вхожего в боярские круги. Изображение теневых сторон правления Грозного согласовывалось и с концепцией английского автора: ему, находит М.А.Алпатов, хотелось доказать, что жестокость царя являлась возмездием провидения русскому народу, которого Горсей не жаловал⁴⁶.

Горсей всеми способами раздувает значение собственной личности, и, на взгляд ученого, там, где записки становятся апологией автора, они теряют роль важного исторического источника. Повествование же о Ливонской войне ведется таким образом, что противники России, оказывается, ведут себя по-джентльменски, а русские только убивают и разоряют. Впрочем, о том, что Горсей видел сам, он рассказывает более правдиво.

М.А.Алпатов задается вопросом о том, знал ли Горсей русский язык. Из его сочинений видно, что он говорил с «московитами», в том числе с Борисом Годуновым, вполне свободно, иногда наедине; объяснялся по-русски в Посольском приказе, а со знаменитым дьяком А.Я.Щелкаловым даже вел беседу о русских поговорках; переводил английские документы на русский язык. Прожив в России более 17 лет, англичанин вполне мог освоить местную разговорную речь. Однако исследователю кажется сомнительным, чтобы Горсей, как он сам утверждает, читал русские летописи⁴⁷. Ведь в отличие от С.Герберштейна, Горсей нигде не излагает содержание летописи. Его рассказ ограничивается все тем же временем Грозного, которое он или помнил лично, или знакомился с ним по тем «оппозиционным» записям, что велись в среде бояр. Дружба с ними сыграла не последнюю роль в том, что время Грозного представлено Горсеем в боярской интерпретации, думает М.А.Алпатов, находя, что именно в тайных рассказах и записях знакомых московских сановников черпал Горсей свои сведения.

По утверждению М.А.Алпатова, русские летописи Горсей не мог читать уже потому, что был необразованным человеком. Ведь даже английский язык его сочинений с большим трудом смогли

понять сами англичане. (Это обстоятельство отмечала и Э.С.Виленская⁴⁸).

И если Горсей освоил современный ему русский разговорный язык (хотя трудно судить о степени этого освоения), то он ничем не обнаружил знакомство с книжным языком летописей⁴⁹. Последним сумел овладеть С.Герберштейн, знавший славянский язык с детства, но это едва ли оказалось по силам Горсею, считает М.А.Алпатов.

В его представлении с уверенностью о Горсее можно говорить лишь как об историке современной ему России, поскольку англичанину «подвластен был тот материал, который он знал по личным наблюдениям или по рассказам современников». Раз Горсей служил агентом «Московской компании», то не мог не знать состояния торговых дел в России. Он был вхож в сановные и правительственные сферы, встречался с Грозным⁵⁰, близко знал Бориса Годунова, выступал дипломатическим посредником между русским и английским правительствами. Поэтому, заключает М.А.Алпатов, Горсей оставил ценные, а подчас уникальные свидетельства о современных ему событиях⁵¹.

А.А.Севастьянова, подготовившая новейшее издание произведений Дж.Горсея, в начале 1970-х гг. обратилась к вопросам происхождения текста записок, которые включают три сочинения: «Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная ... коронация Федора Ивановича», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея». Их анализ привел А.А.Севастьянову к выводу о том, что в составе источника есть разновременные слои, дата создания которых повлияла на содержание конкретных известий и степень их достоверности⁵².

Оказывается, работа английского предпринимателя и дипломата над своими сочинениями была «многоступенчатой»: в течение приблизительно двух десятилетий он несколько раз редактировал по крайней мере «Путешествия», почему текст записок приобрел своеобразную хронологическую «разнослойность». С точки зрения А.А.Севастьяновой, основу «Путешествий» составляет рассказ о царствовании Ивана IV, восходящий к заметкам «дневникового характера», обработанным не позднее конца 1580-х гг. Этим же временем датируется «Торжественная ... коронация», опубликованная уже в 1589 г. Вскоре, видимо, появились фрагмент

«Путешествий», посвященный первым годам царствования Федора Ивановича, и «Трактат». Как находит А.А.Севастьянова, в начале XVII в. текст «Путешествия» пополнился значительным словом заметок «мемуарного характера» о событиях рубежа 1580—1590-х гг. и описанием («по чужим рассказам») событий московской Смуты. В это же время и даже, по-видимому, в 20-х гг. XVII в. в текст «Путешествия» были вкраплены отдельные заметки и комментарии. А.А.Севастьянова подчеркивает, что такова примерная хронология «этапов создания записок»; более точные выводы о творческой истории произведений Горсея можно будет сделать лишь при использовании оставшихся недоступными исследовательнице оригинала рукописи Горсея и документов британских архивов⁵³.

А.А.Севастьянова попыталась раскрыть внутреннюю структуру записок (текст которых оказывается далеко неоднородным), что позволяет датировать со значительной точностью отдельные известия и группы известий Горсея⁵⁴.

А.А.Севастьяновой представляется безусловно ошибочным такой путь к выяснению процесса работы Горсея над записками, при котором на весь этот «многоступенчатый» процесс накладывается жесткая, хронологически последовательная схема. Ведь в сочинении Горсея есть разделы и мемуарного характера, и сочетающие сведения, которые могли быть записаны еще в России с отдельными известиями, зафиксированными по воспоминаниям.

Одна из особенностей текста рассматриваемого источника заключается, на взгляд А.А.Севастьяновой, в том, что и первоначальная, и мемуарная его части содержат и более поздние известия (стало быть, почти всегда менее точные), и примеры более ранних (следовательно, более близких к действительности) записей. Так, вставки, внесенные в рассказ Горсея о Ливонской войне, привели к хронологической путанице⁵⁵. Другая замеченная исследовательницей особенность текста состоит в том, что обе указанные части произведения могли подвергаться редактированию, иногда даже несколько раз, скорее всего, в начале XVII в.⁵⁶ При этом А.А.Севастьянова констатирует «сбитость хронологической сетки в сочинении Горсея»⁵⁷.

Чем ближе подходит автор к описанию событий второй половины 70-х — начала 80-х гг. XVI в., тем достовернее становится

его рассказ. Собственно ценность записок Горсея как источника во многом определяется именно сведениями за 1570—1580-е гг., полагает А.А.Севастьянова. На ее взгляд, если в целом текст записок Горсея содержит немало примеров небылиц и выдумок, то в описании событий тех лет их почти нет; каждое известие здесь отражает в основе своей (более или менее пострадавшей от авторской интерпретации) действительное историческое явление.

Сообщение о войне между Турцией и Персией завершает группу точно датированных сведений; с этого момента рассказ Горсея становится сильно запутанным хронологически и неясным по содержанию, а иногда прямо не отвечающим действительности. Один слой известий А.А.Севастьянова оценивает как небольшой самостоятельный рассказ, где все события концентрируются вокруг 1586 г., отчего возникает впечатление об их взаимной связи⁵⁸.

Рассказ о посольствах (во всяком случае, вторую его половину — о посольстве 1589 г.) можно с определенной долей уверенности датировать 1592—1593 гг., пишет А.А.Севастьянова. Наименее ценны, с ее точки зрения, заключительные известия Горсея; они появились главным образом после 1613 г. (венчание на царство Михаила Романова изображается Горсеем как окончание Смутного времени). Последнее замечание автора о себе самом, прожившем уже 30 лет в Букингемском графстве, позволяет считать 20-е гг. XVII в. завершающей хронологической гранью этой части произведения и «Путешествий» в целом. Рассмотрение текста второй части «Путешествий» дало А.А.Севастьяновой некоторые основания признать эту часть мемуарной, писавшейся хотя и в разные годы, но уже после того, как Горсей вернулся в Англию, навсегда покинув главное «место действия» своих записок — Россию. (Наиболее содержательная часть его записок написана во второй половине 1580-х гг.⁵⁹)

По определению А.А.Севастьяновой, текст Горсея, посвященный «русским» событиям до приезда его в «Московию», создавался на основе устных источников и имеет следы позднего редактирования, внесшего в эту часть памятника некоторую хронологическую путаницу⁶⁰.

Нарушение временной последовательности в рассказе о событиях 1570 г. служит для А.А.Севастьяновой лишним подтверждением

того, что источником сведений для Горсея явилась устная традиция. Сначала он описывает неудачную осаду Ревеля, затем поход на Псков, потом — опричный погром Новгорода, между тем новгородский погром предшествовал и походу царя на Псков, и осаде Ревеля.

Вслед за Ю.В.Толстым возможным информатором Горсея о событиях Ливонской войны А.А.Севастьянова считает князя И.И.Голицына — соседа автора записок по Английскому подворью⁶¹.

Об «архиве» Горсея можно говорить лишь предположительно, считает А.А.Севастьянова. Судя по упоминаниям в записках, он пользовался при их создании некоторыми документами, в том числе, видимо, на русском языке. Большая часть их — непосредственно деловая переписка, иногда копии с писем, касавшихся англо-русских торговых и дипломатических связей 80-х гг. XVI в. Судьба этого «архива» отражена Горсеем в его сочинениях: он упоминает о передаче принадлежавших ему документов и записей в «ученое распоряжение» Уильяма Кэмдена, Джильса Флетчера и Роберта Коттона⁶².

По словам А.А.Севастьяновой, Горсей — «авантюрист, политический и коммерческий деятель, пять раз — между 1573 и 1591 годами» — побывавший в России, откуда дважды возвращался на родину, как «осведомленнейший среди англичан в русских делах» оставил в своих «записках целый пласт все еще мало востребованных историками характеристик “людей двора” двух государств»⁶³. Так, А.А.Севастьянова усматривает в записках Горсея «своеобразную миниатюрную “повесть о Борисе”»⁶⁴, про которого автор писал и «по чужим рассказам», и по собственным воспоминаниям⁶⁵.

А.А.Севастьянова «с большой долей уверенности» говорит о том, что эти записки «стали важным источником “русских” сюжетов в художественных и поэтических произведениях ... елизаветинского придворного кружка»⁶⁶.

Как отмечали В.И.Корецкий и С.О.Шмидт, Дж.Горсей обращался к неофициальной русской летописи⁶⁷. Зато А.А.Севастьянова, подобно М.А.Алпатову, указала на то, что «искушенный» дипломат едва ли знал «летописные русские материалы» (при его знании письменного русского языка), возможно, англичанину «читали что-то из русских летописей»⁶⁸. На ее взгляд, порой

Горсей прибегал к сочинению Флетчера. С чужих слов, как думается исследовательнице, англичанин, в 1580 г. возглавивший московскую контору «Русского общества» британских купцов, писал о Смуте, разразившейся в России в конце царствования Бориса Годунова⁶⁹. А.А.Севастьянова отметила также текстуальную зависимость рассказа Горсея о России начала XVII в. от записок Т.Смита, который сам накануне поездки в Москву слушал рассказы Горсея, не раз бывавшего в «Московии» при Иване Грозном и Борисе Годунове.

По недавнему допущению А.А.Севастьяновой, Горсей использовал не записки Т.Смита, а рассказ о судьбе Федора Борисовича Годунова, кем-то (из состава посольства Т.Смита) «обработанный» для этих записок⁷⁰. С.Н.Богатырев же находит, что Горсею был знаком отчет Т.Смита о посольстве в Россию — дневник, который вел секретарь посла Д.Уилкинз⁷¹.

А.А.Севастьянова остановилась на критике показаний Горсея, часто используемых историками и определяющих источниковую ценность его записок.

С точки зрения исследовательницы, Горсей приводит сильно преувеличенную цифру жертв новгородского погрома — 700 тысяч человек⁷².

А.А.Севастьянова весьма убедительно показывает, что сохранившиеся в записках Дж.Горсея сведения, вопреки мнениям ряда историков, нельзя рассматривать как прямые свидетельства о Земских соборах 1575—1584 гг.⁷³; о них он писал по слухам⁷⁴.

В глазах А.А.Севастьяновой, если Горсей порой и «фальсифицирует факты» (по выражению Р.Г.Скрынникова), то делает это слишком уж последовательно; следов явных фальсификаций в разобранных известным ученым свидетельствах нет. Так, со слов русских в Ярославле и англичан, бывших тогда в Москве, Горсей уже в 1591 г. записал известия и слухи об убийстве в Угличе царевича Дмитрия, которое стало прологом Смутного времени. В представлении А.А.Севастьяновой, Р.Г.Скрынников не прав, когда отвергает сообщение Горсея об углической драме как тенденциозную версию Нагих. А.А.Севастьянова показывает, что «концепция» Р.Г.Скрынникова о мятеже этих царских родственников, центром которого должен был стать Ярославль, не может считаться доказанной, если исходить из данных записок. Аналогичные

замечания об интерпретации текста источника можно сделать и по поводу версии Р.Г.Скрынникова о продолжении действий мятежников Нагих в Москве⁷⁵. При этом А.А.Севастьянова останавливается на особенностях терминологии записок Горсея и вопросах перевода источника.

Исследовательнице думается, что многие выводы предшествующих историков, например, Р.Г.Скрынникова, о составе регентского совета при Федоре Ивановиче и угличском деле основаны на ошибочных переводах сообщений Горсея. В оценке А.А.Севастьяновой и расхождении историков в трактовке ряда известий Горсея, особенно уникальных, во многом вытекают из неточностей переводов, которые она постаралась устранить в выполненном ею самой⁷⁶. Так, в изданиях записок важнейшие для смысла известий английские термины (такие, как “parliament”, “council”, “nobility”, “gentlemen”) нередко переводились произвольно; разные русские выражения соответствовали одному и тому же английскому, и наоборот. Это невольно служит ловушками для тех историков, которые отождествляют термины перевода и определения автора источника.

Наблюдения А.А.Севастьяновой над употреблением в записках выражений “noble”, “nobility”, “gentlemen” показывают, что у Горсея они не закрепляются за определенной группой представителей русских господствующих сословий XVI в. Это касается и другой группы английских терминов, перевод которых важен при использовании сведений анализируемого источника о государственном строе России того времени⁷⁷.

А.А.Севастьянова пришла к выводу, что нельзя в каждом конкретном случае установить точное соответствие между специфически русскими терминами (такими, как «собор», «боярская дума», «бояре», «дворяне» и др.) и их английскими аналогами, которыми пользовался Горсей, повествуя о России своего времени (например, “parliament”, “gentlemen”, “noble”, “gentry” и др.). К тому же сам автор явно испытывал затруднения при обозначении знакомыми ему английскими понятиями типично русских явлений; его терминология часто неопределенна и лишена последовательности в употреблении одного и того же выражения⁷⁸.

Отсутствие четкости и разграниченности авторских определений видно, в частности, из сравнения известий о воцарениях Ивана Грозного, Бориса Годунова и Михаила Романова. В изложении

Горсея воцарение Михаила Романова, избранного Земским собором 1613 г., не отличается от вступления на трон Грозного (по воле его отца). Горсей неоднократно пишет о каких-то собраниях, но его терминология едва ли может лечь в основу точной идентификации описываемых явлений. Употребление в записках выражений “council”, “councilroyal”, “parliament”, так же, как и понятий “noblemen”, “gentlemen”, не дает возможности отыскать постоянные русские эквиваленты каждому из них, констатирует А.А.Севастьянова.

Но термины “Knez”, “VelicaKnez”, “Charowich (Charrewich)”, “synnoboarskes”, “sinaboarskoie”, “boaiers” употребляются Горсеем в полном соответствии с их русским смыслом («князь», «великий князь», «царевич», «дети боярские», «сын боярский», «бояре»), хотя в их употреблении есть некоторые особенности, находит та же исследовательница. По ее мнению, выражение “commonsynnoboarskes” у Горсея в известной мере отражает статус русского служилого люда второй половины XVI в., когда чины столичного дворянства (стольники, жильцы, стряпчие и др.) составляли верхний слой, за которым следовали «выборные дворяне» — высший чин провинциального дворянства — и, наконец, «городовые», т.е. провинциальные дворяне и дети боярские. Приведенный термин, вероятнее всего, относится к последнему разряду дворян, заключает исследовательница записок, рассматривающая поиск терминологических соответствий как попытку источниковедческого анализа сохраненных источником сведений, от результативности которой будет зависеть и точность перевода⁷⁹.

По наблюдению исследовательницы, нет в записках и попыток трактовки (хотя часты случаи употребления) русских сословно-чиновных терминов: “knez” (князь), “velicaknez” (великий князь), “charowich” (царевич), “sinnoboarskes” (дети боярские), “boiars” (бояре). Как указывает А.А.Севастьянова, особенность употребления этих терминов у Горсея состоит в том, что они обычно становятся частью имени собственного (“KnezIvanMstisloskoie”, “VelicaKnezIvanVazilewich” и т.д.), реже обозначают иерархическое положение лица. В таком смысле Горсей употребляет привычные ему английские слова “duke” (граф), “prince” (принц). Вот почему в записках встречаются «двойные» титулы: “thedukeKnezMstisloskoie”, “aprinceKnezIvanGlinskoie” и т.п.

Р.Г.Скрынников воспринял вывод о одновременности создания отдельных разделов записок Горсея, сделанный А.А.Севастьяновой, но с некоторыми «уточнениями». Так, ранней редакцией записок ученому кажется «Повествование о посольских миссиях Горсея» за 1580—1587 гг.⁸⁰ (Это заключение вызвало обоснованные возражения со стороны А.А.Севастьяновой⁸¹). В воспоминаниях Горсея о правлении Симеона Бекбулатовича, указывает Р.Г.Скрынников, нетрудно заметить соединение одновременных записей и следы поздней редакторской работы. В частности, Горсей дважды примерно в одинаковых выражениях повествует о беседах придворного медика Бомелия с Иваном IV, строительстве судов в Вологде, царских планах отъезда в Англию и обобрании духовенства. Но в первом случае рассказ завершается известием о «посажении» Симеона, а во втором — описанием собора, созванного для решения вопроса о церковных имуществах⁸².

На взгляд Р.Г.Скрынникова, Горсей, деятельно участвовавший в придворных интригах, лучше других мемуаристов осведомленный в событиях весны 1584 г., не был сторонним наблюдателем, а участвовал в политической борьбе на стороне Годунова, милостями которого пользовался, что наложило заметный отпечаток на свидетельства английского мемуариста⁸³. А.А.Севастьяновой же бросилось в глаза, что Борис Годунов рисуется в записках Горсея то лестно, то «в откровенно недоброжелательном тоне»⁸⁴.

В посмертно опубликованной монографии А.А.Зимины о России середины 1570—1590-х гг. отмечается, что в записках Горсея нет строгой хронологической последовательности, а его рассказ о ликвидации Иваном Грозным тарханов при передаче видимости верховной власти Симеону Бекбулатовичу не подтверждается другими источниками. Выдающийся историк указывал на возможность нескольких трактовок свидетельств Горсея о воцарении Федора Ивановича. В оценке А.А.Зимины, «интересные наблюдения о России тех лет, которые он там провел, перемежаются (у Горсея. — *Е.С., Р.С.*) со всевозможными домыслами». Это объясняется, в частности, тем, что «Путешествия», работа над которыми была в основном выполнена в конце 1580—1590-х гг., приобрели окончательную редакцию только к 20-м гг. XVII в.⁸⁵

Попытка анализа происхождения широко известных записок была предпринята и В.А.Колобковым. Он предложил «наложить

сетку» одного сочинения Дж.Горсея на другое, полагая, что «незакрытые сюжеты дадут жестко установленные поздние вставки». «Путешествия» представляются В.А.Колобкову оригиналом «Коронации»⁸⁶. (Эти выводы и методические соображения автора А.А.Севастьянова оценивает как бездоказательные и некорректные, упрекая В.А.Колобкова в том, что он занимается «игрой в текстовые сюжеты»⁸⁷).

Исследование деятельности Горсея заставило В.А.Колобкова не согласиться с традиционной оценкой этой интересной личности как «недобросовестного человека», «международного авантюриста своего времени», и подойти с большим, чем было принято ранее, доверием к уникальным известиям «Путешествий»⁸⁸.

Анализируя свидетельство Горсея о смерти Ивана IV, В.А.Колобков отмечает, что англичанин, пользовавшийся особыми привилегиями царя, по-видимому, находился во дворце в момент кончины Грозного, о которой сообщил в донесении своему покровителю государственному секретарю Англии Френсису Уолсингему. Хотя это донесение не дошло до нас, рассказ о смерти «яростивого» самодержца имеется в обширном сочинении Горсея, которое писалось в 20-х гг. XVII в.⁸⁹

В.А.Колобкову представляется, что выдержанный в настоящем времени текст, где русский государь называется императором и нет враждебного тона по отношению к нему, т.е. текст, следующий за упоминанием о посещении царской сокровищницы, восходит к раннему рассказу, предназначенному для Уолсингема. В этом тексте Горсей раскрыл тайну русского двора с удивительной откровенностью. Их разглашение (не по вине Горсея) поставило в дальнейшем под угрозу его жизнь. Это позволяет говорить о редкой для иностранных источников достоверности сообщаемых известий, находил В.А.Колобков.

Позднее Горсей подверг данный рассказ значительной переработке. В частности, он ввел указания на недовольство знати и разговор Бориса Годунова и Богдана Бельского, вызванный переговорами о женитьбе царя на англичанке, очевидно, чтобы создать у читателя впечатление о всеобщем недовольстве самодержавным монархом, «Гелиогабалусом», как называет автор «Путешествий» Ивана IV.

По заключению В.А.Колобкова, публицистически заостренный рассказ Горсея о смерти Грозного, включающий поздние вставки, не заслуживает доверия. Надо иметь в виду также неясность некоторых фраз в тексте, допускающих возможность разного перевода. А.А.Севастьянова обратила внимание на «глухой (в заключительном тексте «Путешествий») отзвук известия о насильственной смерти Грозного, про которую нигде больше в записках Горсея не упоминается». С точки зрения В.А.Колобкова, указанное исследовательницей свидетельство не подтверждает предложенный ею вариант перевода⁹⁰.

На взгляд А.Н.Медушевского, поскольку в отличие от многих других английских авторов Горсей был близок к царю Ивану, неоднократно беседовал с ним, вращался в среде боярской аристократии, сообщения создателя записок о правящей олигархии и личности самого Грозного заслуживают пристального внимания. Непосредственное участие Горсея во многих современных ему событиях, особенно связанных с деятельностью иностранных торговых компаний в Москве, делает его сочинения ценным источником и в то же время требует критического отношения к их достоверности из-за субъективизма, с которым английский купец и дипломат описывает свои поступки⁹¹.

В оценке О.В.Скобелкина, в порой сбивчивом рассказе Горсея о русской армии не столько излагаются события, сколько выпячивается роль в них автора; иногда он сгущает краски, есть у него и неправдоподобные известия, но немало и ценных, иногда первых в своем роде⁹².

Таким образом, в историографии последних десятилетий сочинения Дж.Горсея признаются важным, нередко уникальным источником по истории России, а также ее отношений с Англией в последней четверти XVI в. Ученые, однако, не пришли к единодушным выводам относительно происхождения этих записок и спорят о том, в какой мере достоверны их сведения.

В ряду произведений англичан о России второй половины XVI в. одно из первых мест единодушно отводится и книге Дж.Флетчера «О государстве Русском», впервые изданной в Лондоне в 1591 г., вскоре после возвращения автора из дипломатической миссии в Москву⁹³, и известной отечественным историкам со времен Г.Ф.Миллера⁹⁴.

С.Ф.Платонов утверждал, что Флетчер, «обладавший официальными сведениями всей английской колонии в России», сумел выяснить цель учрежденной Иваном Грозным опричнины⁹⁵. Выдающийся историк обращает внимание на приведенные Флетчером — «очень точным и основательным наблюдателем» — данные о ежегодных доходах правителя Бориса Годунова, и считает предсказание англичанином Смуты в Московском государстве свидетельством прозорливости, которой «не отличались русские люди XVI века»⁹⁶.

Р.Ю.Випперу же думалось, что в записках Флетчера «общее пренебрежение к русским обострено под влиянием неудачи его миссии», и Россию он изобразил невежественной, варварской; многие сообщения англичанина поверхностны и неверны, а наблюдения легковесны⁹⁷. Вместе с тем, в глазах видного исследователя, Флетчер — выдающийся бытописатель, географ, этнограф, историк, публицист, психолог-наблюдатель⁹⁸.

Первую из этих оценок книги Флетчера сочувственно цитировал Н.Т.Накашидзе⁹⁹. По его утверждениям, в сочинении Флетчера много поверхностных, тенденциозных суждений о России и русских, и к этой книге необходим осторожный и критический подход, так как автор не смог удержаться на объективной точке зрения. К примеру, Флетчер изображал «Московию» в качестве страны варварской, управляемой жестокими азиатскими приемами, невежественной, погибающей от застоя и незнакомства с просвещенной Европой¹⁰⁰.

О.Л.Вайнштейн считал, что Флетчер гораздо менее объективен в своем отношении к России, чем его соотечественник, известный хронист В.Кэмден¹⁰¹.

Э.С.Виленской почему-то казалось, что сочинение «О государстве Русском» состоит преимущественно из жалоб автора на плохой прием, оказанный ему в России в бытность королевским послом¹⁰². А.С.Самойло книгу Флетчера о России вообще назвал клеветнической¹⁰³.

С точки зрения Д.В.Лисейцева, Флетчер крайне негативно отзывался о России, вероятно, ввиду провала его дипломатической миссии в Москву¹⁰⁴. Несмотря на то, что Флетчер, сообщивший о 22 московских приказах, не упомянул о существовавших к его времени еще 5, его очерк чрезвычайно важен¹⁰⁵.

В оценке И.И.Любименко, книга Флетчера «Of the Russian-Common Wealth» представляет собой самое примечательное историческое произведение о России, созданное иностранцем до Петра Великого¹⁰⁶. И.И.Любименко признавала Флетчера очень посредственным путешественником в сравнении с Ченслером или Дженкинсоном, однако не сомневалась в том, что именно литературное произведение Флетчера является самым важным из посвященных англичанами России¹⁰⁷. Исследовательница сочла нужным отметить, что создатель этого произведения восхвалял русских за отсутствие инквизиции и большую, чем у западных народов, веротерпимость¹⁰⁸.

С.В.Бахрушин назвал сочинение Флетчера прекрасным описанием Русского государства, значительно расширившим географический кругозор его соотечественников¹⁰⁹. На взгляд Н.В.Бочкарева, этот трактат — одно из лучших пособий «для изучения быта и нравов» русского общества XVI в.¹¹⁰ М.И.Радовский включал записки Флетчера в число наиболее обстоятельных источников по истории русско-английских отношений XVI в.¹¹¹ М.П.Алексеев отмечал «этнографический этюд Флетчера о самоедах, с зачатками антропологического анализа»¹¹².

С точки зрения С.Б.Веселовского, Дж.Флетчер знал об опричнине по слухам и рассказам бояр и приказных людей. Этот дипломат и богослов, в оценке выдающегося историка, — «человек умный и наблюдательный, но мало знакомый с русской жизнью»¹¹³.

Зато, по мнению М.Н.Тихомирова, книга Флетчера, являющаяся и отчетом о его посольстве в Москву, — важнейший источник по истории России XVI в. (наряду с произведением С.Герберштейна). Автор «собирал по возможности точные данные», проявляя иногда поразительную осведомленность и наблюдательность. К примеру, Флетчер предугадал, что царевич Дмитрий вскоре погибнет. Из фактических ошибок английского автора М.Н.Тихомиров самыми явными считал «сообщения о русской церкви, носящие характер воинствующих выпадов против православия»¹¹⁴.

Я.С.Лурье не сомневался в том, что Флетчер — автор одного из интереснейших произведений о России XVI в., которое в той

или иной степени основано на рассказах Горсея, — был выразителем идей английской буржуазии¹¹⁵.

21-й главе книги «О государстве Русском», содержащей характеристику международного положения Московского государства, крайне не посчастливилось в отечественной историографии. Очень резкие отзывы автора-протестанта о русской церкви стали одной из причин того, что это сочинение было запрещено в России вплоть до конца XIX в.¹¹⁶, находил Я.С.Лурье.

«Флетчер имел возможность дать характеристику» созданной при Иване IV политической «системы и высказать некоторые соображения по поводу ее будущего», — указывает Я.С.Лурье. На его взгляд, едва ли справедливо ставить Флетчеру «в упрек недостаточную осведомленность и недоброжелательность», как часто делают исследователи. По заключению видного историка и литературоведа, отношение к России создателя книги «О государстве Русском» «было сложным и неоднозначным»; хотя, «действительно, его обобщения относительно русского характера сомнительны и односторонни..., они отнюдь не враждебны». Я.С.Лурье думал, что книгу Дж.Флетчера в Англии запретили, вероятно, из-за общей антиабсолютистской позиции автора, а не по причине его резких выпадов в адрес русского царя¹¹⁷.

Наблюдения Флетчера о смысле опричнины Я.С.Лурье казались не потерявшими ценности для историков даже конца XX в. Ученый обращает внимание на вскоре сбывшиеся предсказания англичанина о гибели младшего сына Грозного и «гражданском пожаре» в России. (Содержащееся в книге Флетчера известие о царевиче Дмитрие представляет собой предположение об опасностях, угрожающих младшему сыну Грозного, который был в то время еще жив, и данное сочинение никак не может считаться надежным источником на этот счет, заключал Я.С.Лурье)¹¹⁸.

А.А.Зимин тоже отметил имеющееся в трактате Флетчера — одном из самых значительных произведений о России, принадлежащих перу иностранца XVI столетия, — предсказание о том, что всеобщее возмущение в России «должно окончиться не иначе, как гражданской войной»¹¹⁹. М.А.Алпатов обратил внимание, однако, и на другой прогноз Флетчера — «восстание в России маловероятно; возглавить его некому, да и отношения между сословиями слишком остры»¹²⁰. Н.М.Рогожин же замечал, что Флетчер провидчески

писал и о скорой смерти царевича Дмитрия, и о грядущем перевороте «в русском царстве», и вместе с тем ошибочно отрицал возможность «заговора между войском и простым народом»¹²¹.

В оценке Д.П.Маковского, Флетчер правильно определил форму правления в России конца XVI в. как тираническую и указал на упадок всех главных отраслей ее экономики¹²².

По словам Р.Г.Скрынникова, поскольку миссия Флетчера в Россию потерпела неудачу, он мог намеренно чернить правителя Бориса и его политику. К тому же английский дипломат писал мемуары, находясь под сильным впечатлением от увиденного в Москве, а он был там в самый разгар гонений на князей Шуйских и их сторонников. Подвергая сомнению ряд указаний Флетчера (так, последний преувеличил количество татар, напавших на Россию в 1571 г., и русских, погибших тогда в московском пожаре)¹²³, ученый все же признает его осторожным, вдумчивым и трезвым наблюдателем¹²⁴.

В представлении Р.Г.Скрынникова, Флетчер черпал информацию из записок и устных рассказов Горсея. Историк предполагает, что автор сочинения «О государстве Русском» соединил два одновременных рассказа, в результате чего возникла новая версия «правления» Симеона Бекбулатовича. Флетчер изобразил действия этого «великого князя Московского» как исключительно антицерковные, по Горсею же, они ущемляли еще интересы знати и купечества. Но основное расхождение заключалось все-таки в другом. В своих мемуарах Горсей не подтверждает версии Флетчера о секуляризации церковных земель в период «правления» Симеона¹²⁵. Флетчер в покушениях на царевича Дмитрия обвинял не Бориса Годунова, как обычно думают, а Н.Р.Юрьева¹²⁶. Известия Флетчера о заговоре против Нагих и попытке покушений на царевича Дмитрия Р.Г.Скрынников (признавая информатором Горсея) связывает не с деятельностью Бориса Годунова, а с происками Нагих против бояр Романовых¹²⁷.

Как отмечалось М.А.Алпатовым, сочинение «О государстве Русском» рождалось в обстановке очередного острого конфликта между Англией и Россией, начавшегося не по вине последней. В глазах историка, книга Флетчера фактически явилась продолжением его полемики с русской стороной во время переговоров в Москве, причем полемики чрезвычайно злобной. Флетчер создал

пасквиль о России, и это было настолько очевидно, что «Московская компания» не на шутку переполошилась. Ведь Флетчер не пощадил даже всеильного Бориса Годунова¹²⁸.

На взгляд М.А.Алпатова, сведения о России Флетчер мог получить в Москве от торговавших там английских купцов. Судя по всему, оттуда в Лондон он возвращался с Маршем и Горсеем. Первый из них был знаком с географией и этнографией Сибири и северных районов России, да и с положением в самой Москве. Но главным информатором Флетчера являлся Горсей.

М.А.Алпатов считает, что труд Флетчера — не только рассказ о виденном; сведения, добытые большей частью от других, он «укладывает в определенную систему», «разносит по рубрикам», создает трактат о России, в котором собраны обобщающие данные. Осмысление фактов — сильная сторона Флетчера, которая не была характерна для его предшественников-англичан, и его слабость, ибо по некоторым проблемам он располагал слишком скудным материалом, но торопился с обобщением, и получалось искаженное изображение.

С точки зрения М.А.Алпатова, неприязнь к русским в труде Флетчера приняла более острый характер, чем у Горсея, причем выступила в систематизированном виде. Навязчивой идеей автора книги «О государстве Русском» стала мысль о том, что бедность народа — причина упадка торговли. Лейтмотив же всей этой книги — тезис о том, будто царь только тем и занимается, что обирает всех до нитки. Обещание Флетчера излагать правду-истину выполнялось далеко не всегда, находит М.А.Алпатов, утверждая, что по сравнению со своими соотечественниками, писавшими о «Московии», Флетчер — более начитанный человек, но пользовался он своими источниками крайне небрежно, знал лишь отрывки из них, да и то произвольно истолкованные. Краткий экскурс в историю России, с которого начинается книга «О государстве Русском», полон ошибок, думается ученому. (М.П.Алексеев, однако, считал иначе). Незнакомство же с русской историей, в представлении М.А.Алпатова, определило «неспособность (английского автора. — *E.C., P.C.*) точно оценить виденное»¹²⁹.

Чем ближе к современности, тем достовернее, однако, становится повествование Флетчера, который в главной части труда в основном использовал книгу С.Герберштейна и показания

Дж.Горсея. Но Флетчер не просто повторял их сообщения, он их интерпретировал и как юрист группировал, «нацеливал для доказательств своего отношения к материалу», а это отношение не всегда совпадает с тем, которое присуще Горсею. Некоторые известия, сохраненные книгой «О государстве Русском» и чрезвычайно ценные своей непосредственностью, вошли в источниковедческий фонд отечественной истории, тем более, что многое автору удалось наблюдать самому, считает М.А.Алпатов. По его мнению, Флетчер со своим стремлением «членить действительность по определенным рубрикам» представил различные категории феодального класса, обратив при этом внимание на то обстоятельство, что Грозный явно противопоставлял дворянство боярству. Флетчер дал описание административного устройства России; сравнительно правильно нарисовав схему управления в центре, он немало напутал в описании местной администрации и был убежден, что русская церковь — составная часть государства; ею якобы управляют светские чиновники — владычные бояре.

М.А.Алпатову кажется, что московское самодержавие не нравилось Флетчеру не само по себе, а по той простой причине, что его тяжелая рука опускалась на голову английских купцов. Ведь с абсолютизмом английским создатель книги «О государстве Русском» не только уживался, но и верно ему служил.

Флетчер обратил внимание на напряженное положение в России, и в этом его заслуга, указывает М.А.Алпатов.

Говоря о России времен Бориса Годунова, Флетчер не мог не думать об Англии, не мог не сравнивать их. Дипломат, миссия которого окончилась неудачей, постоянно противопоставляет Россию и Англию; русских правителей он обвиняет в тирании и беззакониях. На подходе автора сказались идеи Томаса Смита. Даже в заглавии труда Флетчера отражается это влияние, думается М.А.Алпатову. Последний вслед за американским ученым Р.Пайпсом называет Флетчера просвещенным наблюдателем, но, заключает историк, поле его личного наблюдения слишком невелико; оно ограничивается маршрутом следования посла до Москвы и обратно; в самой Москве Флетчер, будучи плохо принятым, наблюдал Россию лишь из окна Английского подворья¹³⁰.

По мнению А.А.Севастьяновой, «трактат Флетчера — это не столько трактат о виденном, как у Горсея, сколько попытка

упорядочить и систематизировать в наукообразной форме имеющиеся у англичан сведения о России»¹³¹.

А.Н.Медушевский, подобно М.Н.Тихомирову, считает сочинение Дж.Флетчера ценнейшим произведением по истории России XVI в., сопоставимым лишь с записками С.Герберштейна. Оно служит источником по очень широкому кругу вопросов, являясь по существу развернутым описанием ряда важнейших сторон жизни Московского государства: автор приводит историко-географические сведения о России, ее почвах и климате, природных богатствах, важнейших городах, системе правления страны, сообщает о роде царей, сословных учреждениях — Земском соборе и царской Думе, финансах, состоянии гражданского и уголовного судопроизводства. Значительное внимание Флетчера привлекли данные о вооруженных силах Русского государства, населявших его народах, церкви, быте и образе жизни различных слоев общества. Представляют интерес, в частности, известия о боярском и монастырском землевладении, организации церковной власти, положении дворянства, политической борьбе в верхах, указывает А.Н.Медушевский¹³². Он подчеркнул важность известий Горсея и Флетчера о русском посольском церемониале и высказал мысль «о необходимости более глубокого источниковедческого анализа» книги Флетчера¹³³.

Н.М.Рогожину (подобно М.А.Алпатову) кажется, что сочинение Флетчера, хотя это фундаментальный, классический труд, практически стало продолжением дипломатической борьбы, но другими средствами¹³⁴, а свою задачу автор видел в том, чтобы изобразить русские порядки как противоположные английским: «русский деспотизм — британская вольность». Но существовала еще и обратная сторона: стереотип восприятия России у Флетчера тесно связан с его собственным стереотипом восприятия английских порядков¹³⁵.

Д.М.Володихиным книга Флетчера оценивается как настоящая энциклопедия по вопросам географии, государственного устройства, быта, нравов и религии Московского государства в последней четверти XVI в. Некоторые известия автора, возглавлявшего побывавшее в Москве в 1588—1589 гг. английское посольство, недаром до наших дней кочуют из работы в работу и не могут быть заменены никакими другими источниками¹³⁶.

Д.М.Володихин пришел к выводу, что достоверность и представительность сведений, содержащихся во флетчеровском труде, видимо, гораздо выше, чем традиционно принято считать. Poleмизируя с историками, скептически относившимися к сообщениям побывавшего в России при царе Федоре английского посла, ученый находит, что Флетчер вполне мог освоить «речевую основу» страны, куда попал впервые, за несколько недель, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания в ставшем знаменитым трактате о беседах автора с русскими различного звания и о чтении им русских книг. В представлении Д.М.Володихина озлобленность Флетчера против России — величина чисто теоретическая, предполагаемая. (Эту мысль нетрудно сблизить с оценкой Я.С.Лурье). Наконец, судя по некоторым документам, более ста лет назад опубликованным в классическом труде Ю.В.Толстого, Флетчер мог помимо сведений, полученных от Горсея, немало узнать от проворовавшегося, но бывалого торговца Марша, да и агента «Московской компании» Р.Пикока.

На взгляд Д.М.Володихина, нередко даже в пересказе показаний Флетчера, выполненном С.М.Середониным, обнаруживается гораздо больше различий, нежели близости, а «усиленный поиск элементов, сближающих тексты Горсея и Флетчера», приводит этого исследователя конца XIX в. «к заметным натяжкам». По словам Д.М.Володихина, «притягивание основного содержания флетчеровского труда к единственному главному источнику (запискам Дж.Горсея. — *E.C., P.C.*) страдает очевидной искусственностью». Многие из англичан провели в Русском государстве не один год и даже стали вхожими в высшие правительственные сферы. Собранные этими англичанами и переданные в распоряжение «Московской компании» сведения о России должны были быть весьма значительными, и они-то и явились, по всей видимости, важным источником сочинения Флетчера, так что нет никакой необходимости возводить его информацию к рассказам одного — двух лиц, заключает Д.М.Володихин¹³⁷.

С точки зрения А.И.Клибанова, Флетчером «подмечен дух юродства», и автор, «без сомнения, оценил последнее как общественное явление, а не просто как экстравагантность, любопытную для иностранного читателя»¹³⁸.

По наблюдению Н.П.Парфентьева, в книге «О государстве Русском» впервые говорится о некоторых элементах «Пещного действия»¹³⁹.

В представлении С.Н.Богатырева, ценность данного сочинения состоит в том, что оно написано высокообразованным человеком.

Как пишет С.Н.Богатырев, до настоящего времени историки основываются либо на первом издании книги Флетчера (вышедшем в Лондоне в 1591 г.), либо на его переизданиях и переводах. Публикация 1591 г. известна специалистам лучше других как первое издание знаменитого памятника. Кроме того, оно вызвало решительный протест английских купцов против распространения книги Флетчера, способной, по их мнению, испортить отношения «Московской компании» с русскими властями. Наконец, первое издание книги Флетчера тесно связано с историей публикации известного сборника Р.Гаклюйта, включавшего описания различных путешествий. Таким образом, не только информация, сообщенная Флетчером, но и сама история издания 1591 г. делала его особенно привлекательным для исследователей¹⁴⁰, констатирует С.Н.Богатырев.

В то же время современная наука располагает гораздо более совершенной публикацией записок Флетчера. Речь идет о подготовленном американским историком Л.Е.Берри критическом издании произведений Дж.Флетчера, куда включены и его записки о России. Л.Е.Берри установил, что помимо издания 1591 г., существует три рукописных варианта главного сочинения Флетчера, и привел все разночтения по этим рукописям. Сопоставление же различных вариантов текста показывает, что ранние списки сочинения Флетчера содержат важную информацию о боярском совете, которая не попала в опубликованный текст и потому осталась неизвестной историкам, в частности, В.О.Ключевскому¹⁴¹, указывает С.Н.Богатырев. По его заключению, записки Дж.Флетчера — один «из самых главных повествовательных источников о Думе» — сохранили известие (на первых порах повторенное В.О.Ключевским) о делении бояр на две категории — думных, т.е. входивших в состав совета при государе, и не участвовавших в работе этого совета, а носивших звание боярина «для почести», — известие, которое исследователь считает вполне достоверным¹⁴². С.Н.Богатырев рассмотрел и сообщение Флетчера о том,

как решения думского совета дьяки распространяли по стране, по аналогии с английскими порядками¹⁴³.

Л.Е.Морозова находит у Флетчера сплошные ошибки в изображении географии, истории России, ее политического строя, политической борьбы конца XVI в.¹⁴⁴ Сочинение Флетчера — это настоящий памфлет, там, в частности, налицо домыслы и противоречия в характеристике царя Федора¹⁴⁵. Вообще же степень достоверности сочинений англичан о России той эпохи, указывает Л.Е.Морозова, зависит от целей авторов¹⁴⁶.

Таким образом, записки Джильса Флетчера о России вызвали у ученых XX в. весьма противоречивые отзывы. Одни исследователи (С.Ф.Платонов, И.И.Любименко, С.В.Бахрушин, Я.С.Лурье, М.Н.Тихомиров, А.Н.Медушевский, Д.М.Володихин, С.Н.Богатырев, В.В.Ламбрехт) признавали ценность сведений по истории и географии Московского государства, собранных Флетчером, иногда не отрицая при этом тенденциозности и неполноты сочинения «О государстве Русском», другие же (Р.Ю.Виппер, Н.Т.Накашидзе, Р.Г.Скрынников, М.А.Алпатов, Д.В.Лисейцев, Л.Е.Морозова, отчасти С.Б.Веселовский и Н.М.Рогожин) говорят об ограниченности наблюдений Флетчера, недостоверности использованных им источников, считая, что в этом сочинении нашло отражение предвзятое отношение автора к России, сложившееся вследствие провала его посольства в Москву.

Как подчеркивалось М.А.Алпатовым, при оценке записок Дж.Боуса приходится учитывать, что миссия его оказалась неудачной, и дипломат не пожалел красок, чтобы объяснить это происками русской стороны, но в целом его показания не лишены значимости важного исторического свидетельства. Так, любопытно сообщение Боуса о том, что состоятельные люди при русском дворе, ссужая деньгами английских и голландских купцов, становились на деле участниками прибылей от иностранной торговли в России. Из приведенного Боусом диалога между ним и Иваном IV выясняется немаловажное обстоятельство: одна из причин гнева русского царя, видимо, заключалась в том, что он не считал английскую королеву равной себе. Строго говоря, задача Боуса, полагал М.А.Алпатов, была выполнена, но по сравнению с тем, что ему обещал Иван Васильевич, достигнутое оказалось

явно недостаточным, и посол считал грамоту нового московского государя «пустой», а его подарки «нищенскими»¹⁴⁷.

В представлении А.Н.Медушевского, записки Дж.Боуса любопытны описанием «придворных интриг» конца царствования Грозного и политической борьбы, вспыхнувшей после его смерти¹⁴⁸.

Из глубоко интересовавшихся русской культурой англичан М.Малин выделяет и служившего священником посольства доктора Р.Джемса, для которого было записано несколько русских песен. В них отражены события, пережитые Московским государством в XVI — начале XVII в. Среди рукописей Р.Джемса сохранилось и «Собрание русских слов» с переводом их на английский язык — своего рода толковый словарь, где в качестве примеров приведены факты, очевидцем которых был сам автор или о которых он слышал от других¹⁴⁹.

С точки зрения М.А.Алпатова, писавшие о России усваивают очень часто откровенно враждебный тон; конфликт, начавшийся в Москве между русской стороной и английским купцом либо дипломатом, имел порой продолжение в Лондоне, и когда тот же купец или дипломат превращался в автора сочинения о «Московии», он вел полемику против нее на страницах своей книги. Кроме того, такой автор, поскольку для него социальные контрасты были повседневным явлением английской действительности, хорошо замечал их повсюду, в том числе в феодальной России¹⁵⁰.

В глазах И.В.Карацубы, «русский деспотизм» англичане, оставившие записки о России, понимали весьма упрощенно. Так, например, Дж.Флетчер видел тиранический характер московской государственной власти в том, что все ее действия «клонятся к пользе и выгодам одного царя». Сложился, указывает исследовательница, и особый стереотип отношения к русской церкви. Англичане со времен Флетчера не принимали и не понимали ее¹⁵¹.

По наблюдению И.В.Карацубы, модель русского национально-го характера во всем своем разнообразии и динамике (от Турбервилля и Флетчера до Кокса) обнаруживает многие постоянные черты: во-первых, она двоятся, т.к. построена на постоянном противопоставлении взаимоисключающих качеств, во-вторых, подчеркивает историческую молодость русского народа (понимаемую то как плюс — «естественность», «неиспорченность», то как минус — «варварство»)¹⁵².

Итак, в отечественной науке 20-х гг. прошлого — первых лет нашего века анализируется сложившийся у английских путешественников XVI столетия образ России, выявляется содержащийся в их записках комплекс и вполне достоверных известий, и сообщений, явно не заслуживающих доверия. Но из многочисленных сочинений англичан о России времен Ивана Грозного и Бориса Годунова объектом внимательного анализа сделались лишь записки Дж.Горсея и отчасти Дж.Флетчера, о других произведениях такого рода говорится попутно, а на некоторых из них исследователи вообще не останавливаются¹⁵³.

Записки английских дипломатов (иногда в одном лице и купцов) о России XVI — первых лет XVII вв., прежде всего Дж.Горсея и Дж.Флетчера, не раз, начиная с 1920-х гг., становились объектом специальных изысканий, особенно источниковедческих. Из них выделяются труды Я.С.Лурье, М.А.Алпатова, А.А.Севастьяновой, В.А.Колобкова, С.Н.Богатырева, Д.М.Володихина. Исследователей, в том числе обращавшихся к запискам англичан попутно, занимали хронология создания и степень достоверности этих произведений, подчас их атрибуция и предназначение, определение круга источников данных сочинений, не раз переиздававшихся после 1938 г., иногда — вопросы перевода текстов. Чаще всего историков занимал вопрос о том, насколько можно доверять оставленным первыми побывавшими в России англичанами сообщениям о ней; ученых интересовал и «образ» «Московии», нарисованный в записках Р.Ченслера и его соотечественников, запечатлевших и стереотипные представления, нередко восходящие к знаменитому повествованию С.Герберштейна.

Примечания

¹ Моисеев М.В. Иностранцы о Ногайской Орде конца XV—XVI века: Источниковедческие заметки // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сб. мат.-лов конф. 2002—2004 гг. М., 2006. С. 180. См. также: / Севастьянова А.А. / Предисловие. Джером Горсей и его сочинения о России // Джером Горсей. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 10.

² Дмитриева О. Английское зеркало для московской красавицы // Родина. 1996. № 3. С. 45.

³ /Медушевский А.Н./ Комментарии // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 244.

⁴ Севастьянова А.А. Повествовательные источники XVI—XVII веков и приемы их исторической критики: Учеб. пособие по спец. курсу. Ярославль, 1984. С. 66.

Недавно А.С. Лавров справедливо подчеркнул, что в отношении сочинений современников-иностранцев «недопустим иллюстративный подход, когда то или иное уникальное сообщение выхватывается из контекста, рассматривается в отрыве от социально-политической лексики и текстологической истории самого памятника» (Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. М., 1999. С. 13).

⁵ Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1947. № 95. Сер. ист. наук. Вып. 15. С. 46, 48.

⁶ Бочкарев Н.В. Сказания иностранцев о России XV—XVII вв. как исторический источник // Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000. С. 12.

⁷ Трапезников Вл. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI—XVII вв. // Северный край. Вологда, 1922. Кн. 1. С. 15—16, 20—21.

⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 267.

⁹ Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 66—67.

¹⁰ Lubimenco I. Le rôle comparatif des différents peuples dans la découverte et la description de la Russie // Revue de synthèse historique. V. 48. 1929. P. 45; Советская историческая энциклопедия (далее — СИЭ). Т. 15. М., 1974. Стлб. 837—838.

¹¹ /Новицкий Г.А./ Введение // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1938. С. 13—17.

¹² Томилов Ф.С. Север в далеком прошлом. Архангельск, 1947. С. 59; Первалов В.А. Ломоносов и Арктика: Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л., 1949. С. 58.

¹³ Малин М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3. С. 99—100; Радовский М.И. Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961. С. 14, 16.

¹⁴ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 268—269.

¹⁵ Там же. С. 270—273. Заметим, что вопреки утверждениям С.Ф.Платонова и других ученых В. Трапезников писал о вызове Ченслера в Москву Грозным, а не поездке туда английского капитана в качестве самозванного посла короля. См.: Трапезников Вл. Торговые сношения англичан ... С. 7.

¹⁶ Лабутина Т. Л. Представления британцев о русском народе в XVI—XVII вв. // Вопросы истории (далее — ВИ). 2009. № 8. С. 24.

¹⁷ /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 243.

¹⁸ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. // Военно-исторический сборник. М., 1948. С. 31 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 20).

¹⁹ Глазкова Д.П. Россия глазами англичан: «Путь из Англии в Москву...» Ричарда Ченслора // *Imaginesmundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв.* Вып. 1. Альбионика. Екатеринбург, 2001. С. 148.

²⁰ Там же. С. 149—150.

²¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад: Борис Годунов. М., 1999. С. 29. М.Ю.Юлдашев упоминал о А.Дженкинсоне как первом посланце Московской Руси в Бухару (Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964. С. 17). Об этой миссии см.: Бэртон О. Торговые связи Московии с Бухарой в XVI—XVII веках // *Коммерция и государство в истории России (XVI—XX вв.): К 300-летию уральской металлургии.* Екатеринбург, 2001. С. 6—7.

²² Накашидзе Н.Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955. С. 70. Недавно С.М.Каштановым выполнен детальный комментарий к итинерарию А.Дженкинсона за 1557—1558 гг. См.: Каштанов С.М. Этапы Большого пути: от Белого моря до Москвы (по запискам англичан середины XVI в.) // *Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997. С. 69—83; Он же. На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века) // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1997 год. М., 1997. С. 107—119.*

²³ Радовский М.И. Из истории англо-русских научных связей. С. 19; СИЭ. Т. 5. М., 1974. Стлб. 163. Ю.В.Готье называл Дженкинсона почти что доверенным человеком царя Ивана (Готье Ю. и Бахрушин С. Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII веках // *Исторический журнал.* 1941. № 12. С. 65). А.С.Самойло же оценивал Дженкинсона как «чрезвычайно ловкого агента» «Московской компании» (Самойло А.С. Провал попытки английской компании захватить русский рынок в XVI и первой половине XVII века // *Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та.* 1955. Т. 22. Вып. 2. С. 10). Почти так же — «ловкий агент английской королевы» — назвал его А.А.Зимин (Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 278).

²⁴ /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 243.

²⁵ Прокофьева Н.Е. География Московии в записках английских путешественников конца XVI в. // Тез. докл. XIV Всерос. конф. «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI—XX вв.», посвящ. 70-летию Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 47—49.

²⁶ Малин М. Англо-русские культурные и научные связи ... С. 101—102.

²⁷ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 22, 26, 28, 36, 42, 46, 47; Он же. Географические знания // *Очерки русской культуры XVI века.* Ч. 2. М., 1977. С. 218—221, 224.

²⁸ Lubimenco I. Le rôle comparatif des différents peuples ... P. 52.

²⁹ Очерки истории СССР: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 692. Судя по рассказу Р.Джонсона, побывавшего в России в 1553—1558 гг., тогда англичане знали о Мангазее, указанной и на карте Дженкинсона (Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971. С. 58).

³⁰ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 274, 277.

- ³¹ Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 68—69.
- ³² Там же. С. 69—70.
- ³³ /Севастьянова А.А./ Приложение II // Джером Горсей. Записки ... С. 247—249.
- ³⁴ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 278—279. Т.Рандольф— выдающийся английский дипломат XVI в. — выполнял ряд ответственных дипломатических поручений Елизаветы в Шотландии и Англии. По словам Я.С.Лурье, миссия его была чрезвычайно трудной: «благопотребными речами» не допустить заключения союза (Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 391).
- ³⁵ /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 243.
- ³⁶ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 285.
- ³⁷ Там же. С. 288.
- ³⁸ Севастьянова А.А. Записки о Московии Джерома Горсея (К вопросу о принципах научного перевода терминов при публикации источников) // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 72.
- ³⁹ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 5.
- ⁴⁰ Там же. С. 30.
- ⁴¹ Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1940. Вып. 8. № 73. С. 190—194; Он же. Английская политика на Руси в конце XVI в. // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена. 1947. Т. 61. С. 129.
- ⁴² /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 14—15.
- ⁴³ Радовский М.И. Из истории англо-русских научных связей. С. 28.
- ⁴⁴ Лурье Я.С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье; Перев. и коммент. Я.С.Лурье; Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. СПб., 2005. С. 483.
- ⁴⁵ Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года // Из истории межславянских культурных связей. М., 1963. С. 74. Примеч. 184 (Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 26).
- ⁴⁶ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 293.
- ⁴⁷ Там же. С. 286, 288, 290, 298.
- ⁴⁸ Виленская Э.С. К истории русско-английских отношений в XVI в. (Неизданная записка Джилса Флетчера королеве Елизавете) // Исторические записки (далее — ИЗ). 1949. Кн. 29. С. 128.
- ⁴⁹ Позднее к аналогичному выводу пришла А.А.Севастьянова. См.: Севастьянова А.А. Сочинения Джерома Горсея как источник по истории России XVI—начала XVII веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук (далее — АКД). М., 1974. С. 12.
- ⁵⁰ Это отмечалось и В.И.Корецким. См.: Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 59.
- ⁵¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 287.
- ⁵² /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 22.
- ⁵³ Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII вв. (Разновременные слои источника и их хронология) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 63—83; /Она же/ Предисловие ... С. 15—16. См. также: Она же. Сочинения Джерома

Горсея ... С. 10—11. Я.С.Лурье датировал «Путешествия» Горсея 1620-ми гг. (Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея. С. 190).

⁵⁴ Севастьянова А.А. Записки о Московии ... С. 64.

⁵⁵ Джером Горсей. Записки ... С. 174. Комм. 18.

⁵⁶ Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея ... С. 83; Джером Горсей. Записки ... С. 174. Комм. 18.

⁵⁷ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 19.

⁵⁸ Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея ... С. 70. Д.М.Володин отчего-то посчитал, что А.А.Севастьянова показала отсутствие у Горсея «хронологической сбивчивости в повествовании» (Володин Д.М. Источники трактата Дж.Флетчера «О государстве Русском» // Россия и Запад: Диалог культур. М., 1994. С. 31).

⁵⁹ Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 67.

⁶⁰ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 20, 22.

⁶¹ Джером Горсей. Записки ... С. 174. Комм. 18.

⁶² /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 30—31.

⁶³ Севастьянова А.А. Портрет Бориса Годунова в записках Джерома Горсея // Мининские чтения: Тр. науч. конф. Нижний Новгород, 2007. С. 11.

⁶⁴ Там же. С. 12.

⁶⁵ Там же. С. 13—14.

⁶⁶ Там же. С. 14.

⁶⁷ Буганов В.И., Клосс Б.М., Корецкий В.И., Кучкин В.А., Муравьева Л.Л. Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и мат-лы. М., 1984. С. 14. На взгляд С.О.Шмидта, Горсей знал летописи (Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 210). Подробнее см.: Солодкин Я.Г. Летописный источник записок Джерома Горсея о России XVI в. // Россия и Запад: Диалог культур: 3-я Междунар. конф. М., 1996. С. 44; Он же. Тайна хроник боярина И.Ф.Мстиславского (к истории частного летописания в России XVI в.) // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2006. С. 945—949.

В.И.Корецкий указывал и на хорошую осведомленность Горсея в жизни русского двора (Корецкий В.И. История русского летописания ... С. 59, 60, 62, 64). Находя верными сообщения Горсея и Флетчера о ликвидации Грозным привилегий русской церкви, В.И.Корецкий вместе с тем указал на неточности в их сочинениях. См.: Корецкий В.И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 149—150; Он же. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 86—87.

⁶⁸ Джером Горсей. Записки ... С. 172. Комм. 6.

⁶⁹ Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея ... С. 73, 75—77, 79; Она же. Джером Горсей и «гнездо Феникса»: русский опыт англичанина и поэтический феномен Англии конца XVI — начала XVII в. // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 130—132; Джером Горсей. Записки ... С. 172. Комм. 6; С. 207. Комм. 271.

В «Коронации» Горсей обнаруживает знакомство с Чином венчания Федора Ивановича на царство (Джером Горсей. Записки ... С. 210. Комм. 8).

⁷⁰ Севастьянова А.А. Портрет Бориса Годунова ... С. 14.

⁷¹ Богатырев С. «От Волги до потока Амазонки»: жизнь и путешествия сэра Томаса Смита // Зеркало истории. Вып. 2. Личность в истории. М., 1995. С. 61—62. Ср.: Он же. Английские источники о России XVI — начала XVII в. (итоги и перспективы изучения) // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 75. Из работ английских историков автору, в частности, знакомы исследования Н.С.Эванса и Л.Хотсона.

⁷² А.А.Зимин признавал завышенными цифры, приводимые Горсеем и Флетчером в рассказах о татарском нашествии 1571 г. на Москву (о численности войска Девлет-Гирея и количестве погибших москвичей), и называл баснословной указанную Горсеем цифру новгородцев, казненных во время опричного погрома (Зимин А.А. Опричина. С. 189, 271, 273).

⁷³ Оспаривая мнение С.О.Шмидта, Л.В.Черепнин считал, что Горсей мог иметь в виду не Земский собор 1576 г., а «челобитье сословий царю». Хотя рассказ Горсея о церковно-земском соборе 1580 г. недостоверен, находил Л.В.Черепнин, он верно передает «социально-политические противоречия того времени». См.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 119, 122, 123.

В энциклопедической статье о Горсее отмечена ценность его сведений о Земских соборах. См.: СИЭ. Т. 4. М., 1963. Стлб. 598—599.

⁷⁴ Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 67.

⁷⁵ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 28—29.

В представлении Н.В.Мысына Дж.Горсей — один из дипломатических агентов и шпионов, подведомственных руководителю английской разведки Ф.Уолсингему, — имел немало надежных источников информации по угличскому делу при московском дворе (Мысин Н.В. Метод «кейсов» (“casestudy”) в русской истории: «углицкое дело» // Клио: Журнал для ученых. 2005. № 2 (29). С. 32).

⁷⁶ Севастьянова А.А. Записки о Московии ... С. 71—78; /Она же/ Предисловие ... С. 20—30.

⁷⁷ Севастьянова А.А. Записки о Московии ... С. 73, 76; /Она же/ Предисловие ... С. 23.

⁷⁸ Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея ... С. 85—86; Она же. Записки о Московии ... С. 75; /Она же/ Предисловие ... С. 23; Джером Горсей. Записки ... С. 176. Комм. 34. См. также: Салынская Т.В. Лексическая проблематика англо-русских языковых и литературных связей XVI—XVII веков (на материале «Краткой истории Московии» Дж.Мильтона): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 10.

⁷⁹ Севастьянова А.А. Записки о Московии ... С. 76, 78.

⁸⁰ Скрынников Р.Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 34, и др.

⁸¹ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 17—18.

⁸² Скрынников Р.Г. Россия после опричнины ... С. 34; Он же. Царство террора. СПб., 1992. С. 490. У Р.Г.Скрынникова сложилось мнение, что мемуары Дж.Горсея не отличаются «большой достоверностью» (Скрынников Р.Г. Опричный террор.

Л., 1969. С. 67. Примеч. 2). Ученый выявил в записках Дж.Горсея ряд неточностей (Он же. Борис Годунов. М., 1983. С. 16, 26, и др. См. также: Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 539, 544).

⁸³ Скрынников Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 184; Он же. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. 2. Смоленск, 1996. С. 289.

⁸⁴ Севастьянова А.А. Сочинения Джерома Горсея ... С. 14—15; /Она же/ Предисловие ... С. 25—27.

⁸⁵ Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 32, 34, 42, 118, 119, 152. См. также: Шмидт С.О. Горсей Джером // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 603.

⁸⁶ Колобков В.А. Мемуары Джерома Горсея о России XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг (Воспоминания и дневники). Л., 1987. С. 122—141; Он же. Деятельность Джерома Горсея в России (1588—1589) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1987. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 81—85, и др.

По мнению Н.И.Павленко, записки Горсея «требуют тщательного источниковедческого анализа», у их автора «легко обнаруживаются мелкие и крупные неточности»; вопреки В.И.Корецкому, к свидетельствам Горсея о Земском соборе 1575 г. «следует отнестись весьма осторожно». См.: Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. // ВИ. 1968. № 5. С. 103—104.

⁸⁷ /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 16.

⁸⁸ Колобков В.А. Деятельность Джерома Горсея в России ... С. 84. См. также: Он же. Джером Горсей и его сочинения о России XVI в.: АКД. Л., 1988.

⁸⁹ Колобков В.А. Последнее письмо Ивана Грозного и свидетельство очевидца его смерти // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 9. Ср.: Он же. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 369. Примеч. 75.

⁹⁰ Колобков В.А. Последнее письмо ... С. 13. В.А.Колобков использовал письма агентов «Московской компании», хозяйственные книги Лондонского порта, данные, содержащиеся в трудах М.Смита и Ч.Сиссона.

⁹¹ См.: Медушевский А.Н./ Комментарий. С. 243—244.

Г.Д.Бурдей выделял мысль Дж.Горсея о связи между переменами в опричных порядках и набегами Девлет-Гирея. См.: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. С. 74. Примеч. 184.

⁹² Скобелкин О.В. Западноевропейцы в русском войске XVI века // ИЗ: Науч. тр. ист. факультета. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 53, 56, 57, 59, 60.

⁹³ Об этой миссии см., напр.: Виленская Э.С. К истории англо-русских отношений ... С. 124; Накашидзе Н.Т. Русско-английские отношения ... С. 133.

⁹⁴ Сочинение Флетчера было еще с 1731 г. знакомо Г.Ф.Миллеру. См.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 2:

XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 74; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965. С. 219; Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф.Миллера. Новосибирск, 1999. С. 19.

⁹⁵ Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 191.

⁹⁶ Там же. С. 160—161, 210, 367. Н.В.Голицын утверждал, что «нельзя назвать ни одного сочинения иностранного писателя о России во второй половине XVI-го века, которое могло бы сравниться с книгой Флетчера по своему научному значению» (Предисловие // Флетчер Джильс. О государстве Русском («Of the Russe Common Wealth») / Под ред. кн. Н.В.Голицына. СПб., 1911. С. 20).

⁹⁷ Платонов С.Ф. Иван Грозный: 1530—1584: Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1999. С. 210—211.

⁹⁸ Там же. С. 109.

⁹⁹ Накашидзе Н.Т. Русско-английские отношения ... С. 138. Примеч. 2.

¹⁰⁰ Там же. С. 7, 138. В сочинении Флетчера и позднее усматривали заведомо враждебное отношение к России. См.: Очерки русской культуры ... Ч. 2. С. 34, 81—82.

Немецкий историк Э.Доннерт находил у Дж.Флетчера «антирусские тенденции», но думал, что по конкретности с его книгой не может соперничать даже сочинение С.Герберштейна (Доннерт Э. Сказания иностранцев о России XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 331).

¹⁰¹ См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская историография. М.; Л., 1964. С. 443. Б.А.Мейендорф отмечал, что Флетчером как своего рода *pesplusultra* русским приписывается порочность, удерживающая татар от принятия христианства. См.: Мейендорф Б.А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сб. ст., посв. П.Б.Струве. Прага, 1925. С. 300.

¹⁰² Виленская Э.С. К истории англо-русских отношений ... С. 124.

¹⁰³ Самойло А.С. Провал попытки английской компании ... С. 16. По указанию Г.Б.Гальперина, Флетчер ошибочно отождествлял Земский собор с Боярской думой, в деятельности которой участвовали представители духовенства. См.: Гальперин Г.Б. Форма правления Русского централизованного государства. Л., 1964. С. 68.

¹⁰⁴ Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сб. мат-лов конф. 2002—2004 гг. М., 2006. С. 242. По мнению Д.В.Лисейцева, для опровержения сочинения Флетчера с крайне негативными отзывами о «Московии» были созданы «Писанные законы России». Их автор — возможно, переводчик Посольского приказа Джон Элмес (Иван Фомин), но, видимо, он трудился вместе с Дж.Мерриком. См.: Лисейцев Д.В. Нарративные источники второй половины XVI — начала XVII в. о приказной системе Московского государства // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 24, 25, 27—29, 40, и др.

¹⁰⁵ Лисейцев Д. В. Нарративные источники ... С. 23, 30—31.

¹⁰⁶ Lubimenko I. Le rôle comparatif des différents peuples ... P. 45.

¹⁰⁷ Ibid. P. 50.

¹⁰⁸ Ibid. P. 54.

¹⁰⁹ Готье Ю. и Бахрушин С. Культурные и политические связи ... С. 69. По словам В.Н.Алексеева, книга Дж.Флетчера «О государстве Русском» представляет исключительный интерес. См.: Алексеев В. Низовья Волги в описании иностранных и русских путешественников // Исторические путешествия: Извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII вв. Сталинград, 1936. С. 20.

¹¹⁰ Бочкарев Н.В. Сказания иностранцев о России ... С. 12.

¹¹¹ Радовский М.И. Из истории англо-русских научных связей. С. 32, 34.

¹¹² Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. LI.

¹¹³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 51, 52.

¹¹⁴ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. С. 324, 325. М.Н.Тихомиров широко использовал сведения Флетчера в историко-географическом исследовании о России XVI в. См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 27, 69, 79, 156, 191, 203, 214, 247, 320, 359—360, 365, 443.

Еще Н.В.Голицын писал, что несмотря на одностороннюю окраску, приданную автором своему описанию, на тенденциозность многих его известий, на поспешность делаемых им обобщений, книга Флетчера является незаменимым источником сведений о состоянии Московской Руси первых лет после смерти Ивана Грозного. См.: Предисловие // Флетчер Джильс. О государстве Русском ... С. 4.

¹¹⁵ Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея. С. 191; Он же. Английская политика на Руси ... С. 139.

¹¹⁶ Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея. С. 195. См. также: Он же. Английская политика на Руси ... С. 139.

¹¹⁷ Luria J. (Ya. S. Lur'e). An Unpublished Epigram on an English Ambassador to Russia // Oxford Slavonic Papers. New Series. V. 7. 1974. P. 17. С.А.Елисеев тоже находит, что характеристика Флетчером русского народа очень противоречива (Накануне Смуты. М., 1990. С. 618).

¹¹⁸ Лурье Я.С. Английская политика на Руси ... С. 139; Он же. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков. М., 1981. С. 244—245. По замечанию В.И.Корецкого, тяжелое положение «страны в результате правления Грозного» позволило Флетчеру констатировать опасность «всеобщего восстания» (Корецкий В.И. История русского летописания ... С. 61).

¹¹⁹ Зимин А.А. В канун грозных потрясений ... С. 148, 182. На взгляд С.А.Елисеева, Флетчер, хотя и был сторонним наблюдателем, сумел почувствовать «накал предгрозовой атмосферы» в России конца XVI в. (Елисеев С. Предисловие // Накануне Смуты. С. 44). По словам А.А.Севастьяновой, наблюдательный Флетчер предугадал смерть царевича Дмитрия и Смуту (Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 68).

¹²⁰ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 313.

¹²¹ Рогожин Н.М. Вступ. статья // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 10.

¹²² Маковский Д.П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 206, 236.

¹²³ См.: Скрынников Р.Г. Великий государь ... Т. 2. С. 271, 273.

¹²⁴ Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 64, 69, 109; Он же. Борис Годунов. С. 85; Он же. Великий государь ... Т. 2. С. 271, 273. Достоверность ряда известий Дж.Флетчера, как и Дж.Горсея, продолжает вызывать споры. См., напр.: Корецкий В.И. История русского летописания ... С. 45—46.

¹²⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 490.

¹²⁶ Скрынников Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий. С. 197.

¹²⁷ См.: /Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 27.

¹²⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 299.

¹²⁹ Там же. С. 434, 442.

¹³⁰ Там же. С. 301—303, 305—306, 309—310, 312. И.В.Карацуба тоже полагает, что книга Флетчера — это записки не только о России, но и об Англии (Карацуба И.В. Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) // История СССР. 1985. № 4. С. 169). По замечанию А.А.Севастьяновой, «мир русской действительности» английские путешественники «наблюдали сквозь призму своей жизни» на родине (/Севастьянова А.А./ Предисловие ... С. 8).

¹³¹ Севастьянова А.А. Повествовательные источники ... С. 68.

¹³² См.: /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 244. Еще Н.В.Голицын отмечал, что Флетчер смог дать полную и «многостороннюю» характеристику всей жизни Московского государства и затронул такие ее стороны, как география и природа страны, государственный строй, суд, военные силы, церковное устройство, экономический и частный быт русского народа.

В энциклопедической статье о Джильсе Флетчере отмечена уникальность некоторых его сведений (например, цифровых данных о русском бюджете) и их важность для понимания ряда проблем русской истории, несмотря на допущенные в труде английского автора фактические неточности. См.: СИЭ. Т. 15. Стлб. 208.

¹³³ /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 250, 254.

¹³⁴ Рогожин Н.М. Вступ. статья. С. 8, 9. Автор, как нетрудно заметить, повторяет мысль М.А.Алпатова.

¹³⁵ Рогожин Н.М. Вступ. статья. С. 9.

¹³⁶ Володихин Д.М. Источники трактата ... С. 31.

В.В.Ламбрехт называет записки Флетчера интереснейшими, бесценными, всесторонними, а их автора — наиболее информированным из иностранцев, писавших о России XVI в. См.: Ламбрехт В.В. Записки о России XVI — начала XVII в. англичанина Джильса Флетчера. Особенности источника // Научное наследие академика Л.В.Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом процессе: Мат-лы Всерос. науч. конф. Рязань, 2006. С. 308, 309; Он же. Джильс Флетчер: биография и творчество // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. М., 2007. С. 463, 467.

¹³⁷ Володихин Д.М. Источники трактата ... С. 32, 35. На взгляд Н.В.Голицына, Флетчер пользовался сочинениями иностранцев, преимущественно англичан, посетивших Россию до него, многое узнал из расспросов живших в Москве своих соотечественников, а также русских людей, но главная часть его известий основана на личных наблюдениях (Предисловие // Флетчер Джильс. О государстве Русском ... С. 6—7); с точки же зрения С.О.Шмидта, Флетчер писал, пользуясь именно такими наблюдениями (Шмидт С.О. Российское государство ... С. 105). О том, что Флетчер следовал рассказам современников, упоминал и С.А.Елисеев (Накануне Смуты. С. 616).

¹³⁸ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 87. Как отметил А.И.Клибанов, Дж.Горсей лично знал Миколку-юродивого (Он же. Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 243).

¹³⁹ Парфентьев Н.П. «Певцы» и «халдеи» в чине архиерейского поставления XV—XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Вып. 4. Челябинск, 2006. С. 12—13.

¹⁴⁰ Богатырев С.Н. Царский совет в сочинениях Дж.Флетчера и В.О.Ключевского // Ключевский: Сб. маг.-лов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 45.

¹⁴¹ Там же. С. 46. На взгляд С.Н.Богатырева, историки не пользовались новым изданием сочинения Флетчера; нужен современный перевод и критический анализ сочинений Флетчера (Богатырев С.Н. Прокламации «Царского совета» по сочинениям Дж.Флетчера // Мир источниковедения (Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 66; Он же. Английские источники ... С. 76).

¹⁴² Богатырев С.Н. Царский совет ... С. 45—46, 48; Он же. Близняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая (1550-е годы) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 123—125. По наблюдению С.О.Шмидта, Флетчер писал и о «парламенте» как думском соборе. Ученый остановился также на показаниях Флетчера и Горсея о местничестве (Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 155, 347, 356).

¹⁴³ Богатырев С.Н. Прокламации «Царского совета» ... С. 64. В рукописи 1599 г. сохранился английский перевод Судебника 1550 г. (Богатырев С.Н. «Писанные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3. С. 183—201; Думшат С. Медики из Англии и Шотландии на службе у московских государей (Медико-библиографический очерк) // Вестн. Моск. ун-та. 2000. Сер. 8: Ист. № 4. С. 97. Примеч. 43). В оценке Д.В.Лисейцева, «Писанные законы», составленные переводчиком Посольского приказа Иваном Фоминым (Д.Элмесом) и Дж.Мерриком, если не последним, — это своеобразное опровержение книги Флетчера (Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин ... С. 243—245, 247, 248, 252; Он же. Английская книга Посольского приказа 1614—1617 гг. как исторический источник // Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. М., 2006. С. 9).

¹⁴⁴ Морозова Л.Е. Сочинения англичан о России XVI века: правда или вымысел? // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: Памяти профессора А.А.Преображенского. М., 2007. С. 140—153.

¹⁴⁵ Морозова Л.Е. Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 12—13; Она же. Федор Иванович // Исторический лексикон: XIV—XVI века. Кн. 2. М., 2004. С. 566, 567.

¹⁴⁶ Морозова Л.Е. Сочинения англичан ... С. 154.

На ошибки в сочинении Флетчера обратил внимание и С.Елисеев. См.: Накануне Смуты. С. 616, 617, 619, 620.

¹⁴⁷ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 282—284. В.И.Корецкий признавал важными сообщения Боуса (хотя и основанные, вероятно, на позднейших слухах) о московских волнениях в начале царствования Федора Ивановича. См.: Корецкий В.И. История русского летописания ... С. 83. Примеч. 29; С. 85. Примеч. 34.

¹⁴⁸ /Медушевский А.Н./ Комментарии. С. 243.

¹⁴⁹ Мавродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен до XVII в. // ВИ. 1954. № 8. С. 106—107; Малин М. Англо-русские культурные и научные связи ... С. 102. О русских песнях, записанных Р. Джемсом, см.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 615—616; Российская история в зеркале русской поэзии: XI—XVII века. М., 2008. С. 259—260. Д.С.Лихачев же сослался на факт присылки Ивану IV из Англии доктором Якоби изложения учения англиканской церкви. См.: Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 269.

¹⁵⁰ Алпатов М.А. Русская историческая мысль ... С. 267.

¹⁵¹ Карацуба И.В. Некоторые источниковедческие аспекты ... С. 168—169. М.Деканова же обращает внимание на то, что реальное функционирование английского парламента для русского сознания противоречило самой роли государства. См.: Деканова М. Польша, Швеция, Англия в русском официальном политическом мышлении XVI—XVII веков // Евразийское пространство глазами молодых, или молодежь о ...: Альманах школы молодого автора. М., 2002. С. 174.

¹⁵² Карацуба И.В. Проблема русского национального характера в записках английских путешественников XVI — начала XIX вв. // Россия и Запад: Диалог культур. С. 74. Вместе с тем, по заключению С.Н.Богатырева, в истории России и Англии XVI в. проявились многие черты универсалистского государства, объединившего земли с различным уровнем экономического, политического и культурного развития. См.: Богатырев С.Н. Администрации Тюдоров и Рюриковичей. Сравнительный анализ // Зеркало истории. Двадцать лет кружку истории древности и средневековья. М., 1992. С. 74.

¹⁵³ Примером служат изредка привлекающие внимание записки англичанина из состава посольства А.Дженкинсона 1558 г. (Стенникова П.А. Действо «Шествия на осляти» и его свершение в России XVI—XVII вв. // Культура и искусство ... Вып. 4. С. 29, 41). В историографии осталось неучтенным принадлежащее англичанину Дж.Стоу описание России с известиями о нашествии Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. См.: Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 57.

Глава 2

Н.Н.ОГЛОБЛИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДОКУМЕНТАЦИИ СИБИРСКОГО ПРИКАЗА И СИБИРСКИХ ПРИКАЗНЫХ ИЗБ XVI—XVII вв.

Труды известного историка и архивиста рубежа XIX—XX вв. Н.Н.Оглоблина, изучавшего материалы Сибирского приказа, посвящены, в частности, документам XVII столетия¹.

Н.Н.Оглоблин, рассматривая документацию Сибирского приказа XVII в., коснулся и воеводских наказов, и наказных памятей. По подсчетам ученого, сохранились 180 наказов воеводам. Известно, что сопровождавшие их наказные памяти создавались в период с конца XVI до начала XVIII вв.²

Как показывает Н.Н.Оглоблин, наказы были адресованы воеводам и письменным головам, являвшимся воеводскими помощниками. Первые наказы, направленные в Сургут с 1594 по 1614 гг., были посланы воеводам и их товарищам, среди которых были воевода князь Ф.П.Барятинский, письменный голова В.Оничков, воевода О.Т.Плещеев, письменный голова И.И.Колемин, воевода князь С.М.Лобанов-Ростовский, письменный голова И.Н.Ржевский. В наказах, направленных в Тару, говорится о получивших их воеводах и письменных головах (1596—1619/20 гг.): воеводе князе Ф.Б.Елецком, письменном голове М.Хлопове, Б.Доможирове, Г.Елизарове, воеводе князе И.В.Мосальском, его товарище Г.Г.Желябужском, письменном голове А.Ф.Поленове, тарском воеводском товарище П.С.Лутохине, воеводе С.Я.Вельяминове, письменном голове Ф.А.Скрябине³.

В наказах администраторам, направленным в Тобольск (1598—1627/28 гг.), указаны как получатели воеводы и дьяки, среди которых были воеводы С.Ф.Сабуров и А.Ф.Третьяков, дьяк Т.Витовтов, воевода князь А.Н.Трубецкой, дьяк С.Собакин, дьяк Е.Евсеев, воеводский товарищ И.В.Волынский.

В Томск в 1607/08 г. с наказами были отправлены воеводы В.В.Волынский и его товарищ М.И.Новосильцов. «На Верхотурье» наказы были посланы подьячим с приписью А.Маркову и Г.Жданову (1648/49 г.), в Енисейск — подьячему С.Кубасову (1659/60 г.)⁴.

Как отмечал Н.Н.Оглоблин, указы содержали распоряжения воеводам по управлению сибирскими городами. Наказные памяти часто заключали лишь одно распоряжение, относившееся к конкретному событию. Они более обширны, чем «шаблонные» указы, и подробно излагали предписание, направленное воеводе. После получения наказов и наказных памятей составлялись отписки, которые, в свою очередь, нередко вызывали новые указы.

Наказные памяти, как отмечает ученый, нередко прикладывались к указам. Так, тюменский (1630/31 г.) и тобольский (1627/28 г.) указы сопровождались наказными памятями о составлении подробного чертежа Тобольска и других сибирских городов, с указанием расстояний между ними, дорог, рек, о сборе торговых пошлин, о «мяжкой рухляди», о государственной десятой пашне, о «гонебных татарах», о хлебных запасах и о добыче соли на озере Мангазере⁵.

Некоторые указы, рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, касаются создаваемых воеводств. Такой указ (от 6 февраля 1638 г.) был направлен первым якутским воеводам П.П.Головину, М.Б.Глебову, дьяку Е.Филатову и письменному голове В.Яркову⁶.

Как замечал исследователь, в наказе иркутскому воеводе определяются относящиеся к Иркутску остроги. Березов, Верхотурье, даурские остроги, Енисейск, Илимск, Иркутск, Кетск, Красноярск, Кузнецк, Мангазея, Нарым, Нерчинск, Пелым, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Туринск, Тюмень и Якутск перечислены в указах и наказных памятях от 1593/94—1703 гг. Ученый называет количество наказов, направленных по городам. Так, по его данным, в Сургут было направлено 17 наказов, в Тару и Томск — по 15, в Енисейск — 13, в Тобольск — 12, в Пелым — 11, в Верхотурье, Нарым и Тюмень — по 10. В другие города, по сведениям Н.Н.Оглоблина, наказов было направлено меньше⁷.

Н.Н. Оглоблин упоминает о указах и наказных памятях, адресованных приказным людям. Таких документов сохранилось всего 11. Так, например, приказным людям, ведавшим Томском, были направлены из Казанского приказа указы от 25 марта 1604 г. и 31 января 1606 г.⁸

Примечательна и наказная память (1675/76 г.) тобольскому сыну боярскому Ф.Л.Толбузину, направленному для сбора ясака и пошлин в Иркутский острог, Томский и Енисейский уезды.

Наказная память 1687/88 г. тюменскому сыну боярскому И.Текутьеву, отправленному для управления Туринском до прибытия назначенного воеводы К.И.Крома (взамен предыдущего воеводы А.А.Юшкова), предписывает руководствоваться прежними воеводскими наказами⁹.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, многие наказные памяти были адресованы приказным людям. Так, например, одна из них была направлена в 1643/44 г. приказному человеку Маковского острога Енисейского уезда Б.Ю.Болкошину, другая, в 1648/49 г., сыну боярскому И.Похабову — приказному человеку в том же остроге, являвшемуся приказчиком местных крестьян, следующая, в 1654/55 г., прислана И.В.Смирнову, являвшемуся приказным человеком и одновременно стрелецким и казачьим головой Братского острога. Упоминается ученым и другая наказная память, направленная в 1675/76 г. приказному человеку и ясачному сборщику Братского острога Енисейского уезда сыну боярскому Т.Чемесову.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, отправлялись наказные памяти и указы и в адрес «начальных людей», в частности, стрелецких и казачьих голов, руководивших стрелецкими и казачьими отрядами и являвшихся вторыми лицами после воевод. В 1648/49 г. был направлен наказ тюменскому сыну боярскому С.Ушакову, в 1652/53 г. — енисейскому сыну боярскому Г.П.Барыбину¹⁰. Тюменским головам были направлены указы в 1652/53, 1674/75, 1677/78, 1679/80, 1686/87, 1688/89 гг. Тобольский голова получал наказ в 1667/68 г., нерчинский — в 1678/79 г. В 1691/92 г. наказ был вручен енисейскому голове сыну боярскому И.И.Поршеникову.

Н.Н.Оглоблин указывает и на отдельные указы, направляемые в случаях, когда должности казачьих и стрелецких голов не объединялись. Так, в 1660/61 и 1687/88 гг. были направлены указы тобольским казачьим головам, в 1689/90 и 1691/92 гг. указы вручались тобольским стрелецким головам. Томскому казачьему голове Я.Дедевшину был отправлен наказ в 1686/87 г., а его приемнику Г.Бундову — в 1689/90 г.

Ученый указывал и на отправку отдельных наказов в связи с «головством» над конными и пешими казаками, и отмечал, что к конным казакам присоединялись отряды «литвы» из иноземцев

и новокрещенов из числа инородцев. К пешим казакам нередко присоединялись стрельцы. Так, в 1690/91 г. был направлен наказ тобольскому голове конных казаков, литвы и новокрещенов, в 1697/98 г. — тюменскому голове стрельцов и пеших казаков, в 1694/95 г. — тобольскому голове пеших казаков, фамилия и имя которого не сохранились в документах.

Головам беломестных казаков были направлены указы в Тобольск. Такой указ получил в 1689/90 г. тобольский голова беломестных казаков А.Ф.Обольянинов. Его преемник Г.Г.Горохов получил указ в 1694/95 г.¹¹

Н.Н.Оглоблин указывает на многочисленность указов татарским головам, руководившим отрядами служилых татар. Таковы предписания тюменскому голове Б.Внукову, тарским головам И.Башееву и И.Лаптеву, тобольскому И.Чиркову.

По подсчетам Н.Н.Оглоблина, количество указов, направленных «начальным людям» сибирских уездов, составляло 14 по Тюмени, 12 по Тобольску, 8 по Енисейску.

В адрес таможенных голов также направлялись указы и наказные памяти. Их сохранилось 15. Такие указы излагали права и обязанности таможенных голов¹². Ученый делит данные документы на 4 вида. Среди первых были указы, адресованные только таможенным головам. Таков указ 1672/73 г. березовскому голове устюжскому посадскому человеку В.Протопопову. К другой группе документов Н.Н.Оглоблин относит указы и наказные памяти, направленные таможенным и кабацким головам. Примером служит наказная память 1671/72 г. верхотурскому голове устюжскому торговому человеку И.Толстоухову, назначенному вслед за устюжанином Л.Самсоновым. Следующая группа включает указы таможенным, кабацким и заставным головам. Среди документов этой группы — наказная память 1691/92 г. верхотурскому голове устюжскому посадскому человеку Г.Скорнякову. Указы и наказные памяти четвертой группы, выделенной Н.Н.Оглоблиным, адресованы таможенным и кружечным головам. Так, сохранилась наказная память 1702 г. енисейскому голове Д.Тушову, назначенному из местных посадских людей, а также память 1703 г. якутскому голове сольвычегодскому посадскому человеку И.Поршенникову.¹³

Наставления служилым людям, отправляемым из Москвы в Сибирь с документами, казной и другими посылками, включались в наказные памяти посольщикам. Последними обычно являлись сибирские служилые люди, привозившие в Москву, например, челобитные и воеводские отписки. Среди наказных памятей посольщикам Н.Н.Оглоблин выделяет памяти 1639/40 г. сибирским служилым людям, с которыми были отправлены грамоты и росписи грамот в разные города Тобольского и Томского разрядов. К тому же году относится наказная память тобольским казакам, везущим грамоты (с приложением росписи этих грамот).

Сохранились и наказные памяти посольщикам с грамотами для якутских казаков (с приложением росписей этих документов) от 1651/52 г.

Ученый обращал внимание и на наказные памяти служилым людям, перевозившим казну. Одну такую память получил в 1628/29 г. тобольский сын боярский И.Брянский с товарищами, везущими казну в Тобольск. К памяти прикладывались грамоты о посылке тобольским воеводам и памяти в Ямской приказ о даче подвод посольщикам. Наказная память с приложением проезжей грамоты (от 1640/41 г.) была отдана тарскому казачьему атаману С.Каратаеву, отправляемому в Тобольск с казной. Другая наказная память адресовалась тобольским служилым людям, везущим казну (1628/29 г.), и содержала в качестве приложений памяти в Пушкарский и другие приказы¹⁴. Следующая наказная память (от 1653/54 г.) была вручена тобольскому письменному голове И.Полуехтову, отправленному в Устюг и другие поморские города для закупки церковных принадлежностей для Сибири.

Наказы и наказные памяти могли направляться и другим лицам. Внимание Н.Н.Оглоблина привлек наказ от 8 февраля 1625 г., данный царем и патриархом сибирскому архиепископу Макарию. Другой наказ (от 1629/30 г.), отмеченный ученым, был дан дозорщикам сыну боярскому А.П.Воейкову и подьячему Поместного приказа М.Козлову, посланным описывать вотчины остаточных князей Михаила и Лобана Алачевых в Березовском и Сургутском уездах¹⁵.

Отписки и грамоты, по определению Н.Н.Оглоблина, являются дополнительными документами, сопровождающими, например, книги, дела или акты. Так, большинство воеводских отписок

сопровождалось ответными грамотами Сибирского приказа. Ученый отмечает, что по причине отсутствия грамот, которые сопровождались отписками, невозможно обнаружить все отписки¹⁶.

Н.Н.Оглоблин выделяет отписки сибирских воевод друг другу. Так, в 1642/43 г. поступали отписки на имя тобольских воевод, в 1643/44 г. — на имя мангазейских воевод, в 1644/45 г. — на имя верхотурских. Сохранились отписки тобольских воевод тарским за 1619/20, 1622/23 и 1625/26 гг.

Отписки часто сопровождались различными документами. Например, к отписке верхотурского воеводы (1646/47 г.) прилагались расспросные речи в съезжей избе таможенного головы и ценовальников¹⁷.

К отпискам могли прилагаться и именные росписи. Например, отписка (1666/67 г.) красноярского воеводы сопровождалась именной росписью служилых и жилецких людей, убитых и раненых во время набега на уезд калмыков и киргизов. К отписке тарского воеводы (1667/68 г.) была приложена именная роспись служилых, ясачных и других людей, убитых и взятых в плен в период нападения царевича Кучука с башкирами.

Интересные документы дополняли отписки 1698/99 г., адресованные сургутскому, пелымскому и енисейскому воеводам. Это «скаска» об уплате дани сибирскому митрополиту священнослужителями.

Н.Н.Оглоблин отмечал, что к отписке якутскому воеводе (1699/1700 г.) прилагалась «скаска» В.Атласова об открытии Камчатки.

К отпискам могли прилагаться и чертежи. Так, например, к отписке тарского воеводы (1704 г.) был приложен сделанный пером чертеж г.Тары¹⁸.

Отписка туринского воеводы (1704 г.) также содержала чертежи, относящиеся к постройке нового города на месте сгоревшего. К отписке тюменского воеводы (1706 г.), содержащей сведения о возведении Благовещенского собора, были приложены рисунки, подробно его изображающие. Ученым отмечают все подробности, с которыми был описан Благовещенский собор, и подчеркивается ценность сохранившихся в отписке с приложениями сведений для истории Сибири¹⁹.

Н.Н.Оглоблин обращал внимание и на редко встречающиеся отписки воеводских товарищей. Так, сохранилась отписка (1624/25 г.) сургутского воеводы Ф.Г.Шишкина об отправке в Москву «подворенных поминков», подаренных остячками князьцами, ясачными людьми и русскими промышленниками²⁰.

Следующая отписка (1628/29 г.) — тобольского воеводского товарища Г.Загряжского в Сибирский приказ — сообщает о приезде к месту службы. Н.Н.Оглоблин отмечает, что в отписке определяются права и обязанности воеводского товарища.

В оценке Н.Н.Оглоблина большую ценность представляют и отписки дьяков. Такова отписка (1638/39 г.) мангазейского дьяка П.Спиридонова, оставшегося на месте воеводы Б.Пушкина, уехавшего в Москву. За данной отпиской о текущих делах последовала в адрес дьяка ответная грамота Сибирского приказа.

Другая отписка (1644/45 г.) — тобольского воеводы енисейскому дьяку — содержала в качестве приложения «расспросные речи» местного казака, вернувшегося из Якутска, о постройке Ленского острога в Енисейском уезде и конфликтах между якутскими воеводами²¹.

В 1647/48—1648/49 гг. в приказ поступила отписка томского дьяка, также со сведениями о конфликтах между воеводами.

По замечанию Н.Н.Оглоблина, подьячие с приписью могли занимать должности дьяков в некоторых городах, при этом исполняя функции воеводских товарищей. Отписки подьячих с приписью также сохранились среди сибирских документов. Так, отписка Ф.Каменского (1658 г.) касается счета с его товарищем — «предместником» подьячим Г.Похабовым. Из отписки тюменского подьячего П.Максимова (1661 г.) в приказ узнаем о смерти воеводы А.Кафтырева. Сохранилась и отписка (1644/45 г.) енисейского подьячего, заменявшего воеводу.

По указанию Н.Н.Оглоблина, приказные люди могли занимать и места воевод. Сохранились их отписки, например, отписка (1625/26 г.) сына боярского А.Дубенского, направленного в Красный Яр из Москвы для постройки острога. Отписка содержит жалобу на тобольского воеводу князя Д.Т.Трубецкого, не отпускавшего его на Красный Яр и отказывавшего в денежной помощи для этого похода²².

Отписки приказных людей из небольших острогов, по мнению Н.Н.Оглоблина, отражают местную жизнь. Сохранились отписки зимовейных приказных людей. Так, в двух отписках за 1648/49 г. приказного человека Туруханского зимовья Мангазейского уезда М.Маркова говорится о приезде его в зимовье, содержатся жалобы на воеводские притеснения. Ответом на его отписки стала грамота мангазейскому воеводе, жалоба на которого поступила от М.Маркова.

Сохранились отписки приказных людей, временно исполнявших различные поручения. Так, отписка тюменского сына боярского И.Т.Текутьева написана в 1703 г. в ходе переписи Кунгура и Кунгурского уезда.

Временными приказными людьми могли являться и письменные головы. Их отписки также сохранились. Н.Н.Оглоблин приводит в пример отписку (1681/82 г.) из похода тобольского письменного головы И.Ф.Большого Суворова, направленного с отрядом тарских ратных людей против киргизов. Розыску о злоупотреблениях в Братском и Благовещенском острогах приказных людей посвящалась отписка (1695/96 г.) енисейского письменного головы Х.Ю.Кафтырева воеводе стольнику М.И.Римскому-Корсакову²³.

К разряду редко встречающихся Н.Н.Оглоблин относил отписки приказчиков пашенных крестьян. Так, исследователь изучил отписки 1646/47 и 1649/50 гг. приказчиков пашенных крестьян Енисейского и Маковского острожков Б.Балкошина и И.Похабова. Эти отписки сохранили сведения о злоупотреблениях енисейского воеводы относительно крестьян. По указанию ученого, И.Похабовым была составлена еще одна отписка (1645/46 г.), содержащая данные о постройке Байкаловского и Осинского острогов.

Сохранились и отписки приказчиков, управляющих заводами. Так, отписки за 1704 и 1706 гг. «оружейного и железного дела мастера» Невьянского железного завода Верхотурского уезда Н.Демидова сообщают об отправке в Москву воинских припасов. Н.Н.Оглоблин упоминает и отписку 1712 г. приказчика Каменских железных заводов Тобольского уезда.

К отпискам «начальных людей» исследователь отнес отписки предводителей служилых людей. Среди них отписка от 1646/47 г. енисейского казачьего головы П.Бекетова, отписка от 1648/49 г.

енисейского казачьего и стрелецкого головы Л.Одинцова (на которую впоследствии поступила ответная грамота)²⁴.

Грамоты, по данным Н.Н.Оглоблина, могли поступать и на имя «начальных людей» в связи с необходимостью взыскания или наказания воеводы. Такие грамоты поручали исполнение старшему «начальному человеку» в городе. Ученый приводит как образец грамоту от 1641/42 г. нарынскому казачьему голове Ю.Данилову с сообщением о наказании воеводы И.Скобельцына за недостаток зерна в государственной казне.

Сохранилась отписка 1684/85 г. якутского казачьего сотника Д.Михайлова, направленного из Москвы к илимскому воеводе стольнику И.А.Змееву с сообщением о необходимости привоза денег из Илимска в Якутск. За отпиской последовала грамота, где ставится вопрос о причине невыполнения требования, изложенного в отписке.

К числу редких отписок Н.Н.Оглоблин отнес и документы земских властей — отписки земских дел бурмистров, сообщавшие об отправке денежных сборов в Сибирский приказ, о назначении таможенных голов и т.д.²⁵

Перечисляя отписки, Н.Н.Оглоблин упоминает сибирские города, в которые они направлялись: Березов, Верхотурье, Енисейск, Иркутск, Ишим, Кетск, Красноярск, Мангазeya, Пелым, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Тюмень, Якутск, а также Туруханское зимовье²⁶.

Среди отписок, изученных Н.Н.Оглоблиным, встречались отписки целовальников. Так, например, в 1640/41 г. в Сибирский приказ была направлена отписка якутского таможенного целовальника с известием об отсутствии в Якутске головы.

Сохранилась отписка от 1635/36 г. томского таможенного головы, сообщавшая о первых его шагах в этой должности.

О сборе ясака и пошлин говорится, например, в отписке 1635/36 г. мангазейских таможенных голов и отписке 1638/39 г. тобольских голов. К этим документам прилагались росписи из таможенных соболиных книг.

Благодаря отписке 1640/41 г. таможенных мангазейских голов известно об отказе от уплаты сборов торговыми и промышленными людьми. Отписке сопутствует в качестве приложения «скаска» о причинах отказа от уплаты.

По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранились отписки таможенных и заставных голов с описанием досмотра направляемой в Москву ясачной казны. Такова отписка от 1635/36 г. верхотурского головы о досмотре тобольской ясачной казны²⁷. Досмотр тазовской и енисейской соболиной казны зафиксирован в отписке 1635/36 г. заставочного головы Ижемской Печерской слободы.

Н.Н.Оглоблин упоминает и отписку 1635/36 г. енисейских таможенных голов о выемке ими у отъезжавшего в Москву воеводы ясака для государевой казны. Предметом отписки 1636/37 г. тобольского головы была выемка «мяжкой рухляди» у служилых людей. Отписка 1636/37 г. березовского головы сообщала о выемке ясака и имела как приложение его роспись.

Ученым отмечается, что не все отписки таможенных голов касались напрямую деятельности этих управленцев. Так, отписка 1689/90 г. верхотурских голов содержит сведения о постройке деревянного собора.

Сохранилась память 1646/47 г. верхотурского таможенного головы своему воеводе с данными о торговых людях, ехавших через Верхотурье. К памяти прилагалась роспись провозимого ими имущества²⁸.

На отписки таможенных голов, как показывает Н.Н.Оглоблин, обязательно следовали грамоты. Такие грамоты последовали головам Верхотурья (1634/35 г.), Тобольска (1637/38 г.), Березова и Мангазеи (1639/40 г.).

Среди документов таможенного управления Н.Н.Оглоблин перечисляет и отписку двинского таможенного и кружечного головы (1652/53 г.) со сведениями о продаже в Архангельске ревеня, отписку (1697/98 г.) вологодского таможенного головы о приехавшем из Сибири с соболями²⁹.

По сведениям Н.Н.Оглоблина, большее количество отписок и грамот сохранилось от таможенных изб Верхотурья, Березова, Мангазеи и Енисейска.

По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранились отписки и грамоты, отражающие деятельность служителей церкви. Так, ученый упоминает отписки и грамоты 1625/26—1628/29 гг. архиепископа Сибирского и Тобольского Макария³⁰. В данных отписках приводились распросные речи о конфликте тобольского воеводы боярина князя Ю.Я.Сулешова с сыном боярским Д.Низовцовым, о

«починках» церковного обихода на Софийском дворе, об убийстве архиепископского сына боярского ссыльными «литовскими людьми», о бесчинствах бывшего софийского протопопа, о жалобах братии тобольского Знаменского монастыря на архимандрита Тарасия, о тайном провозе в Сибирь табака.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и отписки преемника Макария архиепископа Нектария. Так, в отписке 1636/37 г. шла речь о передаче запасов и домового софийской и келейной казны Нектарию, о присылке «церковного строения», о постройке церкви в селе Абалацком Тобольского уезда.

Отписка архиепископа Герасима (1643/44 г.) сообщает о четвертом браке нарымского воеводы Ивана Чаадаева и других подобных браках в Сибири. Еще в одной отписке Герасима (от 1644/45 г.) говорилось об оскорблении попом государева имени.

По указанию Н.Н. Оглоблина, сохранились отписки и грамоты и других сибирских владык: Корнилия, Павла, Игнатия, Филофея³¹.

Н.Н.Оглоблин, изучая документы Сибирского приказа, уделяет внимание и памятям, направляемым в Сибирский приказ из других приказов. Часть таких памятей относится и к Сибири. Так, исследователь упоминает о памяти от 31 июля 1621 г. Разряда в приказ Казанского дворца о ссылке в Сибирь двух черкас по боярскому приговору. Память была адресована боярину князю И.М.Воротынскому и дьякам И.Болотникову и Ф.Опраксину.

Другая память — от 1625/26 г. — касалась службы боярина князя Ю.Я.Сулешова в Сибири³². Память в Сибирский приказ из Посольского от 1635/36 г. сообщала о кормах томским служилым людям, направляемым из Москвы с послами³³. Сохранилась память (от 18 июля 1702 г.), адресованная Сибирским приказом Ямскому о даче подвод по случаю посылки в Сибирь «начального» человека Сибирского приказа думного дьяка А.А.Виниуса, посланного со служилыми людьми в Тобольский и Верхотурский уезды для осмотра заводов и их вооружения.

Переписку между Сыскным приказом и Сибирским отражает память от 1627/28 г. боярина Ф.И.Шереметева о возвращении тобольских служилых людей, посещавших Москву по делу Д.Погожева. Память (1629/30 г.) Разбойного приказа содержит сведения о посылке в Сибирь на службу А.Ф.Акинфова.³⁴

Сохранились и памяти, направленные в Сибирский приказ из Большого дворца. Так, Н.Н.Оглоблин приводит память от 1627/28 г., в которой сообщается о присылке из Сибири кречетов; к памяти была приложена грамота тобольским воеводам.

Уцелели и памяти о связях Сибирского приказа с Пушкарским. Н.Н.Оглоблин упоминает память от 1658 г., к которой была приложена роспись наряда и пушечных запасов в городах Томского и Тобольского разрядов.

Следующая память (1626/27 г.), направленная из Стрелецкого приказа в Сибирский, сообщала про возвращение московского стрелецкого сына из Тобольска³⁵.

Н.Н.Оглоблиным исследованы и документы неофициального (частного) характера, представляющие, по мнению историка, ценный и живой материал.

Исследуя челобитные дела, ученый в первую очередь обращается к документам служилых людей высшего ранга — воевод, их товарищей, дьяков, подьячих с приписью.

Одно из челобитных дел (1624/25 г.) состоит из челобитной тобольского воеводы боярина князя Ю.Я.Сулешова царю, направленной тобольскому архиепископу Макарию, расспросных речей сына боярского Д.Низовцева перед Макарием и отписки последнего царю. Дело сообщает о нарушении церковного обряда Низовцевым.

Следующее челобитное дело (от 1636/37 г.), изученное Н.Н.Оглоблиным, содержит челобитье воеводы стольника князя И.И.Ромодановского на власти Сибирского приказа, который, по мнению князя, нерегулярно посылает ему грамоты.

Сохранились челобитные дела (1633/34 г.) томского воеводы князя Н.Егупова-Черкасского об оскорблении его подьячим Д.Огарковым и касающиеся тобольского письменного головы А.Волохова (1636/37 г.).

Другой темой челобитных, как показывает Н.Н.Оглоблин, были дела о злоупотреблениях воевод.

Таково челобитное дело (1630/31 г.) бывшего тарского воеводы князя Ю.Шаховского. Челобитная была составлена после отрешения его от воеводства, задержания с семьей и обыска князя в Таре и Тобольске сыщиками сыном боярским Д.Полозовым и письменным головой Л.Башмаковым. Согласно последовавшему

приговору, задержанные жена и дети Шаховского были отпущены, в связи с чем от тобольских воевод последовала отписка об исполнении решения³⁶.

Н.Н.Оглоблин отмечает ценность челобитных о выдаче «государева жалованья» за полученную государевой казной прибыль в период управления каким-либо воеводой. Такими были челобитные дела тобольских воевод князя А.Н.Трубецкого и Г.Загряжского, верхотурских воевод князя Д.П.Пожарского, И.Уварова и подьячего К.Страхова, туринского воеводы И.Баклановского, томских воевод, включая князя О.Щербатого, красноярского воеводы П.Протасьева, нарымских, березовских, тюменских, енисейских воевод, якутского воеводского товарища К.Супонева.

Челобитные дела, как писал Н.Н.Оглоблин, нередко удовлетворялись выдачей поместного и государева жалованья. Встречались, как показывает ученый, и челобитные об отнятии «пожитков» у воевод, с просьбой об их возвращении. Примером является дело (1689/90 г.) бывшего якутского воеводы М.Кровкова, служившего в течение 50 лет³⁷.

Среди частных челобитных дел, как показывает Н.Н.Оглоблин, сохранились дела о розыске беглых холопов. Так, к 1635/36 г. относится дело красноярского воеводы о розыске его «человека».

О деятельности подьячих также сохранились челобитные дела. Одним из видов таких челобитных дел были дела о переводе подьячих на другое место службы. Дело 1625/26 г. по челобитной подьячего тобольской съезжей избы Г.Ерофьева содержало прошение о переводе подьячим в Енисейск. Согласно челобитному делу 1626/27 г., верхотурский подьячий Е.Квашнин подавал прошение о переводе его в Енисейск и о хлебном и денежном жаловании. По обоим челобитным были направлены грамоты с положительными приговорами.

Н.Н.Оглоблиным отмечаются и челобитные дела, согласно которым подьячие переводились и в московские приказы. Так, тобольский подьячий А.Тимофеев в 1631/32 г. стал нести службу на Печатном дворе.

Исследователю встречались челобитные дела и о переводе сибирских подьячих в местные начальные люди. Так, в 1632/33 г. подьячий, живший в Сургуте, там был назначен стрелецким и казачьим головой³⁸.

Частыми, по указанию ученого, были челобитные по вопросам увеличения жалованья, выплачиваемого подьячим. Примером служит дело подьячих тобольской съезжей избы Т.Васильева (1625/26 г.) и С.Кляпикова (1626/27 г.). Грамоты, приговоры и отписки, следовавшие по таким челобитным делам, как показывает Н.Н.Оглоблин, содержали положительные решения³⁹.

По свидетельству историка, и назначенные подьячими должностные лица направляли челобитные о выдаче наперед денежно-го жалованья. Таковы челобитные подьячих тобольской съезжей избы И.Костюрина и П.Бобанина (1626/27 г.).

Исследователем рассматривались и челобитные подьячих об их делах частного характера. Так, например, в 1628/29 г. поступила челобитная тобольского подьячего об отпуске в Москву, чтобы помолиться московским чудотворцам. Известно челобитное дело 1634/35 г. енисейского подьячего о сохранении за ним пашни умершего отца.

О деятельности таможенных подьячих также сохранились челобитные дела. Н.Н.Оглоблин ссылается на дело 1625/26 г. тобольского таможенного подьячего И.Власьева о возвращении его на таможенную службу. Челобитная Власьева была удовлетворена⁴⁰.

Сохранились челобитные дела, касающиеся походов сибирских приказных людей в «Братскую землю». В деле от 1629/30 г. енисейского стрелецкого пятидесятника В.Черменикова с товарищами рассказывается о походе туда и усмирении местных князцов Охони и Кадыма. Другое челобитное дело — 1644/45 г. — енисейского сына боярского И.Похабова сообщает о жаловании за походы в «Братскую землю» и посольства к мунгальскому царю Цысану в 1643/44—1646/47 гг. Сохранилась и челобитная 1658 г. енисейского казака С.Иванова, где говорится о его походе в 1650/51 г. во главе охочих байкальских людей на озеро Баунт. В деле сохранилась наказная память енисейского стрелецкого пятидесятника В.Черменикова⁴¹.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и челобитные дела землепроходцев. Так, например, ученый изучил челобитные С.Дежнева от 1661/62 и 1664/65 гг.⁴² Одна из них сообщала о поверстании его в сотники якутских казаков, вторая подтверждала открытие Берингова пролива.

По наблюдению Н.Н.Оглоблина, челобитные дела якутских приказных людей сообщают о походах в новые земли. Примером служит челобитное дело 1682/83 г. сына боярского Ф.Лыткина с товарищами с известием о походе 1680/81 г. на реку Удь.

Н.Н.Оглоблиным упоминаются и челобитные дела видных приказных людей с рассказами об их походах. Таким были челобитные дела (1650/51 г.) енисейского боярского сына П.Бекетова и тобольского казачьего пятидесятника К.Иванова. Челобитная последнего содержала данные о его службе (на 14 листах). Челобитное дело енисейского боярского сына И.И.Поршенникова более подробно описывает его деятельность. В деле сохранились две наказные памяти (1687/88 г.) об отправке Поршенникова в Баргузинский острог и о посольстве Поршенникова в мунгальские земли к тайше Цыбденю. Челобитное дело датировано 1690/91—1691/92 гг. и запечатлело факты многолетней службы в разных приказах⁴³.

Начальные люди нередко назначались на должности приказных людей, что подтверждают челобитные дела об их службе. В челобитной 1629/30 г. тарского десятника конных казаков Г.Алексеева излагалась просьба о назначении на место убитого атамана конных казаков Е.Пружинина. Челобитное дело 1635/36 г. енисейского казачьего пятидесятника В.И.Колесникова заключает просьбу о назначении атаманом с последующей посылкой на реку Лену с целью сбора ясака и рассказ о первых походах русских на Лену.

Нередко челобитные дела, как показывает Н.Н.Оглоблин, содержали прошения о перемене места службы. Так, тарский голова в 1627/28 г. бил челом об оставлении того места, где он служил в течение пяти лет.

Отставка служилых людей также отражалась в челобитных делах. Так, например, сургутский казачий атаман Т.Федоров (1626/27 г.) просил об отставке по причине старости и увечья и поверстании на свое место сына. Нарымский казачий и татарский голова Ю.Данилов также добивался в своей челобитной (1646/47 г.) отставки после 40-летней службы⁴⁴. Данилов предлагал отдать свою заимку в государеву казну для устройства пашенных крестьян. Согласно доездной памяти, приложенной к челобитному делу Данилова, его заимка была оценена и замерена. Писцы составили подробные ее описи.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, сохранились челобитные дела начальных людей с прошениями о повышении жалования. Такими были челобитные дела тарского десятника конных казаков (1631/32 г.) и енисейского казачьего атамана с товарищами⁴⁵.

Конфликты между начальными и ратными людьми часто отражались в челобитных делах. К примеру, известно челобитье 1626/27 г. тобольского татарского головы относительно его раздора со служилыми татарами.

Как указывает Н.Н.Оглоблин, сохранились челобитные дела начальных людей, в которых они просили об отпуске из Москвы и даче подвод. Такие челобитные дела часто сопровождалось отписками. Сохранились челобитные тарского головы конных казаков Н.Жедовского (1627/28 г.) и енисейского стрелецкого десятника Н.Андреева (1629/30 г.).

Частные дела начальных людей также отражались в челобитных. Сохранилась челобитная 1631/32 г. тарских казачьего пятидесятника и двух казаков о снятии откупа. Челобитная содержала и жалобу на воеводу⁴⁶.

Как показывается Н.Н.Оглоблиным, назначение в тобольские дворяне происходило по челобитьям, поступающим от детей боярских и начальных людей старших рангов. Сохранились такие челобитные дела за 1687/88 и 1698/99 гг.

Детями боярскими также оставлен большой объем челобитных дел. В 1626/27 г. по челобитной сын боярский С.Молчанов просил поверстать его на место приказчика пашенных крестьян вместо своего убитого отца. Грамота свидетельствует об удовлетворении челобитной С.Молчанова. От 1631/32 г. также сохранились две челобитные о поверстании березовских детей боярских на должности служилых людей, в том числе отца. Согласно челобитной томского сына боярского М.Яроцкого (1640/41 г.), надлежало поверстать двух служилых людей на выбылые места детей боярских⁴⁷.

По сведениям Н.Н.Оглоблина, сохранились челобитные служилых людей об отпуске из Сибири. Грамотой тарским воеводой (1626/27 г.) была удовлетворена челобитная местного сына боярского П.Ахмурова, просившего отпустить его в Москву, а на его место поверстать брата. Челобитная енисейского сына боярского Ф.Соловцова (1628/29 г.) передает его просьбу об отпуске в Москву.

Грамота в ответ на челобитную позволяет его отпустить, указывая на то, что Соловцов не являлся ссыльным. Следующая челобитная (томского сына боярского О. Михалевского) от 1634/35 г. об отпуске из Сибири осталась неудовлетворенной. Помета на ней предписывала Михалевскому оставаться в Сибири.

Сохранились челобитные дела о назначении детей боярских на разные «приказы». Так, по челобитному делу 1633/34 г. тобольского сына боярского И. Венгерского назначали приказчиком пашенных крестьян Ницынской слободы Тюменского уезда. Известна и челобитная 1625/26 г. тобольского сына боярского Г. Обольянинова о повышении жалованья.

Дети боярские при приезде в Москву оставляли челобитные о выходном жалованье и оплате дороги до Сибири⁴⁸. Так, сохранилось соответствующее челобитное дело верхотурского сына боярского.

Личные нужды также отражались в челобитных. Например, в 1626/27 г. тюменский сын боярский просил после доставки казны в Москву отпустить его в Великий Новгород помолиться. Туринский же сын боярский К. Шарыгин подал челобитную о споре с крестьянами из-за земли.

Как отмечает Н.Н. Оглоблин, до нас дошли и челобитные «литовских людей» о поверстании в дети боярские. Так, в 1628/29 г. тарский конный казак П.Г. Костелецкий (из поляков) просил назначить его на выбылое место отправившегося в Москву отца. На челобитную последовал приговор и выпись, где сообщалось о назначении «на Таре» в дети боярские⁴⁹. Челобитное дело 1629/30 г. содержит сведения о выездах поляка, о посылке их в Сибирь, поверстании в дети боярские, а также прошение на назначение в дети боярские брата П.Г. Костелецкого. Нередкими были челобитные о жалованье. Так, в 1631/32 г. тобольский литвин добивался вознаграждения за службу в Сибири.

Среди личных просьб в челобитных Н.Н. Оглоблин отмечает и прошение тобольского литвина об отпуске к нему жены из Ярославля (1627/28 г.).

Литовские выходцы, отправленные в Сибирь на пашню, подавали челобитные об отпуске их со службы. В качестве примера Н.Н. Оглоблин приводит челобитное дело 1648/49 г. двух таких людей, направленных в Томск. Их прошение было удовлетворено.

По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранилось большое количество челобитных дел сибирских казаков⁵⁰. Среди челобитных были прошения о поверстании в казачью службу, например, томского казачьего сына в пешие казаки (1631/32 г.), на выбылые казачьи места двух енисейских казачьих сыновей (1636/37 г.).

Ученым отмечается возможность перемещения казаков, что тоже отразилось в челобитных делах. Казаки могли перейти в начальные люди (в десятники, пятидесятники, сотники, головы и атаманы) и даже в дети боярские и дворяне, о чем свидетельствует челобитное дело 1707 г. якутского казака М.З.Многогрешного.

Челобитная 1626/27 г. томского казака И.Лукьянова передает его просьбу о переводе в Тобольск. Вслед за челобитной последовала грамота с положительным решением, а следом Лукьянов отправил новую челобитную — о выдаче жалованья на проезд в Москву. Сохранилась и другая челобитная (1629/30 г.) о переводе красноярского казака в Тюмень в конные казаки на выбылое место.

Ученый приводит примеры челобитных дел, содержащих сведения о служебных поручениях разного рода⁵¹. Так, в челобитной тобольских и верхотурских казаков излагалась просьба об отпуске из Москвы и даче подвод (1625/26 г.).

Челобитное дело 1626/27 г. тобольских конных казаков Д.Рачковского и М.Выходцова сообщает о провозе казны через Ярославль в Москву, расспросные речи казаков в Казанском приказе, челобитную казаков, память о даче стрельцов для охраны перевозимой казны, челобитную Рачковского и Выходцова о выдаче «корма» на дорогу и память о даче подвод (для Ямского приказа). Челобитная тарского конного казака (1629/30 г.), направленного с пушниной в Москву, содержит просьбу об отпуске из столицы и даче подвод.

Просьбы о выдаче жалованья отражаются во многих казачьих челобитных. Сохранилась челобитная 1625/26 г. енисейского казака В.Никифорова, отправленного в Москву с отписками и возвращающегося с грамотами в адрес тобольских воевод, со сведениями об отказе в получении им жалованья в Москве. В грамоте есть помета о выдаче Никифорову жалованья за 1625/26 г., к документу приложена память в Ямской приказ о подводах.

Следующая челобитная (1626/27 г.), рассмотренная Н.Н.Оглоблиным, отражает сведения о выдаче годового жалования направленным в Москву нарымским, кузнецким, томским, сургутским и казакам других городов⁵².

Н.Н.Оглоблиным приводится и челобитная (1625/26 г.) тобольских, тарских, туринских и других казаков о предоставлении поденного «корма» в Москве, выдаваемого до пожара 1625/26 г., а после него не выданного. Согласно помете на челобитной, казаки получили «корм».

Челобитное дело 1625/26 г. двух енисейских казаков содержит прошение о жалованье за выезды из сибирских городов. От следующего года также сохранилась челобитная об оплате за выезды казаков разных сибирских городов.

Послужного жалованья добивался в челобитной 1626/27 г. тобольский казак И.Корнильев за прииск новых земель и сбор ясака. К челобитной была приложена подробная опись собранной пушнины. Челобитное дело содержало и память (в Большой приход и Денежный стол) о выдаче челобитчику тафты и сукна, денег.

Н.Н.Оглоблиным приводятся сведения о многих сохранившихся челобитных 1631/32 г., в которых имелись данные о походах, боях, открытии новых земель⁵³.

Как отмечено историком, якутские казаки часто сообщали в челобитных о таких открытиях. Н.Н.Оглоблин ссылается на челобитные дела 1648/49—1651/52 гг., 1672/73 г. (челобитная В.Атласова, открывшего Камчатку) и 1686/87 г., челобитное дело 1686/87 г. Г.Ферапонтова, где говорится о совместном походе казачьего пятидесятника Д.Михайлова на реку Уду. Н.Н.Оглоблиным указаны и челобитные дела охотских казаков (1654 г.).

Сохранились и другие челобитные дела, отражающие личные дела казаков. Так, челобитная 1626/27 г. боярину князю Д.М.Пожарскому от шести тарских казаков, отправленных в Москву с ясаком, содержала прошение отпустить их в Казань для совершения молитв и даче подвод дьякам А.Подлесову и П.Копнину⁵⁴.

Личные просьбы казаков содержались и в челобитных красноярцев (1630/31 г.), тобольского казака (1632/33 г.), просившего взять с Ваги брата и мать, красноярского казака (1635/36 г.), с просьбой отпустить с ним жену и детей из Ярославля.

По указанию Н.Н.Оглоблина, часть челобитных, поданных в Тобольск в 1711—1713 гг., адресовались «всемилодивейшему государю-батюшке губернатору князю М.П.Гагарину».

Как отмечает Н.Н.Оглоблин, сохранились и челобитные дела стрельцов. Так, в трех челобитных делах 1625/26 и 1626/27 гг. двух верхотурских и пельмского стрельцов содержались просьбы об оплате их проезда в Москву со служебным поручением.

Следующее челобитное дело (1629/30 г.) тарского стрельца И.Иванова сообщало о неуплатах сборов конным казаком литовского списка М.Микитиным и продаже им двора, находящегося в кабале. В этом же году енисейский стрелец, прибывший в Москву с ясаком, просил отпустить его в Яренск для встречи с женой. Сохранилась и челобитная мангазейского стрельца (1631/32 г.), прошившего поверстать его в сотники.

Н.Н.Оглоблин отмечает челобитные дела 1650/51—1651/52 гг. туринских стрельцов. Последние просили оставить их на службе, не переводить в посад. Челобитное дело стрельца Д.Лукиянова содержит грамоту (от 27 февраля 1602/1603 г.) царя Бориса Федоровича, адресованную туринским воеводам, о переводе Л.Иванова из крестьян в служилые люди⁵⁵.

Сохранились и челобитные дела инородцев Сибири. Так, согласно челобитной 1627/28 г., тюменский служилый татарин просил поверстать его на место своего убитого отца. За челобитной последовала грамота в адрес тюменских воевод, согласно которой челобитчик был поверстан в служилые татары. Ясачный татарин Чулымской волости Томского уезда Б.Артыбаев в 1648/49 г. тоже направил челобитную о переводе его в служилые татары, и челобитная была удовлетворена. Кормовые новокрещены также писали челобитные. Г.Игнатьев и С.Еремеев в 1629/30 г. просили поверстать их в енисейскую казачью службу. В состав указанного челобитного дела входили расспросные речи и грамота енисейскому воеводе о поверстании новокрещен в казаки⁵⁶. Н.Н.Оглоблин указывает на то, что новокрещен верстали на государеву службу наравне с русскими.

Ученый отметил одно челобитное дело 1644/45 г., в котором новокрещен просил поверстать его в палачи в Кетском остроге.

Сохранилось челобитное дело, в удовлетворении которого было отказано. В 1646/47 г. нарымские оброчные новокрещены писали о несправедливо собранном с них оброке.

Ученым рассматривались и челобитные дела «нововыезжих» татар в Тобольск, Тару и другие сибирские города (1660/61—1661/62 гг.).

Интересными Н.Н.Оглоблин находил челобитные дела остяцких князей. Так в 1627/28—1631/32 гг. князя Михаил и Лобан Алачевы писали о злоупотреблениях писцов, неверную передачу ими сведений в писцовых книгах при описи вотчин Березовского и Сургутского уездов⁵⁷. Сохранилось челобитное дело 1631/32 г. кодского князя Д.М.Алачева, добивавшегося подтверждения в Москве своих прав. В его челобитных содержались просьбы о руге для вотчин, о хлебных запасах для Тобольска, о даче «соляного оклада», отпуске «стругов» для перевозки хлеба до Тобольска.

Челобитное дело (1649/50 г.) ставшего березовским служилым человеком князя Садара Чумеева Алачева содержит подробное описание его походов, а также жалобу на запись сыном боярским М.Байкашиным двух сыновей князя и 25 дворовых людей из службы в ясачный оклад. На челобитную последовал положительный ответ в отношении сыновей князя — предписывалось не брать с них оброк, но дворовые люди были оставлены ясачными.

Следующие челобитные дела (1634/35 г.), рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, содержали прошения о выдаче годового жалованья и оплаты проезда от Москвы князьям Дмитрию и Григорию Кичеевым, доставившим в столицу ясак⁵⁸.

Н.Н.Оглоблиным отмечаются и челобитные дела послужных людей («оброчников»). Так, в 1628/29 г. мангазейский тунгусский и самоедский толмач за многолетнюю службу (с 1604/1605 г.) просил прибавку к жалованью. На челобитную последовала грамота об увеличении жалованья толмачу.

Сохранилась челобитная 1644/45 г. банщика из Нарыма о назначении ему помощника на службе и челобитное дело 1685/86—1686/87 гг. енисейского «гранатчика», обучающего гранатному делу ратных людей.

Н.Н.Оглоблиным специально отмечены челобитные дела отставных служилых людей, называемых им «нищими старчиками»

и богадельщиками. Таким было дело 1660/61 г. И.Нехорошева, присланного из Томского уезда в Москву для подачи челобитной с прошением годовой руги (денежной и хлебной) и об отпуске из Москвы с подводами для томских служилых людей. Челобитная Нехорошева была удовлетворена, как отмечает ученый, по причине его принадлежности к отставленным казакам, о чем шла речь в грамоте⁵⁹.

Согласно челобитному делу 1687/88 г. богадельщиков отставленных старых казаков И.Голтепы, Г.Шуйского и И.Минеева, челобитчикам за многолетнюю службу полагалась прибавка к размеру содержания в Якутске. Бывшие казаки ссылались при этом на нормы содержания братии в богадельнях Тобольска, Томска, Енисейска и Тюмени. Грамота, последовавшая на челобитную казаков, не удовлетворила их требования⁶⁰.

Мирские челобитные в оценке Н.Н.Оглоблина являются ценным материалом, отображающим общинный уклад XVII столетия.

Сохранилась «подписная челобитная» (1627/28 г.) тобольской «литвы» со сведениями об утверждении выбранного иноземца Г.Черного ротмистром вместо умершего ротмистра Б.Станиславова.

Следующая челобитная, составленная томской «литвой» и конными казаками в 1629/30 г., заключала прошение об отправке им воинской сбруи⁶¹. Другая челобитная поступила в 1632/33 г. от тобольской «литвы» и конных казаков с просьбой о поверстании сыновей в «литовские» и казачьи оклады.

Сохранилась и челобитная 1629/30 г., составленная енисейцами (атаманом И.Галкиным, сотником П.Бекетовым, казаками и стрельцами), с прошением об освобождении их от перевозки хлеба из Маковского острожка в Енисейск. Н.Н.Оглоблин отмечает, что челобитная енисейцев наполнена подробными сведениями об их службе.

Среди челобитных дел с жалобами на злоупотребления воевод, приказных и начальных людей, примечательна челобитная (1634/35 г.) кузнецких казаков с описанием действий воеводы Ф.И.Нащокина. Как отмечает ученый, жалобы на него поступали и от томских воевод.

Нередкими были случаи составления челобитных стрельцами. Так, в 1625/26—1626/27 гг. енисейские стрельцы просили назначить М.Перфильева стрелецким сотником⁶². Челобитную енисейских стрельцов поддержал воевода А.Ошанин, подробно перечислив заслуги Перфильева. Однако сотником был назначен сын боярский П.Бекетов, о чем сообщала помета (1626/27 г.) в приказной грамоте тобольским воеводам.

В челобитной 1628/29 г. енисейских стрельцов содержится просьба освободить их от перевозки хлебных запасов, говорится о тяготах их службы. Челобитная была удовлетворена, о чем в 1629/30 г. были направлены грамоты воеводам Томска, Тобольска, Енисейска и Красноярска. Следующая челобитная енисейских стрельцов (1629/30 г.) касалась трудностей их службы по сравнению с томскими, тарскими и тюменскими стрельцами⁶³. Другая челобитная (1631/32 г.) енисейских стрельцов содержала просьбу о повышении жалованья. Об этом шла речь и в челобитной тарских служилых татар (1628/29 г.). Царским приговором служилым татарам было отказано и запрещалось впредь просить повышения до норм тобольских служилых людей. Однако сыновей этих татар и других родственников было приказано поверстать в службу.

Томские служилые татары также просили о повышении жалованья (1631/32 г.). В челобитной содержится описание их заслуг в походах против изменивших ясачных людей и говорится о других отличиях по службе.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, встречались и мирские челобитные всех служилых людей от всего города. Так, например, в 1625/26—1626/27 гг. от енисейских служилых людей была направлена челобитная с просьбой прислать в новопостроенные церкви (Введенскую и Михаила Малеина) богослужебные книги, другие богослужебные предметы⁶⁴. Согласно царскому приговору, «церковное строение» было направлено только в Введенскую церковь.

Другая челобитная (1625/26 г.) енисейских служилых людей содержала разные просьбы относительно тягот службы. Жалобы завершались просьбой поверстать денежным и хлебным жалованьем и освободить от «кочевой» и струговой «поделки». В челобитной содержалось и ходатайство енисейских воевод, отмечающих ко всему прочему необходимость увеличения численности

служилых людей в Енисейске и упорядочения доставки хлеба. Бывший енисейский воевода стольник Я.Хрипунов, служивший в приказе Казанского дворца, дополнил челобитье енисейского мира⁶⁵. Однако, как отмечает Н.Н.Оглоблин, результат челобитной остается для нас неизвестным.

Сохранилась челобитная (1626/27 г.) тарских служилых людей с просьбой о выделении подвод на дорогу до Москвы для перевозки железа и других припасов, купленных для Борисоглебской церкви. В том же году тарские служилые люди направляли челобитную с прошением дачи подвод под войсковую ратную сбрую.

Следующая челобитная тарских служилых людей, в удовлетворении которой было отказано, была направлена в 1628/29 г. и касалась увеличения денежного жалованья, восстановления прежних норм хлебного жалованья.

Н.Н.Оглоблиным рассматривалось и челобитное дело 1630/31 г. красноярских служилых людей, жаловавшихся на енисейцев. Челобитное дело содержало подробный рассказ о конфликтах между красноярцами и енисейцами во время их походов и несения службы⁶⁶.

Другое челобитное дело (1629/30 г.) красноярских служилых людей сообщало о частичной невыдаче хлебного жалованья за 1628/29 г., хлебных окладов за 1629/30 г., а также описывало тяготы службы красноярцев, которые просили увеличить оклады и выдать недостающий хлеб.

В 1630/31 г. красноярцы в другом челобитном деле добивались послужного жалованья за поход в «Братскую землю». В 1631/32 г. томские служилые люди тоже просили послужное жалованье за различные походы. К 1634/35 г. относится прошение томских служилых за участие в походе на киргизов под руководством приказного человека А.Просовецкого.

Об увеличении численности служилых людей говорилось в челобитной 1635/36 г. красноярских служилых людей. В 1636/37 г. ими же была направлена челобитная о ликвидации откупной зерни, разоряющей их. Увеличению количества томских служилых людей посвящалась челобитная томских служилых людей (1636/37 г.). Данная челобитная также содержала просьбу о невзимании с их пашен «выдельного хлеба»⁶⁷.

Кетские служилые люди в 1658/59 г. в своей челобитной просили перенести острог на новое место по причине весенних разливов, что и было сделано в 1660/61 г. Березовские служилые люди в 1678/79 г. подали челобитную о прекращении посылок на красноярскую службу. Челобитная 1679/80 г. от красноярских служилых людей содержала прошение о защите против набегов киргизов. В 1690/91 г. поступила челобитная от томских служилых людей о сохранении за И.И.Дурново воеводства. «Челобитье» не удовлетворили, так как составлено оно было не от всего города, а лишь от служилых людей. Согласно другим документам, в 1690/91 г. томским воеводой был назначен стольник князь С.И.Путятин.

Н.Н.Оглоблин отмечает и факты подачи мирских челобитных от служилых и жилецких людей всего города. Так, из Тары была направлена в 1626/27 г. челобитная об увеличении государевой выдачи вина и ладана для церквей. Челобитная (1648/49 г.) томских служилых, посадских людей и подгородных крестьян содержала ходатайство о направлении в Благовещенскую церковь царской руги.

Березовские служилые и жилецкие люди в челобитной (1687/88 г.) просили оставить воеводой стольника И.Ф.Грибоедова на третий год службы⁶⁸. В челобитной 1635/36 г. кузнецкие служилые люди и пашенные крестьяне просили направить им церковное строение. К 1639/40 г. относится челобитная туринских служилых, посадских людей, ямских охотников, пашенных крестьян об освобождении их от постройки судов в Туринске и Верхотурье. В 1640/41 г. эти же туринцы направили челобитную об уплате денег за постройку «дощаников».

Тюменскими служилыми, посадскими и другими жилецкими людьми, пашенными крестьянами, ясачными людьми была направлена челобитная (1685/86 г.) с ходатайством об оставлении у них воеводой Н.И.Колобова. Челобитная (1686/87 г.) населения всего города Туринска и Туринского уезда содержала просьбу о сохранении воеводства за И.И.Алфимовым. Челобитная туринцев была удовлетворена согласно приговору от 20 сентября 1687 г. Красноярскими служилыми, посадскими людьми и крестьянами была составлена челобитная (1687/88 г.) по поводу злоупотреблений прибывших из Енисейска для описи земель писца князя М.Вындомского и подьячего Ф.Афанасьева.

Якутскими служилыми и ясачными людьми были направлены две челобитные (1704 г.) с прошением о присылке воеводы⁶⁹. Отсутствие воеводы в Якутске объясняется переводом воеводы Д.Траурнихта в Енисейск и смертью в пути направленного на его место воеводы В.Поливанова.

Сибирские служилые люди, приехавшие в Москву, оставили ряд челобитных (1665/66—1698/99 гг.) о невзимании таможенных пошлин с товаров, провозимых для собственных нужд. Две подобные челобитные (1697/98—1698/99 гг.) последовали от сибирских служилых и торговых людей с просьбой о снижении таможенных пошлин.

Н.Н.Оглоблиным отмечаются и челобитные дела таможенных заставных, кабацких голов и целовальников. Так, в 1629/30 г. енисейский целовальник торговый человек В.А.Порхачов, направленный в Москву с пушной казной, просил дать подводы для поездки до Выми⁷⁰.

В 1631/32 г. мангазейские промышленные люди — целовальники, присланные в Москву с ясаком, направили челобитную об оплате их проезда и «корме». Другая челобитная, составленная енисейским посадским человеком — целовальником при ясачной казне (1633/34 г.), содержала ходатайство о даче подводы из Москвы. Размеры государева жалованья вызвали подачу челобитных и от таможенных голов. Так, сохранились челобитные дела таможенных и заставных голов (1626/27, 1638/39, 1643/44 гг.) из Верхотурья, Березова, Енисейска и других сибирских городов. Челобитные сопровождалась подачей различных документов: выписей из таможенных книг, воеводских отписей.⁷¹

Часто челобитные дела московских служилых людей, как указывал Н.Н.Оглоблин, раскрывали состояние сибирской службы. Сохранилось челобитное дело (1627/28 г.) свияженина Ф.Елагина, просившего назначить его татарским головой в Тобольске вместо отрешенного от службы за злоупотребления К.Чистово. Челобитное дело вместе с другими документами, касающимися этого назначения, содержит наказ новому татарскому голове Елагину и грамоту тобольским воеводам.

Следующее дело (1628/29 г.) также касалось назначения в Тобольск. Согласно челобитью малоярославецкого неверстанного безпоместного сына боярского Ф.Воропаева, освободилась должность

ротмистра тобольской «литвы», которую оставил сын боярский Г.Черный. Челобитная Воропаева не была удовлетворена. На место Черного перевели одного из рядовых литвинов, а Воропаева направили на место последнего.

В 1628/29 г. рязанский беспоместный неверстанный сын боярский Е.Н.Поливанов ходатайствовал о назначении тарским казначьим атаманом вместо переведенного в Тунгусский острог сына боярского В.Тюменцева. Другой сын боярский Б.Н.Поливанов, также являвшийся беспоместным и неверстанным, просил в своей челобитной (1628/29 г.) о назначении его на место тарского сына боярского Е.Пружинина. На обе челобитные последовала грамота об удовлетворении их прошений⁷².

Нередкими были, как замечал Н.Н.Оглоблин, и челобитные дела о назначении подьячими воеводского управления. Так, московский подьячий Б.Федоров после подачи челобитной (в 1626/27 г.) был назначен подьячим тюменской съезжей избы на место умершего подьячего. В 1631/32 г. подьячий Поместного приказа был назначен подьячим в Томске. Его челобитное дело также содержало прошение о выдаче годового жалованья и освобождении подчиненных ему людей от суда. Сохранились челобитные дела от 1634/35 г. двух московских подьячих, ходатайствующих о назначении в Томск и Енисейск. Эти челобитные дела содержат сведения о выдаче просителям жалованья наперед.

Назначения на места таможенных подьячих также были предметом челобитных. Так, по указанию Н.Н.Оглоблина, московский подьячий И.Алексеев просил в 1626/27 г. о назначении подьячим тюменской таможенной избы вместо Д.Кособора, и грамота тюменским воеводам удовлетворила это челобитье.

Сохранились и челобитные москвичей о переводе в сибирские казаки. Таково, к примеру, челобитье 1633/34 г. девяти неверстанных детей боярских, согласных быть поверстанными в енисейские казаки⁷³. Н.Н.Оглоблин отмечает и челобитное дело 1633/34 г. о переводе московского драгуна в тобольские пашенные крестьяне, то есть из служилых людей в жилецкие⁷⁴.

Часть челобитных дел касается розыска беглых людей. Н.Н.Оглоблин указал на челобитное дело 1625/26 г. сына боярского Н.Беглецова о выдаче погонной грамоты в Казань и сибирские города для поимки двух кабальных людей, бежавших от него. На

челобитной была сделана помета о выдаче грамоты на учинение крепкого заказа по сибирским городам. Другая челобитная (1626/27 г.) поступила от клинского сына боярского Б.Ловчикова с известием о проживании его «человека» у тобольского татарского головы и просьбой о возврате беглеца. Такое же челобитье (1627/28 г.) сохранилось и от Р.Боборыкина (о высылке с Тюмени его холопа). Следующее челобитное дело, как отмечает Н.Н.Оглоблин, исходило от князя И.Дашкова, направившего в Тобольск иконника И.Степанова и требовавшего его возврата. Грамота тобольским воеводам повелевала направить иконника обратно в Москву в случае, если Степанов признает кабалу Дашкова. К 1628/29 г. относится челобитное дело о розыске в Сибири кабальных крестьян, бежавших от боярина М.Годунова, боярина И.Шереметева, стольника П.Колтовского. Челобитному делу сопутствуют расспросные речи одного из беглецов, обнаруженных в Тобольске, и память в приказ Холопьяго суда. Н.Н.Оглоблин отмечает и челобитные дела (1635/36, 1639/40 гг.) о поиске беглых холопов бояр князя Д.М.Пожарского и Ф.И.Шереметева⁷⁵.

Ученым отмечается челобитное дело 1705 г. об отправке из Нерчинска в Москву должников имеретинского царя Арчила — двух греков.

Н.Н.Оглоблиным рассмотрены и челобитные дела сибирских духовных лиц. Наиболее распространенными из них являются челобитья о выделении церковных принадлежностей, как, например, в 1636/37 г. В 1639/40 г. поступила челобитная сибирского архиепископа Нектария об отправке воска, ладана и церковного вина. Такую же челобитную подал архиепископ Герасим. Другое челобитное дело (1646/47 г.) владыки Герасима касалось запрета продавать табак в «софийских отчинках». Архиепископ Симеон в своей челобитной (1656/57 г.) высказывал возмущение по поводу злоупотреблений тарского воеводы И.Чаадаева⁷⁶.

Хозяйственным нуждам (об отдаче в Софийский дом Нижней Ницынской слободы с деревнями и крестьянами) посвящалось челобитное дело (1692/93—1695/96 гг.) митрополита Игнатия⁷⁷. На эту челобитную поступил отказ от царя Петра (в грамоте от 18 февраля 1695/96 г.).

До нас дошло и челобитье митрополита Димитрия, бывшего несколько месяцев сибирским митрополитом. Димитрий бил челом (1702 г.) о софийских рыбных ловлях и хмелевых угодьях.

Архиепископы и митрополиты в своих челобитных нередко просили вернуть их из Сибири. Так, в 1644/45 г. архиепископ Герасим писал о раздорах с софийскими дворовыми людьми и просил отпустить его на покой в Чудов монастырь. В 1645/46 г. Герасим подал жалобу на стольника князя И.Ромодановского за оскорбление. От архиепископа Симеона неоднократно поступали челобитные на подобные оскорбления. В 1653/54 г. архиепископом Симеоном была послана в Москву челобитная об обиде его приказчиком Красной Ницынской слободы Тюменского уезда П.Протопоповым, в 1658/59 г. владыка жаловался на тобольских воевод князей И.А.Буйносова-Ростовского и И.А.Хилкова⁷⁸.

Как отмечает Н.Н.Оглоблин, несколько челобитных дел (о выдаче жалованья и корма на дорогу, о подводах) поступило в 1626/27 г. от софийского ключаря Адреяна и дьякона Ильи, привезших в Москву святую воду от сибирского архиепископа. В 1627/28 г. Адреян также направил челобитную о даче подводы. Сохранилась челобитная от 1631/32 г. от того же ключаря и попа С.Дементьева о «корме», выходе и жалованье после доставки в Москву святой воды. В 1634/35 г. другие софийские попы привозили святую воду в Москву и также били челом о «корме» и выходе.

Среди челобитных дел духовных лиц Н.Н.Оглоблин отмечает прошение верхотурских ружников (1640/41 г.) о том, чтобы хлебное жалованье выдавать «добрым, а не зяблым овсом». Сохранились и челобитные церковных старост Березова (1640/41 г.) о даче подводы с Москвы под церковную покупку⁷⁹.

В 1625/26 г. софийский черный поп Савватий, прибывший в Тобольск с архиепископом Киприаном, направил челобитную об отпуске из Сибири в новгородский Хутынский монастырь. Савватий, согласно помете на челобитной, был отпущен с подводами в Москву.

Как отмечает Н.Н.Оглоблин, в сибирских монастырях были представители челобитных дел. Так, из тобольского Знаменского монастыря в 1627/28 г. направлялись челобитные, составленные архимандритом Тарасием с братией. Его челобитные дела касались

снятия оброка и изделья с земли, увеличения причта, присылки церковных книг, монастырской вотчинки и др. От Тарасия же поступила челобитная об отпуске из Москвы и выдаче проезжей грамоты старцу Знаменского монастыря Ионищу.

Сохранилось челобитное дело (1677/78—1682/83 гг.) архимандрита енисейского Спасского монастыря Матвея о возвращении «лишних» монастырских земель в государеву казну. Челобитное дело содержит описи земли и списки с крепостных актов.

Челобитье (1680/81 г.) архимандритов енисейского Спасского монастыря Матвея и Ивановского монастыря Тобольского уезда Иосифа содержало прошение о выдаче денег из государевой казны на пошив архимандричьих шапок. Отписка митрополита Павла от 1679/80 г. свидетельствует о введении государевым указом права ношения двумя этими архимандритами шапок⁸⁰. Временно шапки им были выданы из софийской ризницы, а затем из казны поступили деньги (согласно челобитью) на шапки и «сулки».

Н.Н.Оглоблин отмечает и челобитные игуменов. Так, в 1626/27 г. от игумена тарского Спасского монастыря Исаяи поступила челобитная о поверстании его игуменским окладом. Сохранилось и челобитное дело 1636/37—1637/38 гг. о побеге игумена Игнатия из Никольского монастыря. Челобитье поступило от верхотурского воеводы, который принял самовольную поездку Игнатия в Москву с прошениями о монастырских нуждах за побег.

Челобитные дела поступали и от строителей монастырей и пустыней. Так, в 1640/41 г. была направлена челобитная строителем Богоявленского монастыря Верхотурского уезда старцем Тихоном. В 1672/73—1681/82 гг. поступила челобитная от строителя Усть-Киренской Троицкой пустыни (на реке Лене Илимского уезда) старца Савватия. Из той же Усть-Киренской пустыни в 1685/86 г. поступило челобитье о пожаловании государева жалованья старцу Иосифу⁸¹.

Разные монастырские нужды были предметом челобитной 1686/87 г. строителя Иркутского Спасского монастыря старца Исаяи.

Как отмечает Н.Н.Оглоблин, от игумений и сестер девичьих монастырей также поступали челобитные. Так, от игуменьи Агриппины с сестрами енисейского Рождественского монастыря в 1677/78—1680/81 гг. была направлена челобитная о возвращении земель, отписанных в государеву казну.

Нередко архиепископские и митрополичьи люди направлялись в Москву с различными челобитными. Так, челобитная 1625/26 г. приказного человека и двух детей боярских Софийского дома, доставивших в Москву образы и дары от архиепископа Макария, содержала их прошение отпустить из столицы и дать подводы. Другая челобитная (1631/32 г.) представляет собой просьбу о выходе, корме и годовом жалованье прибывшему в Москву приказному человеку тобольского архиепископа.

Частные дела архиепископских приказных людей также были предметом челобитий. Так, сохранилась челобитная (1625/26 г.) софийского сына боярского М. Трубченинова о разрешении употреблять вино⁸². Ответная грамота разрешала архиепископским приказным людям держать у себя питье.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и челобитные дела детей боярских по поводу их служебных поездок в Москву или перехода в государевы служилые люди. Так, в 1625/26 г. шесть детей боярских просили в челобитной об освобождении от службы в Софийском доме и отпуске в Москву или поверстании в дети боярские в Тобольске, Томске или Верхотурье. Помета на челобитной содержала разрешение отпустить их в Москву. Следующее челобитное дело касалось поверстания тобольских софийских детей на «убылые» места трех тобольских детей боярских. Челобитье было удовлетворено грамотой тобольским воеводам. Н.Н.Оглоблин отмечает на примере челобитной 1626/27 г. сына боярского В. Муравьева, что не все челобитные удовлетворялись. Челобитчик направился в Москву с жалобой на архиепископа Макария, удерживающего у себя хлеб. Грамота из Казанского приказа была направлена в ответ на челобитную.

Из Софийского дома неоднократно направлялись различные челобитные. Таковы челобитные от иконника Д. Бутусина 1644/45 г. и от отставленного певчего дьяка У. Козмина (о поверстании тобольским казаком на выбылое место) 1646/47 г.⁸³ Челобитная Козмина была удовлетворена⁸⁴.

Следующая челобитная о выдаче хлебного, денежного и соляного жалованья в 1626/27 г. поступила от переведенного в Москву бывшего протопопа тобольского Софийского собора И. Федорова. В том же году протопоп просил дать подводы, чтобы перевезти в Тобольск колокола.

От С.Пружининой из московского Вознесенского девичьего монастыря поступило две челобитные (1628/29 г.): о даче подвод для возвращения в Москву семьи ее сына из Тары и о поверстании ее родственника тарского конного литвина Г.Костелецкого.

Н.Н.Оглоблина заинтересовало и челобитное дело 1650/51 г. архимандрита Чудова монастыря Ферапонта с просьбой о выдаче 44 соболей⁸⁵.

Челобитные дела крестьян тоже изучались Н.Н.Оглоблиным. Так, сохранилось челобитное дело 1626/27—1627/28 гг. енисейских пашенных крестьян с жалобами на тяготы жизни и просьбами направить из Тобольска вольных женщин для создания семей⁸⁶. На челобитную последовала ответная грамота с указом послать в Енисейск из Тобольска и других сибирских городов вольных женщин. Между тем следующая грамота сообщает об отсутствии в Тобольске свободных женщин⁸⁷.

Другая челобитная 1629/30 г. 53 енисейских пашенных крестьян во главе с Ф.Толстикиным содержала прошение об уменьшении государевой пашни, освобождении от ямской гоньбы, отпуске в сибирские города для поиска женщин для создания семей.

В 1629/30 г. поступила челобитная от пашенных крестьян деревни Нижней на реке Енисей Енисейского уезда с прошением о запрете служилым людям косить на крестьянском лугу сено. Как показывает Н.Н.Оглоблин, на челобитную последовала грамота, удовлетворяющая прошение крестьян.

Н.Н.Оглоблин указывает и челобитную от крестьян Тагильской слободы Верхотурского уезда (1632/33 г.), содержащую ходатайство об облегчении ямской гоньбы и других повинностей.

Сохранились также челобитные новопоборных крестьян Уртамского острога Томского уезда (1689/90 г.) и крестьян Усть-Кутской и других ленских волостей Якутского уезда (1693/94 г.)⁸⁸.

Н.Н.Оглоблин отмечает и челобитную (1651/52 г.) жилецкого человека Мангазейского уезда Л.В.Саворохина об отдаче ему на откуп ежегодно бани, кваса и сула. Еще одно челобитное дело (1658 г.) поступило от енисейского слободчика Р.С.Потапова с просьбой о поверстании за заслуги в дети боярские и назначении приказчиком пашенных крестьян в Енисейске. Потапов просил также оставить за ним землю, которую готов обрабатывать за хлебное жалованье при назначении его сыном боярским. Челобитье

частично было удовлетворено: Потапова назначили сыном боярским с денежным окладом, а хлебное жалованье отменили с указом «жить с пашни». Приказчиком пашенных крестьян он не был назначен, но ему дозволялось призывать новых крестьян на пашню⁸⁹.

От верхотурских слободчиков была направлена челобитная в 1668/69 г.

Как показывает Н.Н.Оглоблин, челобитные посадских людей представляли собой мирские челобитные, направляемые от всего посада. Так, в 1627/28—1628/29 гг. была направлена челобитная от томских посадских людей во главе с С.Истоминим. Челобитная касалась злоупотреблений воеводы князя И.Ф.Шаховского, воеводского товарища С.В.Дивова и родственников бывшего воеводы князя А.Ф.Гагарина.

Челобитное дело (1638/39 г.) тобольских посадских людей отражало тяготы государственной службы, денежного оброка и других повинностей. Кроме того, челобитчики ходатайствовали об освобождении от «пятого снопа», «выделенного хлеба» с посадских пашень, просили уравнивать в пошлинах с посадскими людьми Казани, Нижнего Новгорода, Ярославля и других городов.

Тобольские посадские люди направили в том же году, помимо указанной, еще три челобитные, в которых просили снять с них ответственность за утерю соли⁹⁰ и просили об ее перемерке. Челобитные дела содержали данные тобольского сыска об утекшей соли и список с росписной памяти о приеме соли новыми целовальниками у старых.

Сохранились и челобитные дела (1638/39—1631/32 гг.) туринских посадских людей об оброчном и выделном хлебе. Челобитные енисейских посадских людей (1680/81—1681/82 гг.) содержали прошение об облегчении «государевой службы», на которую ежегодно направлялось 90 человек. Как показывает ученый, нередко челобитные отправлялись посадскими людьми совместно с другими мирами (служилыми, крестьянскими, ямскими). Так, в 1653 г. была направлена челобитная туринских посадских людей совместно с ямскими охотниками.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и челобитные, составленные посадскими людьми, о своих личных нуждах. Так, в 1625/26 г. поступило челобитье от тюменского посадского человека

П.Баженина с жалобой на воеводского товарища И.Ярлыкова. Челобитное дело содержит расспросные речи Ярлыкова.

Другая челобитная (1629/30 г.) поступила от яренского жилецкого человека А.Полева с жалобой на енисейского пашенного крестьянина Д.Савельева, который отказывался удовлетворить кабалу. По требованию челобитчика Савельеву была направлена судимая грамота.

Другое челобитное дело (1634/35 г.) — это ходатайство енисейского посадского человека о переезде его семьи из Устюга к нему.

Челобитное дело 1700 г. туринского посадского человека отражает его спор с крестьянами относительно земли⁹¹.

По указанию Н.Н.Оглоблина, ямские челобитья представляли собой мирские челобитные от имени всего состава ямских охотников. Так, в 1633/34—1634/35 гг. направлены челобитные от тюменских ямских охотников, содержащие прошение об облегчении их ямского дела и сверстании их по государеву денежному жалованью, как в других сибирских городах. Челобитчики подробно рассказывают в документе о своих летних и зимних поездках из одних городов в другие.

В 1634/35 г. тюменские ямские охотники просили, согласно другой челобитной, выдать им прибавочное жалованье.

Направленное в 1644/45 г. челобитье туринских ямских охотников касалось оброчного хлеба. К делу прилагалась роспись оброчного хлеба, сдаваемого в государеву казну посадскими людьми Тюмени и других сибирских городов⁹².

Челобитные дела торговых и промышленных людей Н.Н.Оглоблин относил к мирским челобитным. Так, в 1625/26—1626/27 гг. от торговых и промышленных людей Мангазеи поступила челобитная, касающаяся злоупотреблений выборного целовальника казанца А.Яковлева. Челобитное дело содержало грамоту казанским воеводам о розыске⁹³. Другое челобитное дело (1629/30 г.) поступило от торговых людей, приехавших в Енисейск, и касалось злоупотребления качинского (красноярского) воеводы А.Ф.Акинфиева. В состав челобитного дела вошла и грамота о сыске Акинфиева и запрете впредь верстать в государеву службу покрученников и кабальных из промышленных людей.

Н.Н.Оглоблин выделяет и челобитную 1637/38 г. торговых людей Кинешмы Д.Трофимова и с товарищами, добивавшимися возвращения отобранной у них в Сибири пушнины. Другое челобитье 1627/28 г. поступило от торгового человека И.Лехова, просящего продать отписанную на государя пушнину сибирского иноземца П.Хмелевского.

Согласно челобитной 1628/29 г. астраханский татарин просил проезжую грамоту до Тобольска, чтобы получить «животы» умершего старшего брата (торговавшего в «Бухарской земле»), жениться (согласно нормам христианской веры) на вдове брата и взять ее с собою в Астрахань. Грамота тобольским воеводам содержала разрешение на это в случае, если в документе изложены действительные намерения челобитчика.

Сохранились и челобитные, сообщающие о злоупотреблениях приказчиков в Сибири. Так, в 1636/37 г. была направлена челобитная о даче грамоты в Енисейск о розыске приказчиков, отпавленных пятью годами ранее с товарами торгового человека⁹⁴.

Торговыми людьми Н. и А.Скрыпиными было направлено челобитье (1629/30 г.) о выдаче грамоты енисейским воеводам, с разрешением пропустить в Мангазею с товарами и не задерживать в Енисейске⁹⁵.

О пропуске торговых людей в Сибирь и выдаче проезжих грамот, как отмечает Н.Н.Оглоблин, говорится во множестве челобитных. Так, например, в 1626/27 г. челобитье о проезде в Сибирь и праве заниматься там промыслами и торговлей поступило от крестьян села Карачаева Муромского уезда Н.П. и Д.П.Глотовых.

Сохранилась челобитная 1626/27 г. гостя Н.Светешникова с прошением выдать судимую грамоту на тобольского татарского голову К.Чистого, напоившего допьяна И.Татарина, который впоследствии ограбил его лавку. В челобитное дело вошла грамота тобольским воеводам о даче гостю суда с Чистым.

Сохранилось несколько челобитных (1681/82—1688/89, 1697/98—1699/1700 гг.) от И. и А.Ушаковых, посещавших Енисейск и Якутск по различным торговым делам (хлебным, соляным, мельничным). Относительно злоупотреблений Ушаковых в торговле, в свою очередь, были составлены и челобитные сибирских торговых людей⁹⁶.

Н.Н.Оглоблин считал любопытными и челобитные московских служилых людей, касающиеся торговых дел в Сибири. Так, в 1647/48 г. от дьяка М.Ерофеева, направившего приказчика в Сибирь для торгового промысла, поступила челобитная с сообщением об ограблении приказчика якутским воеводой П.Головиным.

Некоторые челобитные, как показывает Н.Н.Оглоблин, были составлены от именитых людей. Так, от А.Строганова в 1627/28 г. поступила челобитная о розыске в Сибири его беглого человека. В 1654 г. была направлена Д.Строгановым челобитная о розыске бежавших в Сибирь крепостных крестьян⁹⁷. В 1655 г. Д.Строганов повторил свою челобитную и приложил к ней список беглых, а в следующем году направил челобитную об отсрочке взыскиваемых с него долговых денег Сибирскому приказу за пушнину.

Как замечал Н.Н.Оглоблин, промышленные и торговые люди имели мало отличий и называли себя по-разному. Так, в 1631/32 г. от устюжского крестьянина, назвавшегося в челобитной промышленным человеком, поступила челобитная о злоупотреблениях енисейского воеводы князя С.И.Шаховского и таможенных целовальников.

В 1648/49 г. мангазейский банный, квасный и харчевный откупщик просил в своей челобитной отдать ему откуп на 5 лет вперед⁹⁸.

Сохранились челобитные дела тобольских бухарцев, имевших льготы в торговле и занимавших особенное положение. Так, челобитная 1643/44 г. А.Сулеманова с товарищами содержала просьбу сохранить прежние льготы тобольским посадским людям. По свидетельству Н.Н.Оглоблина, данное челобитье, как и подобные ему, было удовлетворено.

Сохранилась челобитная 1670/71 г. об отпуске из Москвы бухарцев, содержащая прошение о том, чтобы приезжающих в Тобольск бухарских и калмыцких послов ставили на калмыцком дворе или на дворах служилых татар. От тобольских юртовских бухарцев также была направлена челобитная (1654 г.). Как показывает ученый, положение тобольских бухарцев привлекало торговых людей «Бухарской земли», и подавались челобитные бухарских выходцев о выходном жаловании. Такие челобитные сохранились от 1654 и 1655 гг.⁹⁹

Челобитья ясачных людей нередко являлись челобитными от всего уезда — мирскими челобитными. Так, в 1625/26 г. было направлено челобитье от ясачных людей всех волостей Сургутского уезда с жалобой на незаконность сбора ясачного налога, тягости подводной повинности, уменьшение количества пушного зверя и трудности охоты. Ясачные люди просили увеличить срок на сбор ясака. Данное челобитное дело содержало допросные речи в Казанском приказе бывшего сургутского воеводы И.Р.Безобразова. Согласно приговору приказа и грамоте сургутскому воеводе Н.Пушкину, требовалось снисходительнее относиться к ясачным людям¹⁰⁰.

В 1626/27 г. была направлена челобитная от ясачных людей Томского уезда по поводу злоупотреблений воеводы князя И.Ф.Шаховского.

В челобитной 1634/35 г., составленной нарымскими ясачными людьми, содержалась жалоба на тяжесть ямской повинности по перевозке служилых людей на судах по рекам Обь и Кеть. В связи с большими объемами работы нарымские ясачные люди не успевали заготавливать ясак и промыслять рыбу. Челобитчики просили облегчить повинность — разрешить осуществлять ее только до сургутского и кетского рубежей.

От верхотурских ясачных вогуличей, приехавших в Москву в 1636/37 г., поступила челобитная о даче корма и выхода. Челобитная ясачных красноярских татар (1641/42 г.) сообщала об отсутствии знамен¹⁰¹. В челобитной нарымских ясачных людей (1646/47 г.) сообщалось о злоупотреблениях сургутского воеводы А.Измайлова, забравшего у них подводу для собственных нужд.

В 1628/29 г. поступила челобитная от ясачных людей Аялымской волости Тарского уезда князца Байтугача Бальгидеева с товарищами, которая сообщала о неправильных записях в ясачных книгах 1617/18 г. боярским сыном С.Калитиным, в 1619/20 г. — головой конных казаков Н.Жедовским, в 1623/24 г. — тобольским сыном боярским М.Байкашиным. Некоторый порядок в записях ясачных книг навел в 1625/26 г. присланный из Тобольска письменный голова Б.Лупандин, снявший с 12 человек незаконно наложенный ясак.

В 1629/30 г. было направлено челобитье от ясачных людей Кузнецкой и Кадской волостей Енисейского уезда, просивших

освободить их от ясака и ямской гоньбы, как и тобольских, тюменских и других ясачных людей.

Сохранилось челобитное дело (1696/97—1697/98 гг.) от ясачных людей Васьюганской и Тымской волостей Сургутского уезда с просьбой причислить их к Нарымскому уезду.

Жалоба на злоупотребления дозорщика сына боярского П.Перхурова содержалась в челобитной 1633/34 г., составленной от имени пелымских пашенных вогуличей во главе с их мурзой.

Сохранились челобитные дела (1636/37—1640/41 гг.), составленные как князьями вотчинных остяков Алачевыми, так и с жалобами в их адрес¹⁰².

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и челобитные об освобождении от сбора ясака, например, старых, увечных, хромых и слепых ясачных людей Кетска. В 1644/45 г. они просили вписать вместо себя в список обложенного ясаком населения своих детей и родственников.

Обложенное ясаком население часто направляло челобитные. Так, в 1625/26 г. остяк Бардаковской волости Сургутского уезда жаловался на злоупотребления воеводского товарища Б.Белкина. В 1633/34 г. было направлено челобитье мангазейского аманата с прошением отпустить его домой. Такую же просьбу содержала челобитная томского аманата киргизского князца Изеня в 1643/44 г. Томский аманат предлагал взять на его место другого человека.

Н.Н.Оглоблин изучил и челобитья ссыльных. Так, в 1631/32 г. поступило челобитье от елецкого сына боярского, сосланного в Сибирь при отсутствии одежды в дорогу. Подобная челобитная поступила и от крестьянина, ссылаемого в Сибирь в том же году.

Челобитные ссыльных отличаются разнообразием содержания. Так, в 1628/29 г. ссыльный поляк К.Воеводский, находившийся в Сибири в течение целого десятилетия, просил о поверстании в тобольские дети боярские; челобитная была удовлетворена¹⁰³.

В 1636/37 г. енисейские ссыльные опальные «литовские люди» Ф.Коваль с 15 товарищами просили выдачи государева жалованья за поход в «Братскую землю» (1634/35 г.). Кузнецкий пашенный крестьянин С.Михайлов, сосланный за разбойное дело в Сибирь, в 1649/50 г. просил освободить его от пашни и разрешения постриться в монастырь. Но его челобитье не было удовлетворено.

В 1635/36 г. бил челом об освобождении из ссылки бывший вяземский сын боярский, живший в Сибири.

Как отмечает Н.Н.Оглоблин, вольные («гулящие») люди составляли в Сибири разряд промышленных людей, добывавших пушнину, и охочих служилых людей, открывавших новые земли¹⁰⁴. Сохранились челобитные гулящих людей, содержащие просьбы поверстать их в службу. Так, например, к 1636/37 г. относится челобитная гулящего человека усольца о зачислении его в томские пешие казаки «в упалое место». От 1633/34 г. сохранилось челобитье о поверстании в енисейские стрельцы, от 1639/40 г. — в енисейские казаки.

Согласно челобитной 1639/40 г., гулящие люди просили «написать» их в мангазейские пашенные крестьяне. Как показывает Н.Н.Оглоблин, сохранились и «мирские» челобитные гулящих людей. Согласно челобитью 1639/40 г., гулящие люди, насильно собранные тюменским и туринским воеводами и отправленные на Верхотурье к судовому делу как плотники, жаловались на отсутствие навыков постройки судов и знания судового дела, за что впоследствии были заключены в тюрьму верхотурским воеводой. По их челобитной был указ об освобождении вольных людей из тюрьмы и расследовании причин, по которым на постройку судов не направляли опытных плотников.

Сохранились и челобитные дела пленников, возвращавшихся в Сибирь из среднеазиатских земель. Так, в 1626/27 г. поступило челобитье от «полоненников калмыцкого полону» рязанских детей боярских, проданных нагайцами в «Калмыцкую землю». Челобитчики сообщали о пребывании в плену в течение 15 лет, последующей поездке в Тару и Москву. Челобитное дело содержит и расспросные речи пленников. Челобитчики были «перенаправлены» в Разрядный приказ¹⁰⁵. От калмыцкого пленника бывшего Кромского сына боярского Якушки, пробывшего в плену в течение 30 лет, поступила челобитная (1626/27 г.) о даче корма, подводы и поверстании в Тобольск на службу. От тобольского татарина, пребывавшего в плену у калмыков, освобожденного затем русскими и заключенного ими в тюрьму, поступила челобитная в 1626/27 г. с просьбой об освобождении. Н.Н.Оглоблин рассмотрел и челобитье калмыцкого пленника — тобольского ясачного человека, просившего православного крещения в 1649/50 г.

Интересно, с точки зрения ученого, челобитье 1645/46 г., составленное В.Ошаликовым. Челобитчик просил освободить от холопства у служилого человека И.Л.Плещеева в Сибири, где добровольно служил за своего умершего отца.

Сохранилась челобитная (1688/89 г.) красноярского новокрещена С.И.Чюхты, купленного в холопы, как и другие инородцы, бывшим красноярским воеводой стольником Д.Г.Загряжским, а потом служившего у воеводского сына И.Загряжского¹⁰⁶. Чюхта просил освободить его и перевести на службу в Красноярск. Его челобитье было удовлетворено, остальные же холопы Загряжского, согласно боярскому приговору, были «поставлены к розыску» в Сибирском приказе.

Н.Н.Оглоблин отметил и челобитные дела 1667/68—1672/73 гг. прибывших в Томск, Красноярск и Кузнецк калмыков.

Сохранилось и челобитье сестры сибирского и калмыцкого царевича В.Облаева Гордейки, просившей отправить к ней в Москву племянницу дочери Акинъ-тайши Долаева сына. Гордейка узнала о пребывании этой девушки в Тобольске у торгового бухаренина. По челобитной был дан указ о поиске дочери Акинъ-тайши и направлении ее к Гордейке¹⁰⁷.

Таким образом, как показывает Н.Н.Оглоблин, указы, наказные памяти, отписки, грамоты и челобитные дела отражали политику Московского государства в Сибири¹⁰⁸, взаимоотношения правительства и сибирских властей, а также состояние воеводского управления в огромном крае. Хотя значительное количество документов Казанского и Сибирского приказов было утеряно, благодаря сохранившимся и зная о порядке сибирского делопроизводства, мы получаем весьма широкое представление о многих сторонах истории Азиатской России в конце XVI—XVII вв.

Примечания

¹ Шохин Л.А. О работе Н.Н.Оглоблина над «Обзрением столбцов и книг Сибирского приказа» // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 201.

² Обзрение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1901. Ч. 4. Документы центрального управления. С. 31.

³ Там же. С. 32—33.

⁴ Там же. С. 34.

- ⁵ Там же. С. 35.
- ⁶ Там же. С. 36.
- ⁷ Там же. С. 37.
- ⁸ Там же. С. 38.
- ⁹ Там же. С. 39.
- ¹⁰ Там же. С. 40.
- ¹¹ Там же. С. 41.
- ¹² Там же. С. 42.
- ¹³ Там же. С. 43.
- ¹⁴ Там же. С. 44.
- ¹⁵ Там же. С. 45.
- ¹⁶ Там же. М., 1900. Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. С. 1.
- ¹⁷ Там же. С. 2.
- ¹⁸ Там же. С. 3.
- ¹⁹ Там же. С. 4.
- ²⁰ Там же. С. 8.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 11.
- ²⁴ Там же. С. 12.
- ²⁵ Там же. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 14.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ Там же. С. 16.
- ²⁹ Там же. С. 17.
- ³⁰ Там же. С. 18.
- ³¹ Там же. С. 22.
- ³² Там же. Ч. 4. С. 52.
- ³³ Там же. С. 55.
- ³⁴ Там же. С. 53.
- ³⁵ Там же. С. 56.
- ³⁶ Там же. Ч. 3. С. 89, 90.
- ³⁷ Там же. С. 91.
- ³⁸ Там же. С. 92.
- ³⁹ Там же. С. 93.
- ⁴⁰ Там же. С. 94.
- ⁴¹ Там же. С. 95.
- ⁴² Там же. С. 96.
- ⁴³ Там же. С. 97.
- ⁴⁴ Там же. С. 98.
- ⁴⁵ Там же. С. 99.
- ⁴⁶ Там же. С. 100.
- ⁴⁷ Там же. С. 101.
- ⁴⁸ Там же. С. 102.
- ⁴⁹ Там же. С. 103.

- ⁵⁰ Там же. С. 104.
⁵¹ Там же. С. 105.
⁵² Там же. С. 106.
⁵³ Там же. С. 107.
⁵⁴ Там же. С. 108.
⁵⁵ Там же. С. 109.
⁵⁶ Там же. С. 110.
⁵⁷ Там же. С. 111.
⁵⁸ Там же. С. 112.
⁵⁹ Там же. С. 113.
⁶⁰ Там же. С. 114.
⁶¹ Там же. С. 115.
⁶² Там же. С. 116.
⁶³ Там же. С. 117.
⁶⁴ Там же. С. 118.
⁶⁵ Там же. С. 119.
⁶⁶ Там же. С. 120.
⁶⁷ Там же. С. 121.
⁶⁸ Там же. С. 122.
⁶⁹ Там же. С. 123.
⁷⁰ Там же. С. 124.
⁷¹ Там же. С. 125.
⁷² Там же. С. 129.
⁷³ Там же. С. 130.
⁷⁴ Там же. С. 131.
⁷⁵ Там же. С. 132.
⁷⁶ Там же. С. 133.
⁷⁷ Там же. С. 134.
⁷⁸ Там же. С. 135.
⁷⁹ Там же. С. 136.
⁸⁰ Там же. С. 137.
⁸¹ Там же. С. 138.
⁸² Там же. С. 139.
⁸³ Там же. С. 140.
⁸⁴ Оглоблин Н.Н. К вопросу о христианском имени Ермака // Библиограф. 1894. Вып. 1. С. 24—25.
⁸⁵ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 141.
⁸⁶ Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 196—197.
⁸⁷ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 142.
⁸⁸ Там же. С. 143.
⁸⁹ Там же. С. 146.
⁹⁰ Там же. С. 147.
⁹¹ Там же. С. 148.
⁹² Там же. С. 149.
⁹³ Там же. С. 150.

- ⁹⁴ Там же. С. 151.
⁹⁵ Там же. С. 152.
⁹⁶ Там же. С. 153.
⁹⁷ Там же. С. 154.
⁹⁸ Там же. С. 155.
⁹⁹ Там же. С. 156.
¹⁰⁰ Там же. С. 157.
¹⁰¹ Там же. С. 158.
¹⁰² Там же. С. 159.
¹⁰³ Там же. С. 160.
¹⁰⁴ Там же. С. 161.
¹⁰⁵ Там же. С. 162.
¹⁰⁶ Там же. С. 163.
¹⁰⁷ Там же. С. 164.
¹⁰⁸ Там же. Ч. 4. С. 32.

Глава 3

ФОРМЫ КООПЕРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА 1920—1930-х ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Целью настоящей работы является анализ литературы, в которой рассматривается проблема становления и деятельности различных видов кооперации на Тобольском Севере, ее взаимоотношения с государством, влияние на жизнь северного населения и ее место в системе хозяйства региона в 1920—1930-е гг. Нами поставлены следующие задачи: во-первых, рассмотреть эволюцию теоретических представлений об истории развития кооперативного движения; во-вторых, дать анализ изучения исследователями проблемы развития кооперации Тобольского Севера в 1920—1930-е гг.; в-третьих, проанализировать взгляды исследователей на данную проблему.

Формы кооперации, основная деятельность и роль в системе хозяйства Тобольского Севера явилась предметом разносторонних трудов экономистов, партийных работников, историков в разные периоды истории края.

Весь историографический материал можно разделить на две группы: советскую и современную российскую литературу. Они во многом различаются по рассматриваемой проблематике и отношению к историографическим источникам.

Начало исследования кооперативного движения было положено в 1920-е гг. Первые работы по теме были написаны современниками, непосредственными участниками событий, и опубликованы в журнале «Хозяйство Урала». Изучаемая проблема рассматривалась в статьях К.Маляревского, В.Новицкого, К.Друганова, В.Пиньжакова, М.Копотилова, В.Сартори, А.Рожинского.

В 1920-е гг. исследователи изучали вопросы организации и деятельности традиционных типов хозяйств в условиях кооперации. В журнале «Хозяйство Урала» тобольский исследователь В.Новицкий ставил вопрос о том, какой хозорганизации целесообразнее взять на себя всю организационно-производственно-снабженческо-сбытовую работу по переустройству рыбохозяйства

и по интенсификации улова в Тобокруге¹. Автор статьи подчеркивал, что одной из всех существующих в Тобокруге хозорганизаций с поставленной задачей не справиться ни в организационном отношении, ни средствами. «Весь комплекс заданий может быть выполнен лишь при наличии хозяйственного комбината с дифференциацией работы между отдельными слагаемыми этого комбината»². К таким слагаемым, как указывал автор, относятся Интегралсоюз, Госторг, Тоблескустсоюз, Тобселькредсоюз, Госпар. Как отмечал В.Новицкий, содействие развитию рыбной промышленности в крае может оказать широкое кооперирование и коллективизация трудовых масс³. Подводя итоги, автор писал: «...основным участником социалистического строительства того или иного района в хозяйственно-экономическом отношении должна быть кооперация, которая возьмет на себя роль организаторов крупных коллективных рыбопромысловых хозяйств»⁴.

К этим вопросам в своих статьях обращался и К.Маляревский. Он исследовал производственную работу интегральной кооперации округа за 1928 г. Автор ставил вопрос об улучшении техники лова за счет увеличения ассигнований⁵.

К.Друганов, анализируя деятельность интегральной кооперации в рыбном хозяйстве, отмечал, что недостаточное внимание уделяется вопросу коллективизации и укрупнению ловецко-производственных единиц⁶. Ссылаясь на решение совещания при Уральском областном земельном управлении, автор указывал на необходимость широкого кооперирования населения, особенно туземного, и внесения плановости в работу Интегралсоюза с целью сдвинуть с места работу по рациональному использованию рыбных богатств Севера, что в свою очередь будет способствовать поднятию общего экономического благосостояния Тобольского края⁷.

В.Сартори акцентировал внимание на том, что интегральная кооперация должна заниматься кредитованием средствами производства маломощных хозяйств, в отличие от кредита, отпускаемого торговыми организациями на снабжение Севера⁸.

К.Маляревский в одной из своих работ уделил внимание анализу годичного плана работы северной интегральной сети. Он писал, что «многолетние искания наиболее отвечающих интересам и условиям Тобольского Севера организационных форм

строительства можно считать законченными с появлением на свет исторического для хозяйственной жизни Тобокруга постановления Президиума Уралоблика от 25.07.1927 года, признавшего необходимым создание на Тобсевере кооперативного интеграла, объединяющего существующую на Севере потребительскую и охотничью кооперацию, с вхождением вновь организованного интеграла в систему охотокооперации»⁹.

Автор статьи охарактеризовал хозяйственное состояние Тобсевера на момент интегрирования до 1928 г., называя этот период реорганизационным, следующим образом: «хищнические методы хозяйствования в прошлые годы, включая кооперацию, которая лишь торговала и заготовляла, совершенно не заботясь о поднятии производственных сил края, ряд недоловов прошлых лет, привели к объединению, а местами прямо к обнищанию хозяйств промышленников-рыбаков»¹⁰.

К.Маляревский, характеризуя основные показатели работы Интегралсоюза по прошествии 1928/1929 хозяйственного года, констатировал, что число кооперативных единиц выросло с 48 до 75. По социальному составу пайщики интегральных товариществ в основном являются бедняками (63,1%)¹¹. Он писал и о тяжелом финансовом состоянии интегральной сети, несмотря на небольшие улучшения¹².

В завершение работы автор пришел к следующим выводам:

1) Интегральное строительство на Тобольском Севере уже себя целиком оправдало, и система интегральной кооперации Тобольского округа за небольшой период своей работы добилась крупных успехов.

2) Интегральная кооперация вплотную подошла к широким практическим задачам по плановой организации северного хозяйства.

3) Общее финансовое состояние системы интегральной кооперации несколько улучшилось, хотя оздоровительный процесс еще не закончен.

Таким образом, опыт работы, как отмечал исследователь, позволяет сделать вывод о том, что система интегральной кооперации Тобольского Севера в общем находится на правильном пути, кооперация успешно выполняет задачи, поставленные перед ней правительством, XV партсъездом, VI окружной партконференцией¹³.

Актуальными вопросами того времени, поднимавшимися на страницах печатных изданий, были торговля и снабжение Севера посредством кооперации. К таким же проблемам в своих статьях обращались М.Копотилов, К.Маляревский, В.Пиньжаков, А.Рожинский.

Краевед М.Копотилов, освещая вопрос о торговле Тобольского округа в 1926/27 году в статье «Торговля округа в 1926/1927 году», остановился на трех моментах: общий торговый оборот, снижение цен и снабжение округа. Он указывал, что окружными оптовыми товарными базами являлись отделения Готорга, Уралгосторга, окружные кооперативные союзы «Северосоюз», «Охотсоюз» (объединенный в январе 1928 г. в общий интегральный союз). Одним из направлений работы этих баз являлась заготовка и сбыт пушнины и рыбы¹⁴.

Автор привел данные движения общих оборотов за последние годы. Исследователь показывает, что обороты государственной и кооперативной торговли год от года растут: в 1926—1927 гг. наблюдалось увеличение по сравнению с 1923—1924 гг. на 121%, а обороты частной торговли снижаются¹⁵.

В работе рассматривался вопрос о снабжении Севера. В качестве заготовителей пушнины и рыбы на Тобольском Севере в 1926/27 году были допущены Северсоюз, Охотсоюз, Госторг и Обьтрест. Из организаций наибольшая доля в плане, приведенном в статье, принадлежала Обьтресту — 45%. Исследователь убежден, что снабжение Севера было своевременным и достаточным¹⁶.

К.Маляревский, обращаясь к хозяйственной работе союза, отмечал, прежде всего, что план завоза товаров 1928 г. был реализован со значительным перевыполнением, а именно: намечалось завезти по плану разных товаров на сумму 1 718 тыс. руб., а фактически завезено на 2 498 тыс. руб., таким образом, план был выполнен на 145%¹⁷.

Автор статьи осветил вопросы, имевшие важное значение для хозяйственной жизни Тобольского Севера, и подвел итоги опыту интегрирования кооперативного строительства в области.

В статье «Завоз товаров на Тобольский Север» А.Рожинский поднимал вопрос о каналах продвижения к потребителю завозимых товаров. Таких каналов было два: кооперативным каналом являлась периферия интегральной кооперации, государственным

— торгово-заготовительные пункты Госторга. Как пишет автор, с каждым годом торгово-заготовительная сеть расширялась, она проникала в самые отдаленные, глухие места Тобольского Севера, ставила своей конечной целью приближение к туземному населению. В 1928—1930 гг. торгово-заготовительная сеть увеличилась минимум на 10 пунктов. Расширение сети проходило главным образом по линии интегральной кооперации¹⁸. Увеличивавшаяся кооперативная сеть при параллельно возраставшем кооперировании населения ставила интегральную кооперацию в хозяйственной жизни Севера на первый план¹⁹.

С 1929/1930 г. интегральной кооперации отводилась доминирующая роль в завозе товаров. Вместе с этим неизбежно ширился и кооперативный охват заготовленных на Севере продуктов. Автор в качестве сравнения приводит таблицу, где показывает роль кооперации и госорганов в плановом снабжении Тобольского Севера. Завоз товаров по 14-месячному плану за 1928—1929 гг. в удельном весе по каналу интегральной кооперации был выше, чем Госторга, кроме Обдорского района. Там выше показатели Госторга. В планах на 1929—1930 гг. удельный вес интегральной кооперации также превышал показатели Госторга. В целом интегральной кооперацией планировался завоз товара на 60%, Госторгом — на 40%²⁰.

В статье «Завоз товаров на Тобольский Север» работник государственного учреждения В.Пиньжаков писал об установлении факта значительного неудовлетворения товарного спроса туземцев и предлагал решать этот вопрос форсированным путем. Для этого привлечь интегральную кооперацию, туземные комитеты взаимопомощи и другие организации. Автор утверждал, что только таким образом решатся проблемы туземного населения, и это будет содействовать дальнейшей советизации Севера²¹.

Исследователи 1920-х гг. показали степень кооперирования малочисленных народов Севера, попытались раскрыть социальную направленность деятельности кооперации, поднимали вопрос о социально-экономических причинах коренных народов Севера, побуждавших их вступать в кооперативное движение. Они обратили внимание на необходимость использования методов стимулирования малочисленных народов Севера для вступления

в кооперацию. Ими были сделаны первые попытки подвести итоги развития кооперативного движения в крае.

В 1930-е гг. исследователи уже меньше внимания уделяли вопросам деятельности кооперации. Они ограничивались приведением статистических данных, связанных с количественным или процентным соотношением кооперативных организаций, упоминали о торговой деятельности кооперативных организаций, а также указывали на ошибки в их деятельности.

П. Устюгов отмечал, что советская власть развернула в полосе туземного севера сеть госторговских, кооперативных организаций, уделив особое внимание развитию и укреплению работы северной интегральной кооперации²².

Д. Я. Гонцов в своей работе ссылался на постановления СНК РСФСР от 8 сентября 1931 г., в котором отмечался ряд достижений на Севере. Одно из них — это организация в районах расселения малых народностей Севера смешанной интегральной кооперации, с доведением кооперирования в среднем до 35% взрослого населения и укреплением кооперативных систем в других районах Крайнего Севера²³. Мероприятия первой пятилетки привели к значительным сдвигам в социальной структуре хозяйства народностей Севера, отмечал автор. Пережитки патриархально-родового уклада к началу второй пятилетки были в основном уже изжиты. Бедняцко-средняцкие группы хозяйств народов Севера стали широко объединяться в простейшие производственные объединения. На 1 апреля 1933 г. было кооперировано 77% всего населения Крайнего Севера²⁴.

Исследователи этого периода также пытались указать на недостатки в деятельности кооперации. В частности, в работе Е. Кантора, посвященной перевыборам советов в северных национальных округах, был затронут вопрос о деятельности Интегралкооперации. Она, как пишет автор, не интересовалась работой низовых советов и не оказывала до последнего времени им нужной помощи²⁵.

Г. Н. Тарасенков, проанализировав развитие экономики края с XVI в. по 30-е гг. XX в., дал характеристику всех отраслей хозяйства Обского Севера. Уделяя внимание в работе охотничьему хозяйству, он затронул проблему деятельности таких торговаготовительных организаций, как Союзпушнина и Интегралкооперация

в 1930-е гг. Эти организации, по словам автора, мало уделяли внимания организации охотничьих товариществ, рационализации и реконструкции охотпромысла, а также вопросам воспроизводства промысловых животных²⁶.

В.В.Хомяков писал, что в 1935 г. от Заготпушнины, а в 1936 г. от Интегралкооперации торговля была передана в Омское теруправление (с 1934 г. Остяко-Вогульский и Ямальский округа входили в состав Омской области), которое по существу стало основной и решающей торгующей системой. Это возложило на него колоссальную ответственность и требовало лучшей постановки торговли, чем это было раньше. Таким образом, функции торговли с интегральной кооперации были сняты, и благодаря передаче их в другую организацию торговля отошла от методов распределения и отоваривания к свободной советской торговле. Без наличия развернутой советской, культурной торговли, как указывал автор, немыслимо успешное освоение экономики Севера²⁷. Исследователей тех лет интересовали проблемы экономического развития региона из-за его ресурсных возможностей²⁸.

Следующей группой работ по данной теме являются труды, опубликованные в 50—60-х гг. XX в., где авторы затрагивались вопросы, связанные с кооперацией. Рассматривались такие проблемы, как политика и практика коммунистической партии и Советского государства в осуществлении ленинского кооперативного плана, основные направления, этапы и результаты данного строительства. Историки в основном анализировали деятельность интегральной кооперации, практически не уделяли внимания другим формам. Исследования данного периода преувеличивали успехи и достижения кооперативного строительства.

Среди работ этого периода можно отметить книгу М.Е.Бударина «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», где историк комплексно осветил изменения в жизни народов Крайнего Севера после Октябрьской революции. Работа была написана на основе архивных материалов и сохраняет свое научное значение и сегодня.

В главе «Хозяйственное и культурное строительство» исследователь рассматривает проблему кооперации. Автор пишет, что на этапе развития малых народов Северо-Западной Сибири в 1920-е гг. торгово-кооперативная политика была важнейшим средством

перестройки их хозяйства и быта²⁹. Он также указывал и на то, что появление кооперации повысило доходность хантыйских, мансийских и ненецких хозяйств, т.к. кооперация стала принимать заготовленные рыбу, сало, орехи, ягоды, тогда как ранее торговцы скупали у жителей тайги и тундры лишь ценную пушнину.

М.Е.Бударин подчеркивал, что «в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, то есть кооперации смешанного типа, которая всесторонне охватывала производственную деятельность и быт коренного населения, вела торговые, кредитные и производственные операции». На Обском Севере, пишет автор, применялись все формы кооперации, от низшей — снабженческо-сбытовой, до высшей — производственно-колхозной.

М.Е.Бударин, анализируя деятельность кооперации, пришел к следующим выводам: организационная деятельность кооперации была успешной потому, что ханты, манси и ненцы издавна вели многие промыслы коллективно. Кооперация была одним из краеугольных камней в строительстве социализма на Обском Севере. Она удовлетворяла самые острые вопросы экономики, быта. Она значительно приблизила товары к северному потребителю. Все это высоко подняло авторитет кооперации в глазах местного населения, отмечал автор. Кооперирование среди малых народов Севера в 1932 г. составило 91% у манси, 90% — у хантов³⁰.

М.А.Сергеев, как и М.Е.Бударин, отмечает, что важнейшим проводником экономической политики в 1920—1930-е гг. была кооперация, которая быстро завоевала популярность. Кооперативы оказывали разнообразную помощь: снабжали необходимыми товарами, покупали местное сырье, ремонтировали инвентарь. По мере своего укрепления кооперация все шире охватывала местное хозяйство. Она создавала промысловые объединения рыбаков, предоставляла им крупные и дорогие, непосильные для единоличного хозяйства, орудия добычи, обеспечивала им сбыт продукции. Создавались с помощью кооперации и женские производственные объединения для пошива одежды и обуви, выделки берестяных и других изделий на продажу. Автор пишет, что в связи с этим многие из таких, организованных в системе кооперации, объединений стали ячейками будущих колхозов³¹.

Кооперация была в то время наиболее доступной пониманию населения формой организации, непосредственно его касавшейся, при этом относившейся к важнейшей для него области жизни, указывает автор в монографии. Как утверждает исследователь, кооперация завоевала доверие и авторитет, поскольку пользу от нее люди видели решительно во всем: в кредитовании (особенно бедноты) на покупку оленей и продуктов питания, в удешевлении привозных товаров, хорошей оплате за местное сырьё, предоставлении объединениям более совершенных, недоступных ранее, орудий промысла. Этим, как пишет М.А.Сергеев, объясняется быстрый рост кооперированности населения³².

Проблемам истории Северо-Западной Сибири в 1960-е гг. уделяли внимание Г.А.Мазуренко, В.А.Зибарев, В.Ф.Ретунский и другие исследователи.

Г.А.Мазуренко впервые вводит определение понятия «интегральная кооперация», понимая под этим такой вид кооперации, в котором объединяются производство, снабжение и сбыт, то есть смешанная или комбинированная кооперация³³. Историк приводит конкретные цифры, касающиеся развития кооперации на Севере. Он пишет, что «в первые годы Советской власти на Обском Севере основной кооперативной организацией был Северсоюз, учрежденный в 1917 году. В 1925 году в его состав на правах членов входило 63 общества потребителей и 8 кустарно-промысловых артелей. Кооперацией было охвачено около 10,5 процента общего количества коренного населения. В 1925—1926 хозяйственном году начала свою деятельность на Севере охотничье-промысловая кооперация. Она объединяла шестнадцать артелей. К концу 1926 года на Обском Севере потребительской кооперацией было охвачено 38,4 процента, а общая кооперированность коренного населения составляла 44 процента»³⁴.

Г.А.Мазуренко, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в декабре 1926 г. специально созданная комиссия при Уральском комитете Севера признала наиболее целесообразным интегральный кооператив в качестве основной формы кооперирования коренного северного населения. «Экономической основой развития интегральной кооперации становились те промыслы, которыми было занято коренное население, то есть оленеводство, рыбный и пушной промыслы. Интегральный кооператив создавался путем

объединения существующих тогда на Севере потребительской и охотничьей кооперации»³⁵.

Г.А.Мазуренко придерживался мнения о том, что жизнённость интегральной кооперации в условиях Советского Севера подтвердилась уже впервые годы существования Тобольского Интеграл-союза ростом кооперативной сети, а также усилением ее роли в снабжении населения и заготовках. В качестве доказательства он приводит статистические данные: если в 1926—1927 году насчитывалось 50 кооперативных единиц, то в 1928—1929 году их стало 67, а в 1929—1930 году — уже 74. В 1927—1928 году доля интегральной кооперации в снабжении составляла 43 процента, а в 1928—1929 году — 49 процентов, в 1929—1930 году — уже 58 процентов³⁶.

Г.А.Мазуренко отмечал, что интегральная кооперация с самого начала своего существования развернула большую работу по дальнейшему восстановлению северного хозяйства и прежде всего рыбного промысла. В области сельскохозяйственного производства интегральная кооперация расширила снабжение населения семенами, сельскохозяйственными машинами и более полно удовлетворяла нужды коренного населения в рабочем и молочном скоте.

В отличие от других работ историков 50—60-х гг. XX в., в исследованиях Г.А.Мазуренко приведены данные по вовлеченности каждого народа, проживавшего на территории Обского Севера, в процесс интегральной кооперации. К концу 1929 г. на Обском Севере интегральной кооперацией было охвачено свыше 10 тыс. человек, в том числе народов ханты — 2 840 человек, манси — 311 человек, ненцев — 654 человек³⁷.

Г.А.Мазуренко приходит к следующим выводам: реорганизация кооперации была крупным шагом в деле укрепления финансовой базы северного хозяйства. Интегральная кооперация на первом этапе преобразований на Советском Севере сыграла большую роль в деле создания новых социалистических форм хозяйства. Она явилась важным средством вовлечения в дело проведения реконструкции хозяйства и подготовки условий для коллективизации.

В 1963 г. был опубликован коллективный труд «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.». Автор одной из

глав С.Н.Лапина писала о том, что в рамках подготовки условий для проведения социалистических преобразований в национальных окраинах происходило кооперирование крестьянских хозяйств на основе ленинского кооперативного плана. Процесс кооперирования проходил по-разному: в кочевых и полукочевых районах Крайнего Севера, где трудно было начать объединение населения даже с потребительской кооперации, известную положительную роль в приобщении населения к кооперации сыграли государственные торговые пункты — фактории. На Севере фактории создавались также по линии кооперации. Они осуществляли кредитование, закупку продукции и снабжение населения предметами личного потребления и мелким хозяйственным инвентарем, орудиями рыбного и охотничьего промысла. В дальнейшем они, исчерпав свои функции, были преобразованы в потребительские союзы. В 1930 г. значительная часть факторий была передана кооперации³⁸.

Развитие кооперации на Крайнем Севере характеризовалось специфическими особенностями, как отмечает автор. Со ссылкой на решение III пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1926 г. указывалось, что «наиболее экономной и жизненной в условиях Севера» является интегральная кооперация с промысловым уклоном. Интегральная, т.е. смешанная, охватывающая все отрасли хозяйства, кооперация соединяла функции потребительско-снабженческой и производственной кооперации, оказывала большую помощь беднейшей части северного туземного населения. С.Н.Лапина также приводит данные по охвату процессами кооперирования. Кооперированность малых народов 1930—1931 гг. достигла в среднем 30% взрослого населения. У народов, в хозяйство которых в большей степени проникли товарные отношения, имелись наиболее высокие показатели кооперированности³⁹.

Автор главы приходит к выводам, что интегральная кооперация явилась наиболее доступной северным народам формой подготовки их к социалистическому строительству. Соединение торговых, заготовительных, кредитных и производственных функций — все это быстро завоевало доверие к интегральной кооперации. Последовательно проводимая Советским государством политика

в сфере кооперации, позволила приступить к ликвидации патриархально-феодалных отношений.

Следующая группа работ по данной теме — это труды советских историков, опубликованные в 70-х — первой половине 80-х гг. XX в. Рассматривались такие проблемы, как политика и практика коммунистической партии и Советского государства в осуществлении ленинского кооперативного плана, основные направления, этапы и результаты данного строительства. Исследования данного периода преувеличивали успехи и достижения кооперативного строительства.

В своей диссертационной работе М.Е.Бударин рассматривает вопрос о кооперировании хозяйств северных народностей. Он пишет, что претворение в жизнь кооперативного плана на Севере осуществлялось в своеобразных формах, отличных от условий земледельческой части страны.

Политика партии в кооперативном строительстве на Севере проявилась первоначально в подчеркивании особой роли интегральной кооперации, а затем уже — в развитии производственной кооперации. Интегральная (смешанная) кооперация связывала государство с промысловым хозяйством мелких производителей пастушеских и охотничьих племен, главным образом в области товарооборота. Целесообразность развития на Севере именно этой формы кооперации объяснялась очень большой распыленностью малых народностей на огромных просторах Крайнего Севера.

Советское правительство постоянно оказывало большую помощь кооперации Севера. На Обском Севере в течение 1928 г. кооперация предоставила хозяйствам хантов, манси, ненцев в качестве кредитов около 400 000 руб.⁴⁰

Известный историк В.А.Зибарев пишет, что к началу 30-х гг. на Севере Сибири действовала широкая сеть учреждений советской государственной и кооперативной торговли, снабжавших население предметами первой необходимости и промысловым инвентарем. Широкое распространение приобрели потребительские кооперативы, создание которых было следствием выполнения решений X съезда партии, указавшего на важную роль кооперации в восстановлении отсталого хозяйства восточных окраин страны и в переходе его к более высоким экономическим формам. Сезонные артели рыболовецко-охотничьего населения имели тесные

связи с промысловой кооперацией, снабжавшей их продовольствием, орудием лова, охоты и принимавшей заготовленную продукцию⁴¹.

В 1927—1928 гг. кооперативная система была реорганизована. Вместо потребительской и промысловой кооперации была учреждена единая интегральная кооперация, которая выполняла снабженческо-заготовительные и кредитные функции, обслуживала потребительские и производственные нужды населения. В 1930 г. интегральная кооперация Севера РСФСР включала 8 окружных и 9 районных союзов, 134 товарищества, 389 лавок и охватывала 35% взрослого населения⁴².

В.А.Зибарев в своей работе приходит к выводу, что в результате заботы и помощи Советского государства возросла доходность северного хозяйства, улучшилось экономическое положение населения. Вследствие этого в хозяйстве народов Севера ускорилось разложение натурального уклада, росла товарность, зрели предпосылки для перехода к более высоким формам организации труда.

Деятельность кооперативных и государственно-хозяйственных организаций на Крайнем Севере рассматривал И.П.Клещенок. Он использует в своей работе документы Архива министерства Морского флота, фонда Главсевморпути (Комитета Севера).

И.П.Клещенок пишет, что потребительские общества не являлись чем-то новым на Крайнем Севере, они были организованы задолго до Октябрьской революции. Создавались они преимущественно благодаря усилиям политзаключенных. Однако на Севере потребительская кооперация развивалась медленнее, чем в центральных районах России в силу самых различных причин: из-за отдаленности северных мест от центральных районов России, ввиду отсутствия путей сообщения, вследствие глубокой отсталости коренного населения⁴³.

Правда, в первые годы вся работа по кооперированию в основном сводилась к закупочным операциям у коренного населения продуктов их труда: пушнины, рыбы, кож, шерсти и других товаров. Взаимоотношения с северными народностями складывались в виде выдачи им определенных задаточных сумм под улов рыбы и пушные заготовки. Окончательный расчет производился по договоренности между кооперативами и их членами⁴⁴.

Автор указывает, что несмотря на проделанную значительную организационную работу по удовлетворению насущных потребностей и запросов коренного населения Севера, кооперация все же не обеспечивала возрастающих потребностей северных народностей в обмене своей продукции на промышленные товары и продовольствие. Причины такого положения И.П.Клещенок видит в отсутствии хозяйственных кадров на Крайнем Севере, в установлении высоких цен на привозимые товары и сравнительно низкие на местные в кооперативных лавках. Слабо использовались такие продукты, как рыба, оленья мясо, дичь. Кооперация принимала преимущественно пушнину, как пишет автор, и то не всю, а наиболее дорогие меха. Все это дает основание считать, что в работе кооперации имелись серьезные недостатки⁴⁵.

Историк приходит к выводу, что несмотря на коммерческий уклон и финансовую слабость, кооперация в первые годы Советской власти сыграла важную роль в объединении и вовлечении коренного населения Крайнего Севера в самостоятельную организационно-хозяйственную и культурную работу. Таким образом, потребительская кооперация не только оказывала помощь коренному населению в удовлетворении его неотложных нужд в снабжении продовольствием и товарами первой необходимости, но и вырабатывала у малых народов Севера элементы национальной самостоятельности.

А.К.Омельчук в разделе «Становление хозяйства» научно-популярной книги «Салехард» уделил внимание вопросу развития кооперативного движения на Обском Севере. В Обдорске были созданы кооперативы «Приполярный край», «Труженик Севера», «За освоение Севера», началось планомерное создание рыболовецких кооперативных артелей — прообраза будущих коллективных хозяйств. С 1928 г. начинается создание интегралкооперативов, которые занимались комплексом вопросов: промыслами, снабжением, кредитованием, устройством быта коренного населения. Бедняк знал, что «мурлавка» придет ему на помощь раньше, чем многооленный родственник. Интегральная кооперация укрепляла материальную базу северного хозяйства. К такому выводу пришел автор в своей работе⁴⁶.

Свое исследование Л.Е.Киселев проводил на материалах северных национальных районов, объединенных в 1930 г. в национальные округа.

Он писал о том, что первоначально на Севере существовала только потребительская кооперация, которая занималась исключительно торговлей. Она раздавала населению товары «в кредит», получая взамен пушнину и рыбу. Никакой работы по восстановлению северных промыслов она не вела. За населением накапливалась дебиторская задолженность. Только в Березовском и Обдорском районах задолженность промыслового населения хозяйственным органам и кооперации в 1924 г. составила 220 тыс. рублей золотом. Такое же положение было в Самарово и Сургуте. Это создавало иждивенческие настроения у части промысловиков⁴⁷.

Созданная вслед за потребительской сельскохозяйственной кооперацией, хотя и называлась производственной системой, но и она ограничивалась лишь торгово-заготовительными функциями. Лишь охотничье-промысловая кооперация поставила своей целью восстановить охотничье-промысловое хозяйство. В условиях новой экономической политики ускоренными темпами восстанавливался пушной промысел Севера. Заготовкой пушнины занимались кооперативы⁴⁸.

Работу кооперативов рекомендовалось тесно увязывать с работой партийных, комсомольских ячеек. Фактории позднее были реорганизованы в потребительские и охотничьи общества с выборным правлением из местных работников, хорошо знавших язык и обычаи, с выделением в их распоряжение необходимых средств. Кооперирование малых народностей Севера осуществлялось в условиях кочевого хозяйства. Это обуславливало определенные трудности и своеобразие в организационной структуре кооперации⁴⁹.

Интерес историков к изучению истории Ямала особенно активно проявился во второй половине 80—90-х гг. XX в., а также в современный период.

В конце 1980-х гг. вышла совместная работа Ю.П.Прибыльского и В.И.Федорченко, в которой они указывали на большую роль в восстановлении рыболовства кооперативных товариществ. Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков в 1923 г.

провел работу по организации крупных рыболовецких артелей на Крайнем Севере. Наряду с ловецкой кооперацией значительную роль играли потребительские кооперативы. Они в основном скупали рыбу у ловцов и продавали ее населению и государству. Для улучшения транспортировки по рекам Сибири и сбыта промышленной продукции кооперативным организациям на льготных условиях предоставлялись пароходы и катера. Эти мероприятия, как отмечают авторы, создавали благоприятные условия для увеличения добычи рыбы, что способствовало росту товарности рыбных промыслов⁵⁰.

В совместном исследовании, посвященном истории ЯНАО, В.П.Петрова и Г.П.Харючи, рассматривая вопросы экономики Обского Севера в 1920-е гг., поднимают проблему деятельности и роли кооперации. Они указывают на то, что возрождение потребительских и кредитных кооперативов произошло в годы новой экономической политики (нэпа). Кооперативы снабжали ненцев предметами первой необходимости, орудиями охоты и рыбной ловли, заготавливали мясо, рыбу, пушнину, сырье, кредитовали нуждающиеся хозяйства. Одной из форм кооперации была также промысловая, начавшая свое оформление с 1924 г. Тобольским союзом промысловых и рыбацких кооперативов. Промысловая кооперация пыталась заниматься восстановлением промыслов. Со второй половины 1920-х гг. деятельность частника стала ограничиваться, заготовки и торговля сосредоточились в кооперативных и государственных организациях⁵¹.

Но наиболее рациональной формой кооперации, считают авторы работы, являлась интегральная кооперация. Интегральные (смешанные) кооперативы стали для ненцев одной из основных форм организации хозяйства и быта. Они выполняли различные функции: производство, сбыт, снабжение, кредитование, заготовительная и культурно-бытовая работа. В 1928 г. был создан Тобольский союз интегральной кооперации (Интегралсоюз), куда входило 14 кооперативов, объединявших 77% населения. В 1929 г. таких кооперативов на Обском Севере было уже 67⁵².

Исследователи приходят к выводу, что кооперация народов Севера Западной Сибири была призвана в короткие сроки преодолеть их экономическую отсталость, стимулировать коллективные формы и методы ведения традиционного хозяйства народов,

обеспечить рост материального благосостояния и культурного уровня региона.

Немало исследований по данной проблеме написано историком Л.В.Алексеевой. В монографии «Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 годах: политическая, экономическая и культурная трансформация» автор пишет о том, что в 1921 г. деятельность кооперации регулировалась новыми законодательными актами. В начале 1920-х гг. на Тобольском Севере действовало два вида кооперации: потребительская и сельскохозяйственная⁵³. Однако деятельность кооперации, пишет автор, не устраивала население и партийные органы, и в этом направлении были приняты меры. Но проблемы, накопившиеся в ходе деятельности кооперации, требовали реформирования. В результате возник Интегралсоюз. Однако и с его появлением все проблемы так и не были решены. Л.В.Алексеева проанализировала деятельность Итегралкооперации, отметив, что первой проблемой являлась финансовая, второй — острая конкуренция с хозяйственными организациями, осуществлявшими заготовки на Севере. Одной из проблем оставалась транспортная⁵⁴.

В отличие от других исследователей, Л.В.Алексеева, анализируя деятельность Интегралкооперации, приходит к выводу, что во второй половине 1920-х гг. кооперация со своими задачами не справилась. Кооперативы не рассматривали вопросы материального стимулирования населения. Очевидным являлся тот факт, что без поддержки государством вряд ли можно было наладить работу кооперативов.

В монографии «Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада» Л.В.Алексеева пишет о том, что все-таки приоритетным полем деятельности хозяйственных кооперативов оставалась торговля в обмен на пушнину и заготовки пушмехсырья. Кооперативы сосредоточили всю деятельность на торговле и заготовках. В целом, отмечает автор, вся деятельность хозяйственных и кооперативных организаций была направлена только на получение прибыли; о проблемах развития кооперации говорили очень много, но не решали их⁵⁵.

Таким образом, заключает Л.В.Алексеева, обнаруженные изменения, касавшиеся экономики края, не приводили к сбалансированному

развитию, не учитывали специфики традиционного хозяйства и запросов старожильского населения. Отношение к северному хозяйству оставалось прежним — потребительским, к таким выводам приходит исследователь в своей монографии.

Н.Н.Троценко в работе «О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920 — начале 1930-х годов» обращается к проблеме переустройства материального положения северных народностей в середине 1920-х гг.

Важнейшим средством перестройки их хозяйства и быта, как указывает автор, явилась торгово-кооперативная политика. Историк пишет, что в 1924—1925 гг. на Крайнем Севере в различных формах началось вовлечение промыслового населения в кооперирование. Кооперация вначале была потребительской и снабженческой. Но несмотря на происходившие изменения, в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, выполнявшей торговые, кредитные и производственные операции⁵⁶. Автор приводит данные о количестве интегральных кооперативов на Обском Севере: их было 14 с 21 отделением, они объединяли 3 554 человека⁵⁷.

Н.Н.Троценко приходит к выводу о том, что интегральная кооперация подготовила необходимые предпосылки для развертывания массовой коллективизации на Севере.

В 2006 г. В.В.Аксарин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Деятельность кооперации на Севере Западной Сибири в 1917—1940 гг.». В своем исследовании он всесторонне изучил историю кооперативного движения, вопросы функционирования кооперации и воздействия, оказанного кооперативными организациями на обеспечение экономической стабильности жизни населения Обь-Иртышского Севера⁵⁸.

В одной из глав он рассмотрел вопросы создания и деятельности интегральной кооперации, оценил ее вклад в развитие национальных округов в 1930—1940-е гг., а также обозначил проблемы, которые возникали в период работы хозяйственных организаций.

Историк указал на то, что основным видом деятельности кооперации было снабжение спецпереселенцев. Однако, как отмечает В.В.Аксарин, оно нередко осуществлялось с перебоями, что приводило к истощению и голоду в среде спецпереселенцев⁵⁹.

Подводя итоги деятельности кооперации на Обь-Иртышском Севере, историк пишет, что уровень вовлечения аборигенного населения оставался низким. Процесс возникновения и становления кооперации протекал в неблагоприятных условиях гражданской войны и ее последствий, поэтому преимущества кооперирования местного населения сказались только к середине 20-х гг. XX в. в связи с успехами нэпа⁶⁰.

Итак, современные историки в своих трудах пытались переосмыслить выводы исследователей предыдущих лет по проблеме деятельности кооперативного движения на Тобольском Севере; ввели в оборот новые архивные материалы, ранее недоступные, что позволило оперировать новыми фактами, уточнить бытовавшие представления.

Примечания

¹ Новицкий В. Вопросы рыбного хозяйства Тобокруга // Хозяйство Урала. 1929. № 6. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Маляревский К. О производственной работе интегральной кооперации в 1928 году // Хозяйство Урала. 1929. № 6. С. 124.

⁶ Друганов К. Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Там же. № 4—5. С. 160.

⁷ Там же. С. 164—165.

⁸ Сартори В. О хлебозапасных магазинах на Тобольском Севере // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 143.

⁹ Маляревский К. Первый год работы интегральной кооперации Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 8—9. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 175.

¹³ Там же. С. 178.

¹⁴ Копогиллов М. Торговля округа в 1926—1927 году // Хозяйство Урала. 1929. № 8—9. С. 127.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 128—129.

¹⁷ Маляревский К. Первый год... С. 176.

¹⁸ Рожинский А. Завоз товаров на Тобольский Север // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С. 143.

¹⁹ Там же. С. 144.

²⁰ Там же.

- ²¹ Пиньжаков В. Задачи снабжения туземного Севера // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С. 150.
- ²² Устюгов П. Пути советского строительства на Крайнем Севере (к организации новых национально-территориальных округов и районов) // Советское строительство. 1931. № 3. С. 138.
- ²³ Гонцов Д.Я. По пути к счастливой зажиточной жизни (хозяйство Севера) // Советская Арктика. 1937. № 11. С. 53.
- ²⁴ Там же. С. 53—54.
- ²⁵ Кантор Е. Перевыборы советов в северных нацокругах и районах // Советский Север. 1935. № 1. С. 10.
- ²⁶ Тарасенков Г.Н. Обский Север и его экономика (Итоги и перспективы) // Советский Север. 1937. № 5. С. 87.
- ²⁷ Хомяков В.В. За культурную советскую торговлю // Советская Арктика. 1937. № 5. С. 65.
- ²⁸ Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921—1929 гг.). Екатеринбург; Салехард, 2006. С. 13.
- ²⁹ Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 132.
- ³⁰ Там же. С. 133
- ³¹ Сергеев М.А. Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953. С. 30—31.
- ³² Там же. С. 61.
- ³³ Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961. С. 28.
- ³⁴ Там же. С. 29.
- ³⁵ Там же. С. 28.
- ³⁶ Там же. С. 29.
- ³⁷ Там же. С. 60.
- ³⁸ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. / Под ред. И.А.Гладкова. М., 1963. С. 421—422.
- ³⁹ Там же. С. 423.
- ⁴⁰ Бударин М.Е. Социалистические преобразования в национальных районах Севера Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. С. 34—35.
- ⁴¹ Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 32—33.
- ⁴² Там же. С. 34.
- ⁴³ Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера: Учеб. пособие. М., 1972.
- ⁴⁴ Там же. С. 95.
- ⁴⁵ Там же. С. 95—96.
- ⁴⁶ Омельчук А.К. Салехард. Свердловск, 1978. С. 46.
- ⁴⁷ Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.): на материалах национальных районов и автономных округов Европейского и Сибирского Севера: Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 1980. С. 182.
- ⁴⁸ Там же. С. 183.
- ⁴⁹ Там же. С. 185.

⁵⁰ Прибыльский Ю.П., Федорченко В.И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 1988.

⁵¹ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н.В.Лукиной. Томск, 1999. С. 54.

⁵² Там же. С. 56.

⁵³ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформации. Нижневартовск, 2006. С. 171—172.

⁵⁴ Там же. С. 174—176.

⁵⁵ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 178.

⁵⁶ Троценко Н.Н. О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920 — начале 1930-х годов // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки / Под ред. Я.Г.Солодкина. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 86—87.

⁵⁷ Там же. С. 88.

⁵⁸ Аксарин В.В. Деятельность кооперации на Севере Западной Сибири в 1917—1940 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2006. С. 10.

⁵⁹ Там же. С. 109—110.

⁶⁰ Там же. С. 111.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Глумная М.Н. — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой общественных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Вологодский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС).

Ищенко О.В. — доктор исторических наук, доцент Сургутского государственного университета

Митрофанов В.В. — доктор исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (филиал в г.Нижневартовске).

Сапожникова Н.В. — доктор философских наук, профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Силаева И.А. — кандидат исторических наук, специалист ООО «Сотакс».

Солодкина Е.Н. — кандидат исторических наук, библиограф библиотеки Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Солодкин Р.Я. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Фарносова В.В. — заведующая отделом охраны памятников истории и культуры Комитета по культуре и кино администрации Березовского района.

Феоктистова Ю.В. — учитель истории МОСШ № 8 г.Ноябрьск, ЯНАО, аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Храмцов А.Б. — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.

Глава 1. Две первые редакции сибирского летописного свода: соотношение текстов	5
Глава 2. Сибирская администрация в Смутное время: к интерпретации летописных известий.....	41
Глава 3. Новые источники о развитии образования на территории Западной Сибири в середине XIX века	53
Глава 4. Послужные списки как источник о составе высших чинов полицейских управлений Тобольской губернии (1870—1890-е гг.).....	99
Глава 5. Материальное положение воспитанников учебных заведений Сибири в источниках конца XIX — начала XX вв.	121
Глава 6. Источники по истории управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х—1930-е гг.)	141
Глава 7. Документы областных архивов о состоянии сельского хозяйства Ханты-Мансийского национального округа периода Великой Отечественной войны	151
Глава 8. Образование коми Северного Зауралья в XX в.: из архивов автономных округов	160
Глава 9. «Я был, я видел, я делал»: люди, события, историческая память о нефти и освоении севера Сибири в источниках личного происхождения.....	171

Раздел II
ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ

Глава 1. Первые записки английских дипломатов и путешественников о России в оценках отечественных исследователей XX — начала XXI вв.	183
Глава 2. Н.Н.Оглоблин как исследователь документации Сибирского приказа и сибирских приказных изб XVI—XVII вв.	224
Глава 3. Формы кооперации и ее роль в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920—1930-х годах: историографический аспект	267
Сведения об авторах	288

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 7

Редактор *Н.В. Титова*
Компьютерная верстка *С.В. Фархутдиновой*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 08.11.2012
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 18,25
Тираж 300 экз. Заказ 1318

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*